

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 1 (67) №2

**Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»**

**является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.**

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2015**

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №13 от 29 октября 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф. к
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 24.12.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/5
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
sn-philol.cfuv.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.112.2

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА: «ПАРФЮМЕР» КАК «РОМАН О ХУДОЖНИКЕ»

Аникеева Е. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: elena.anikeeva.177@gmail.com*

Настоящая статья рассматривает проблему интертекстуальной игры, реализованной в «Парфюмере» как пародии на «роман о художнике». Уточняются и дополняются представления о жанровой специфике данного произведения и эстетических установках его автора. Прослеживается трансформация восходящего к романтической традиции образа гения в рамках постмодернистской парадигмы. Доказывается, что в «Парфюмере» автор создает симулякр классического образа, тем самым развенчивая культ гения и идею о преобразующей силе таланта.

Ключевые слова: Патрик Зюскинд, роман о художнике, гений, интертекст, романтизм.

ВВЕДЕНИЕ

Творчество немецкого писателя Патрика Зюскинда вызывает неугасающий интерес читателей и исследователей во всем мире. Его культовый роман «Парфюмер» по праву считается образцом немецкого литературного постмодернизма. Увидев свет в 1985 году, он вызвал бурную реакцию критиков, чьи оценки отличались неоднозначностью и даже полярностью: от самых лестных до категорически негативных.

Первый немецкий постмодернистский роман не мог не привлечь внимание литературоведов. В центре исследовательского интереса лежат вопросы о месте и роли данного произведения в современном литературном процессе, а также о его жанровой специфике. На родине писателя «Парфюмеру» посвящены работы А. Рааба, В. Галлета, Э. Франке, У. Покерна, В. Фрицена, В. Шютте, В. Кнорра и др. В отечественном литературоведении существует ряд фундаментальных работ, исследующих различные аспекты творчества Патрика Зюскинда. Это докторская диссертация В.А. Пестерева «Модификация романной формы в прозе Запада II половины XX столетия» (1999), которая изучает «двуприродность развернутой романной метафоры в «Парфюмере» П. Зюскинда» (Часть 1, Глава 4) [5]; диссертация Н.В. Гладилина «Гофманиана в немецком постмодернистском романе» (2002), рассматривающая влияние Гофмана на роман П. Зюскинда «Парфюмер» [1]; диссертация Ю.С. Райнеке «Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия)» (2002), где ее автор трактует роман «Парфюмер» как историографический роман и «программное» произведение постмодернизма [6]; и диссертация М.В. Никитиной «Роман «Парфюмер. История одного убийцы» в контексте творчества Патрика Зюскинда», посвященная анализу

художественной системы немецкого писателя, которая включает в себя помимо самого романа малую прозу и пьесу «Контрабас» [4]. Кроме того, отдельные аспекты творчества Патрика Зюскинда изучались А.Б. Ботниковой, Д.В. Затонским, А.М. Зверевым, Г.А. Фроловым, И.А. Черненко и др.

Не обойдена вниманием исследователей и проблема интертекста «Парфюмера», что закономерно, ведь роман «всецело сложен из тем, мотивов и образов литературы предшествующих эпох» [2, с. 134]. Он отсылает к литературным и культурным дискурсам прошлого, интегрирует сюжеты, мотивы и стили многочисленных авторов. Интертекстуальная стихия «Парфюмера» включает в себя библейские и мифологические референции, отсылки к Еврипиду, Гете, Новалису, Эйхендорфу, Шамиссо, Гофману, Бодлеру, Клейсту, Гюисмансу, Лавкрафту, Рильке, Т. Ману, Грассу, Эко. Те или иные пласты интертекста рассматривались в литературоведческих работах, однако степень освоенности данного вопроса не вполне соответствует его актуальности.

Настоящая статья призвана начать исследование интертекстуальной игры, реализованной в «Парфюмере» как пародии на «криминальный роман», «роман воспитания» и «роман о художнике», что позволит уточнить и дополнить представления о жанровой специфике данного произведения и эстетических установках его автора. Фокус работы сосредоточен на третьем элементе, а ее цель – проанализировать «Парфюмера» как «роман о художнике», созданный в постмодернистской парадигме, проследить его текстуальные интеракции в рамках очерченной проблематики.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды С.С. Аверенцева, М.М. Бахтина, И.П. Ильина, а также работы У. Виттштока, М. Шпанке, К. Либрант и ряда других зарубежных литературоведов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Роман о художнике» – традиционный для немецкой литературы жанр. В эпоху романтизма, символизма и модерна искусству как таковому и художнику-творцу приписывался особый статус, доведенный до абсолюта. Сложился своеобразная идеология, культ гения, способного преобразовать мир своим талантом.

«Парфюмер» – это история гения, уникального «художника запаха». Патрик Зюскинд обращается к проблеме творчества и творческой индивидуальности, исключительности творческой личности, находя оригинальный и неожиданный ракурс ее художественного осмысления. Образ главного героя Гренуя соединяет многие черты гения, как его видели в разные эпохи; создавая его, автор прибегает к интертекстуальным взаимодействиям с произведениями Новалиса, Грасса, Белля. Гренуй – это гротеск, оксюморон, «гениальное чудовище», он небожитель и дьявол в одном лице. Его дар – сверхчеловеческое обоняние, притом, что сам он запаха лишен.

Проследим, как в интертекстуальной игре преломляются черты, которыми наделяли гения писатели-романтики и представители модерна. Гений – всегда изгнанник, он не принят и не понят обществом, нередко живет в мире своих фантазий. Люди испытывают отвращение и инстинктивно сторонятся Гренуя, чья

замкнутость граничит с аутизмом. По ходу развития сюжета, он покидает мир и живет в горах, в своем мире ароматов, но возвращается к людям в поисках собственного запаха, теперь уже умело маскируясь при помощи созданных им духов.

Гений не вписывается в нормы жизни обывателей, не считается с устоями общества, он эксцентричен, даже тяготеет к безумию. Гений романтической поры – дитя природы, которому чужды общественные рамки. Связь гениальности и безумия волнует ума интеллектуалов конца XIX века и находит художественное отражение в произведениях того времени. Убийства для Гренуя, все 26, не несут в себе никакой моральной дилеммы, они естественны и «природны». Он не отвергает мораль, он существует вне ее. Кроме того, он является причиной смерти своей матери и приносит несчастья всем, кого встречает на своем пути. Стоит отметить, что вначале герой не находится в конфликте с окружающим миром. Этот хрестоматийный романтический конфликт Патрик Зюскинд переносит во внутренний мир Гренуя, страдающего от отсутствия собственного запаха, своей сути, самости.

Далее, художник должен выделяться из толпы и внешне, часто иметь тот или иной физический недостаток. Эта особенность гиперболизирована в главном герое романа до предела. Гренуй горбат, плохая наследственность, признаки дегенерации и последствия болезней оставили следы на его теле и лице. К тому же, нога его изуродована.

Талант является непременным атрибутом гения, сочетаясь с огромной силой воли. Вся жизнь главного героя «Парфюмера» подчинена запахам и его цели – создать вожделенный аромат. Он одержим своей работой. Гений одинок и независим, ведь его талант – наивысшая ценность. В романтической традиции одиночество и оторванность от людей мучительно переживается художником, хотя и выступает условием его личностного роста. Героя «Парфюмера» не тревожит внешний мир, чьи тяготы переносятся им с завидной стойкостью. Даже его рождение было своеобразным актом упорства, вызовом судьбе. Изоляцию Гренуя в горах можно трактовать как гротескную аллегория аполитичности художника, его подчиненности лишь своему таланту и идеалам искусства.

Гений обладает исключительностью, которая определяет его миссию. Эта характеристика не однократно подчеркивается в романе при выстраивании образа главного героя. Гренуй пришел в этот мир с неким «предназначением», которое он осознает после первого убийства. Судьбой ему уготовано осуществить революцию в мире запахов, стать величайшим парфюмером и Творцом...

Первым творением Гренуя становится человеческий запах. Но амбиции его простираются еще дальше: его новая цель – сверхчеловеческий аромат, вызывающий любовь у людей. Главный герой уподобляет себя Богу, он хочет стать «всемогущем богом аромата». Здесь угадывается интертекстуальное взаимодействие с мифом о Прометее, часто используемым мотивом романтической литературы. Гренуй похищает секрет аромата, саму его души. Если Прометей действует из благих побуждений, альтруистически, то главным героем

«Парфюмера» движут исключительно эгоистические мотивы: жажда власти, презрение, ненависть. В финальной сцене романа он проживает собственное величие, думая о подвиге Прометея.

Однако вскоре Гренуй осознает, как ненавидит он толпу; что созданный им аромат искусствен, симулятивен по своей сути, ведь художник не может быть «...воспринятым в своей истинной сути» [3, с. 282]. Люди воспринимают только его оболочку из запаха, не реагируя на его ненависть: «Чем больше он ненавидел их в это мгновение, тем больше они его боготворили, ибо ничто в нём не воспринималось ими как истина, кроме присвоенной ауры, кроме ароматической маски, краденого благоухания, а оно в самом деле было достойно обожествления» [3, с. 281]. Гренуй обливается духами и отдаем себя на съедение толпе. Здесь возникает библейская аллюзия: главный герой профанирует Христа и евангельское «Примите, ядите, сие есть тело мое». Его смерть представляет собой ритуал растерзания и поедания кумира в фанатическом порыве. Примечательны финальные строки романа, в которых звучит острая ирония: «Они впервые совершили нечто из любви» [3, с. 300].

ВЫВОДЫ

Основой повествовательной стратегии в романе «Парфюмер» Патрик Зюскинд избирает интретекстуальную игру с литературными дискурсами. Организующим элементом повествования выступает образ гения в его пародирующей и развенчивающей романтические каноны ипостаси. Симптоматичными являются сцены жизни героя в горах и его каннибализации в финале, в которых усматривается пародия на преувеличения и абсолютизации, характерные для романтической литературы. Фигурой гениального художника становится убийца. Патрик Зюскинд создает ярчайший по своей художественной мощи симулякр, тем самым играя с романтическими идеями, мотивами и темами, развенчивая эстетические установки и мифы «эпохи гениев».

Список литературы:

1. Гладилин Н. В. «Гофманиана» в немецком постмодернистском романе: Дис. ...канд. филол. наук: 10.01.03 / Гладилин Никита Валерьевич. – М., 2002. – 220 с.
2. Гладилин Н. В. Интретекстуальные референции в романах «Парфюмер» П. Зюскинда и «Сестра сна» Р. Шнайдера / Н. В. Гладилин // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. – 2009. – №4. – С.134-138.
3. Зюскинд П. Парфюмер / П. Зюскинд. – СПб.: Азбука, 2000. – 300 с.
4. Никитина М. В. Роман «Парфюмер. История одного убийцы» в контексте творчества Патрика Зюскинда: Дис. ...канд. филол. наук: 10.01.03 / Никитина Мария Валентиновна. – Тамбов, 2006. – 170 с.
5. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Занады второй половины XX столетия: (Снособы художественного синтезирования): Дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.03 / Пестерев Валерий Александрович. – Волгоград, 1999. – 337с.
6. Райнеке Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Дис. ...канд. филол. наук: 10.01.03 / Райнеке Юлия Сергеевна. – М., 2002. – 167 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА:
«ПАРФЮМЕР» КАК «РОМАН О ХУДОЖНИКЕ»

PATRIC SUSKIND'S INTERTEXTUAL GAMES:
PERFUME AS A "NOVEL ABOUT AN ARTIST"

Anikeeva E. A.

The present paper focuses on the problem of intertextual game embodied in *Perfume* as a parody to a "novel about an artist". The ideas on the genre specificity of the given novel and the aesthetic principles of its author are supplemented and made more accurate. The transformation of the image of genius within postmodernist paradigm is traced. It is proved that in *Perfume* the author creates a simulacrum of a classic image which is aimed at uncrowning the cult of genius and the idea of transforming might of talent.

Key words: Patric Suskind, Novel about an Artist, Genius, Intertext, Romanticism.

УДК 82-1/-9

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ КОРМАКА МАККАРТИ «ДОРОГА»

Бондаренко Л. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: lidiaguide@gmail.com*

Хронотоп как литературная универсалия является основным жанром и смыслообразующим признаком художественного произведения, объединяющим в себе фикциональное время и пространство текста. Ведущим в жанре постапокалиптического романа выступает хронотоп «дороги», реализуясь и трансформируясь посредством коннекторов и локусов. Пространство в романе «Дорога» выполняет важную смыслообразующую функцию в тематико-концептуальном контексте, символизируя течение времени, ход бытия и связь с будущим.

Ключевые слова: постапокалиптический роман, времяпространственные отношения, хронотоп, хронотоп дороги, коннектор места, коннектор пути, коннектор памяти, локус.

ВВЕДЕНИЕ

Постапокалиптика как направление в искусстве и литературный жанр начинает свое развитие с первой половины 19 века, одновременно с техническим прогрессом в Западном обществе. К середине 20-го столетия постапокалиптический жанр достигает апогея своего развития как реакция на вторую мировую войну, стремительный пресс науки и техники, направленный на военную промышленность и создание атомной и водородной бомбы. Сегодня, в начале 21 века, нет угрозы глобальной войны, но появилось множество других, о которых прежде человечество не беспокоилось – техногенная катастрофа, информационная катастрофа, экологическая катастрофа и многие другие виды опасности, которые могут привести к апокалипсису. Тема апокалипсиса все больше волнует общество, что находит отражение в развитии жанра научной фантастики в направлении постапокалиптики, и, вскоре последняя выделяется как самостоятельный поджанр литературы и кино, имеющий свои художественные и тематические особенности. Таким образом, **актуальность** данной темы определяется широким вниманием современного литературоведения к жанру постапокалиптического романа и значимостью творчества американского писателя Кормака Маккарти, имя которого ставят в один ряд с Доном Делило, Филиппом Ротом, Кацуо Исигуро и другими признанными англоязычными авторами.

Роман Кормака Маккарти «Дорога» относят к жанру постапокалиптики, для которого характерным является место действия – как правило, это разрушенный город, выжженная после катаклизма земля, разрушенные дома. В романе наблюдаются и другие характерные жанровые признаки: главные герои не имеют имен, они движутся по дороге на юг с надеждой на спасение, но без определенной уверенности в этом. По пути им встречаются склады, где можно найти минимум еды и одежды, необходимый для выживания. Им встречается корабль,

выброшенный на берег, который вопреки надеждам оказался пустым. Бандиты и обреченные путники встречаются на пути главных героев. Так, хронотоп дороги является не только композиционным, но и тематическим центром романа, а также его главным мотивом.

Хронотоп признается жанрообразующей текстовой универсалией. Термин введен в работе М.Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» [2]. В русском литературоведении проблема пространства и времени нашла отклик в трудах П. А. Флоренского, В. В. Виноградова, В. Я. Проппа, А. Цейтлина, В. Б. Шкловского. Проблема хронотопа художественного текста как основного жанрообразующего элемента рассматривалась также в работах Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко, В.Г. Гака, И.Р. Гальперина, Р.И. Енукидзе, М.А. Кронгауза, Т.И. Кубанцева, Е.С. Кубряковой, В.А. Кухаренко, Е.В. Падучевой, З.Я. Тураевой и многих других ученых. Среди наиболее видных разработок пространственно-временных категорий в зарубежной науке таких ученых, как Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и М. Мерло-Понти.

Однако, в данных трудах недостаточно внимания уделяется смыслообразующей функции хронотопа в литературном тексте, что составляет новизну данной работы. А также новым является материал исследования, поскольку творчество Кормака Маккарти в отечественном литературоведении крайне мало изучено.

Методика исследования представляет собой комплексный подход, сочетающий *структурный* и *культурно-исторический подходы*, а также *герменевтический метод*, который дает возможность изучить смыслообразующие функции хронотопов в различных жанрах. *Структурный метод* применяется при анализе композиционной структуры романа, выделении особенностей хронотопа произведения, выявлении жанровых особенностей и стилевых характеристик составляющих фрагментов, в сочетании с *методом рецепции* и *тщательного прочтения*.

Цель исследования – выявить стилистические и концептуальные особенности хронотопа реализующиеся в смыслообразующей функции времяпространства «нового постапокалиптического» романа на материале романа Кормака Маккарти «Дорога».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие «хронотоп» М.М. Бахтин определяет как «времяпространство» и «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2]. Ученый видит в нем «формально-содержательную категорию» - «...всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [2, с. 46]. М. М. Бахтин полагал, что «ведущим началом в хронотопе является время» [2, с. 23]. Хронотоп определяет и жанр, и образ человека, и сюжет. Пользуясь понятием хронотопа, М. М. Бахтин нарисовал впечатляющую картину европейского романного пространства, предложив типологию хронотопов и проследив их трансформации в истории.

Хронотопическая структура современного постапокалиптического романа отличается актуализацией параметра *пространства*. Именно в пространстве сосуществуют времена, именно через пространство разновременное предстает как одновременное; в пространстве вещь (не-знак) обретает свойство коннотативного знака, пространство «работает» как память, как последний и универсальный интертекст. Размыкание локальных хронотопов осуществляется через вневременность пространства, и сам текст своим устройством воплощает этот хронотоп без времени, в котором необратимое конкретное событие обретает иной временной статус благодаря мнемическому — метонимическому следу, которым оно прикрепляется к пространству [1]. Художественное *время* романа условно делится на «до» и «после» катастрофы. Действие происходит преимущественно во времени «после», о прошлом узнаем посредством коннектора памяти, действующего через отца. Где нет хода времени, там нет и момента времени в полном и существенном значении этого слова. Современность, взятая вне своего отношения к прошлому и будущему, утрачивает свое единство, рассыпается на единичные явления и вещи, становится их абстрактным конгломератом [1].

Место и время действия являются смысловым и сюжетным центром романа, а не только событийным фоном. Так, хронотоп дороги в романе является не только основным местом действия, но и коннектором, то есть связующим элементом различных временных сегментов (прошлой жизни отца до катастрофы и настоящего — после нее). По дороге движутся все персонажи романа, направление их пути и цель неопределенны, скорее всего, они идут в никуда. Хотя отец и сын стремятся на юг.

Хронотоп дороги М. Бахтин выделяет как один из наиболее важных и символических в литературе, начиная с античности, являющийся архитипичным практически во всех культурах. «Дорога особенно выгодна для изображения события, управляемого случайностью (но и не только для такого). Отсюда понятна важная сюжетная роль дороги в истории романа. По Бахтину, дорога — не только путь времени, но и символ духовного пути. Образ дороги «...переходит в метафору дороги, жизненный путь, путь души, то приближающий к Богу, то удаляющий от него (в зависимости от ошибок, падений героя, от событий, встречающихся на его реальном пути) [2, с. 216]». Так, в романе «Дорога» сын, родившийся уже после катастрофы и не знавший другого мира, идет по дороге с отцом и во время пути учится жизни, приобретая жизненный опыт.

Основным в романе является хронотоп дороги, символизирующий жизненный путь человека и природу бытия вообще. Дорога — это локус, где происходят всевозможные, даже самые невероятные встречи. Дорога — символ движения, это динамика жизни. В постапокалиптическом пространстве, где исчезли все связи с прошлым, именно дорога служит тем связующим звеном, которое духовно поддерживает отца.

Далее Бахтин замечает, что аналогичную дороге функцию несет в романах ««чужой мир», отделенный от своей страны морем и далью [2, с. 135]». В романе Маккарти, «Дорога», герои стремятся на юг, к морю. И они доходят до моря, ожидая увидеть прозрачную голубую водную гладь, но вместо этого перед ними —

мутная темная вода. Возможно это крушение надежды, потеря веры и желания спастись, но с другой стороны – за морем «чужой мир» и его можно достичь, если преодолеть бурную пугающую стихию. Море оказалось концом дороги для отца – дальше сын должен идти самостоятельно, находя свой путь. Таким образом, хронотоп дороги несколько трансформируется в хронотоп «чужого» посредством коннекторов, которые используются в тексте для соединения различных хронотопов и создания непрерывности и связанности. Так, М. Бахтин выделяет коннектор пути, коннектор места и другие. В романе «Дорога» наиболее важны именно эти два коннектора.

Наиболее очевидным в романе выступает коннектор места – города и деревни и другие локусы, разрушенные во время катастрофы, он работает в первую очередь по принципу тождества, игнорируя неизбежно вносимые временем изменения. Город, где жил отец, является связью между прошлым и настоящим. В него путники попадают случайно, но не совсем. Отец знает, что недалеко должен быть океан, за которым – спасение. Это единственный путь к спасению в этом кошмарном настоящем.

Другим коннектором места в романе выступает река – архетип вечного движения. Как и дорога, река символизирует жизненный путь человека, всего живого, изменения природы и бытия вообще. Возможно, именно поэтому герои приходят к реке и любуются водопадом – это чудо природы всегда считалось символом очищения, начала чего-то нового. Не смотря, на подавляющую мрачную атмосферу, царящую в разрушенных городах, и на дороге, герои способны воспринимать красоту природы и радоваться ей.

Коннектор пути в романе играет важную роль по ходу развития событий – встречи с разными людьми на пути отца и сына. Это абсолютно разные люди, но их объединяет то, что все они пережили катаклизм. Отец и сын встречают хромого незнакомца. Путникам встречаются трупы, страдающие, обреченные на смерть люди, вор, который грабит их еду и одежду и которого они догоняют, отобрав награбленное. Вор остается без средств к существованию и очевидно скоро умрет. Они встречают маленького мальчика, которого видит только сын. Особое значение имеет встреча сына с «хорошими людьми» в конце романа после смерти отца, когда мальчик остается один. Это семья – родители и сын, почти ровесник главного героя.

Коннектор пути имеет значение и в тематико-идейном контексте, символизируя желание жить и саму жизнь как движение. Становится важным просто остаться в живых, не смотря на отсутствие надежды и желания жить, не смотря на отсутствие цели и понимания смысла. Движение и путь – символы жизни. Сойти с пути – значит умереть. Оставаться на пути тяжело и по силам не всем. Мать мальчика, родившая сына уже после катастрофы, уходит, покидая мужа и ребенка. У нее не остается сил продолжать путь. Но связь с ней остается благодаря коннектору памяти, который реализуется через воспоминания и материальные предметы, выступающие в роли «напоминателей» о другой жизни – колода карт, фотографии, мебель, товары в супермаркете, еда и другие [7, с.140].

ВЫВОДЫ

Память о прошлом, пережитой опыт всегда сдерживает, ограничивает движение вперед, с одной стороны, но, с другой – дает силу и придает уверенность. Мальчик спрашивает отца о прошлой жизни, но тот не многословен о своем прошлом. Отец рассказывает о друзьях, но почти ничего о матери сына, своей жене, их доме и жизни до катастрофы, о том, как они были счастливы вместе, о своих надеждах и мечтах. Однако, горе проходит, память – избирательна, она оставляет лишь хорошие светлые воспоминания, остальное уходит насовсем в прошлое и больше не возвращается. Символом течения времени является хронотоп реки – как разделитель между настоящим и прошлым и как связь с ним.

В романе контрастирует красота природы и ее драматические описания с мрачной атмосферой разрушенных городов и поселков, ужасных людей, едящих себе подобных. Стиль описаний природы такой же краткий и сдержанный, преимущественно нейтральная денотативная лексика и простой синтаксис. Однако, благодаря ярким сравнениям и метафорам, автору удается создать неповторимые яркие описания природы. Любование красотой природы среди ужасов постапокалиптического мира – это надежда на возрождение в образе сына. Таким образом, изменение пространства влечет за собой изменение жизни героев.

Список литературы

1. Аташева К. За последней чертой. Апокалипсис в аниме / К. Аташева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fantlab.ru/work213517> .
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Худож. лит., 1975. — С. 234 – 407 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>. – Загл. с экрана.
3. Единство места времени и действий : сб. статей. – Режим доступа : http://www.superlib.org.ru/psychology/time_and_place.phtml. – Загл. с экрана.
4. Кривцун О. А. Человек в его историческом бытии: опыт психологических и художественных измерений / О. А. Кривцун [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46707>. – Загл. с экрана.
5. Лихачев Д. С. Литература – Реальность – Литература / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 214 с.
6. Шкловский, В. Проблема времени в искусстве // Шкловский В. О теории прозы. – М. : Сов. писатель, 1983. – С. 242-249.
7. McCarthy Cormack. The Road / Cormack McCarthy. – NY.: Vintage Books, 2006. – 320 с.

**SENSEFORMING ROLE OF POSTAPOCALIPTIC CHRONOTOP IN
CORMACK MCFCCFRTHY'S NOVEL "THE ROAD"**

Bondarenko L. V.

As a literary universal, chronotop is a major genre- and sense-generation property of a work of literature, comprising fictional time and space of the text. Chronotop of the "road" plays the leading part in the genre of postapocalyptic novel, revealing itself and transforming by means of connectors and loci. The space performs an important sense-generating function in the novel of "The Road" in thematic-conceptual context, symbolizing the flow of time, dynamic of life and connection with future

Key words: postapocalyptic novel, time-space relations, chronotop, chronotop of "the road", "space" connector, "way" connector, "memory" connector, locus.

УДК 821

«ИСКУССТВО ПАМЯТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ П. МОДИАНО

Норец Т. М.

*Институт иностранной филологии Таврической академии
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: tnorets@rambler.ru*

Представленная статья является попыткой исследовать проблемы реконструкции прошлого, героев, не имеющих ничего общего с конкретными людьми, особой завораживающей атмосферы в произведениях Патрика Модиано. Романы автора во многом автобиографичны, в них огромное желание понять жизнь, самые непостижимые человеческие судьбы.

Ключевые слова: прошлое, память, время неприкаянное, лишнее поколение.

В настоящее время творчество Патрика Модиано достаточно широко известно, в его произведениях поднимаются социальные и психологические темы, которые всегда были и остаются актуальными. Целью данной статьи является изучение специфики изображения современной цивилизации в творчестве Патрика Модиано и определения места человека в ней. Данная цель предполагает решение следующих задач: определение тематики и проблем, затрагиваемых автором с акцентированием проблем человека и общества.

Франция занимает второе место по количеству лауреатов Нобелевской премии в области литературы. В 1901 году ее получил Сюзли-Прюдом, а в 1985 - Клод Симон. 2000 год ознаменовался присуждением Нобелевки китайцу французского происхождения Гао Синцяню. В 2008 году она была присуждена Гюставу Леклезю, и, наконец, в 2014 году Патрик Модиано становится пятым французским писателем, получившим эту престижную награду [4].

Патрик Модиано - один из наиболее значимых современных французских писателей. Он автор трех десятков романов, многие из которых были высоко оценены у него на родине. Так роман «Улица темных лавок», написанный в 1978 году (и переведенный на русский в 1998-м), получил Гонкуровскую премию, а «Бульварное кольцо» (1972 год) - Большую премию Французской академии. В 1984 году за совокупность творчества ему был вручен приз князя Монакского.

Первый роман Модиано «Площадь Звезды» был опубликован, когда автору исполнилось всего 23 года, и сразу же привлек внимание читающей публики. Многие его романы так или иначе связаны с темой оккупации Франции во время Второй мировой войны, а их действие разворачивается в Париже или его ближайших предместьях.

В своих произведениях Патрик Модиано описывал самые непостижимые человеческие судьбы, связанные с периодом немецкой оккупации и в связи с этим желание понять жизнь своих родителей, особенно отца, с которым он перестал общаться с середины 60-х годов. Отсюда и автобиографичность большинства его романов [7].

Главная тема Патрика Модиано — попытка реконструировать прошлое: этим занимается Тереза из «Маленького чуда» (она ничего не знает о своей матери, знает только о таинственном предсказании цыганки, которое странным образом определило всё ее будущее; финал переворачивает всю конструкцию с ног на голову). Этим же озабочен Ги Ролан из «Улицы темных лавок», он страдает амнезией и в поисках собственного прошлого сталкивается с целой толпой русских эмигрантов первой волны, описанных у Модиано с глубокой симпатией. Почти все герои Патрика Модиано имеют дело с психологической травмой Второй мировой, с французским коллаборационизмом, с чувством стыда и вины.

Еще в 70-х годах прошлого столетия Патрик Модиано признавался, что он «одержим предысторией, прошлым», а «прошлое - это постыдная эпоха оккупации». «Мой сюжет - время» - такую краткую характеристику своего творчества дал он в одном из интервью газете «Монд». Причем чаще всего в своих книгах Модиано не стремится строго соблюдать хронологию событий, потрясших в те годы Францию. Они для него служат фоном, на котором писатель изучает своих героев, представителей «неприкаянного, лишнего поколения». Как считают местные критики, Патрик Модиано продолжает традицию модернистской литературы XX века, представленный такими именами, как Эрих Мария Ремарк, Эрнест Хемингуэй, Трумен Капоте. Его книги переведены на многие языки и неоднократно экранизировались.

Герои Патрика Модиано не имеют ничего общего с конкретными людьми, они призрачны, почти спектральны, часто связаны с драматическими событиями, они бродят в поисках утраченной памяти по улицам Парижа, изучая его как загадку, по следам людей, в реальности которых начинает сомневаться читатель. Автор пытается дать читателю ключи к пониманию этого странного призрачного мира, живущего по своим законам.

Этот завораживающий туманный литературный пейзаж служит писателю местом игр в прятки с читателем. Его романы это всегда сложности в восприятии как сюжетной линии, так и самого стиля писателя.

Для писателя очень важна первая фраза романа, которая содержит некий код, настрой на восприятие всего содержания произведения:

«Je ne suis rien. Rien qu'une silhouette claire, ce soir-là à la terrasse d'un café» (Я – ничто. Только прозрачный силуэт на террасе кафе) «Улица Темных Лавок» [6, с. 11].

«Presque rien. Comme une pique d'insecte qui vous semble d'abord très légère.» («Почти ничего. Как укус насекомого, который вам кажется вначале незначительным») («Pour que tu ne ne perdes pas dans ton quartier») «Чтобы ты не потерялся в квартале» [5, с. 11].

Тексты писателя изобилуют афоризмами:

«Хютте любил приводить в пример некоего «пляжного человека», как он его называл. Этот человек провел сорок лет своей жизни на пляжах или в бассейнах, болтая с курортниками и богатыми бездельниками. На тысячах летних фотографий он, в купальном костюме, стоит с краешка или на заднем плане какой-нибудь веселой компании, но вряд ли кто-нибудь мог бы сказать, как его зовут и откуда он взялся. Точно так же никто не заметил, как в один прекрасный день он исчез с

фотографий. Я не осмеливался признаться Хютте, но мне казалось, что «пляжный человек» – это я. Впрочем, он бы не удивился. Хютте всегда повторял, что, в сущности, все мы «пляжные люди» и что «песок, – я привожу его выражение дословно, – лишь несколько мгновений хранит отпечатки наших шагов» – «Улица Темных Лавок».

«Я думаю, это реальность, с которой сталкивается грезящий, и всякий раз это оказывается для него жестоким пробуждением. Но поскольку все три эпизода принадлежат прошлому, «жестокая действительность» тоже обретает черты то ли сновидения, то ли фантазии». – «Незнакомки».

«Маленькая девочка вместе с матерью возвращается в сумерках с пляжа. Она плачет, в общем-то, без причины, ей просто хотелось еще поиграть. Она уходит все дальше. Вот она уже завернула за угол... И наши жизни, не рассеиваются ли они в вечерних сумерках так же стремительно, как детская обида?» – «Улица Темных Лавок».

«В жизни важно не будущее, а прошлое». – «Улица Темных Лавок».

«Наверное, судьба иногда проявляет настойчивость. Посылает дважды или трижды возможность с кем-то заговорить. Не воспользуешься, тебе же хуже». – «Горизонт».

«Случается, что какой-нибудь человек остается при вас всю жизнь и вам не удается его оттолкнуть. Он знал вас в благополучные времена, но не отстает от вас и в бедности и все так же восхищается вами, единственный, кто вам еще доверяет, или, как говорится, слепо в вас верит». – «Маленькое Чудо».

«Я думаю, что подъезды домов хранят шаги тех, кто когда-то часто бывал здесь и потом исчез. Какие-то замирающие волны и сейчас дрожат в воздухе, они становятся все слабее, но их можно уловить, если прислушаться» [8].

Творчество Патрика Модiano затрагивает острые социальные проблемы, в частности проблему человеческой личности и цивилизации, которая выражается в теме жестокости войны. Несмотря на внешнюю призрачность и неопределенность как сюжетной линии, так и героев его произведений, Модiano нашел свой способ изображения действительности. Художественный мир его героев во многом отражает путь поиска самого автора. Жанрово-стилистические особенности произведений автора требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. <http://www.rbc.ru/politics/09/10/2014/54363fffcbb20fb0d5ed1547>
2. <https://www.litmir.co/a/?id=14798>
3. www.livelib.ru/author/183573
4. www.gazeta.ru/culture/2014/10/09/a_6255257.shtml
5. P.Modiano « Pour que tu ne te perdes pas dans le quartier» édition Gallimard,2014,146p.
6. P.Modiano «Rue des Boutiques Obscures» édition Gallimard,1978,250p.
7. <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20141009-dmitriy-bykov-nobel-patrika-modiano-kak-vazhnyy-trend-premii>
8. www.dni.ru/culture/2014/10/9/282974.html

«THE ART OF MEMORY» IN PATRICK MODIANO'S WORKS

Norets T. M.

The given article is the attempt to investigate the problems of the reconstruction of the protagonist's past, having nothing to do with the concrete people, the attempt to feel the amazing atmosphere in Patrick Modiano's works. The author's novels are autobiographical, they contain the vast desire to realize life, the destinies of people.

Nowadays Patrick Modiano's works are well known, social and psychological themes are touched upon in his novels that ever remain up-to-date.

Patrick Modiano (DB 1945) can be differentiated as the post-war generation of French writers. The instability of the society after the Second World War gave the feeling of vagueness of entity. That's why the bible theme, the theme of seeking for the Father, seeking for the origin, when the author analyzes the history as the reason of reality characterizes Modiano's works.

Modiano's protagonist is in most cases the man of the lost generation whom "nothing keeps", the past is dim and vague, the reality is not stable and the future is unclear. Unnecessary in reality the protagonist tries to find his memory, to learn the family genealogy to feel the sureness in contemporary world that exist "without support" A very important category for Modiano's world is Chronos in all its realizations – yesterday, today, tomorrow. His protagonists are looking for their own past to recapture themselves as a personality as an individual. Experience, memory can give back "the lost time"; photos, diaries, documents help it but he cannot recreate the past because amnesia broke his capability to bind faces with names, events, dates. The absence of accepting of reality by the author where everything is dim and divided, where truth and humanism is substituted for the show-world is realized in the fact that Patrick Modiano is more inclined to neoromanticismic variant of vision of reality. Romantic tradition finds itself in the presence of secret, unexplainable accidents, in the anguish for the past, though not being so bright and attractive as the present but stable and comfortable for a man. Besides Modiano works closer to the impressionistic word: the variety of semitones, exquisite coloristics of the episodes, vagueness of the psychological bridges, sometimes unexpected usage of black and white variants of imaging when photo print starts waking up memory – all these factors tend to underline the dimness of the life of a protagonist.

Patrick Modiano said that he was captured by the history, by the past, by the war, by the time of occupation that had mutilated the destinies of many people not only in France. His plot is time. The time without following the chronology, the time which lives according to its own laws, the time which reigns everywhere and everything: people, events.

Key words: *past*, memory, the time of restlessness, generation out-of-need.

УДК 811

О ДУХОВНОЙ БРАНИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Терлецкий А. Д.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

В статье рассматриваются общие принципы и проблемы изучения духовной борьбы в жизни и творчестве русских писателей. Эта борьба имеет первостепенное значение в земной жизни человека, ибо она определяет его вечную участь. Об этом ясно свидетельствуют Священное Писание, творения отцов Церкви и богословские исследования, а также жизненный и творческий опыт многих русских писателей. Высшее и истинное (в христианском понимании) назначение науки состоит в служении делу спасения рода человеческого. Этой сверхзадачей определяется специфика православного научного подхода к решению всех насущных вопросов нашей жизни, в свете ее проявляется содержательность и ценность самой науки.

Ключевые слова: духовная борьба, Истина, Православие, добродетель, страсть, гордость, наука.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение духовных феноменов в различных сферах жизни (в частности, в литературоведении) предполагает соответствующие подходы и методы. Духовные понятия, имеющиеся в обиходе писателей, правомерно могут быть использованы и исследователями, занимающихся изучением их творческого наследия и жизненного опыта.

По учению Православной Церкви, все формы и разновидности видимой борьбы в истории рода человеческого (от мировых войн и «разноцветных» революций до семейных раздоров и бытовых конфликтов) есть лишь следствие и внешнее выражение иной, малозаметной или вовсе невидимой, духовной брани. По учению Православной Церкви, эта брань имеет первостепенное значение в земной жизни человека, ибо она, в конечном счете, определяет его вечную участь. Об этом ясно свидетельствуют Священное Писание, творения святых отцов Церкви, богословские исследования и подвижнические наставления, а также жизненный и творческий опыт многих русских писателей.

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 11–12), – призывает всех христиан апостол Павел. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в проповеди от 12 августа 1956 года говорит по поводу этих апостольских слов: «И какими слезами оплачем мы тех близ нас, которые ничего не хотят знать об этой борьбе, о духах злобы поднебесных, которые смеются над верой нашей в нечистых духов? Какими слезами оплачем их? Ибо, конечно, для бесов, для самого диавола в высшей степени выгодно, чтобы в них не верили, чтобы никогда о них не думали, чтобы никогда не ощущали близости их. Ибо скрытый, неведомый враг гораздо опаснее врага видимого» [12, с. 39–40]. «Упорное неверие в

бытие злых духов есть настоящее беснование, ибо идет наперекор Божественному Откровению; отрицающий злого духа человек уже поглощен дьяволом (1 Петр. 5,8)» [17, с. 4], – отмечает в своем дневнике за 1898 год святой праведный Иоанн Кронштадтский. «Пока не окончится земная жизнь человека, до самого исхода души из тела, продолжается в нем борьба между грехом и правдой. Какого бы высокого духовного и нравственного состояния кто ни достиг, возможно для него постепенное или стремительное, глубокое падение в бездну греха» [4, с. 31], – предупреждает об опасности духовной брани святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Афористически кратко сущность и важность этой борьбы сформулировал Ф. М. Достоевский: **«Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»** (здесь и далее все выделено мной – А.Т.) [7; т. 14, с. 100]. И если Бога сатана победить не может, то человек «по своей глупой воле» (выражение героя «Записок из подполья» Достоевского) может отдать сердце и душу дьяволу – и тогда никакие внешние успехи, достижения и победы не избавят его от поражения в духовной брани.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Итак, обращаясь к рассмотрению разного рода научных вопросов, не будем упускать из виду, что все наружные нестроения и борения нашей жизни проходят прежде всего через человеческие сердца, а потом уже проявляются в разнообразных внешних формах. Ибо - по слову Спасителя - «из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк. 7; 21-22). Поэтому, при всей важности конкретно-исторических, социальных, идеологических, психологических и т. п. причин всего происходящего в мире, главными, безусловно, следует признать причины духовные (внутренние, сердечные). Они-то и являются первоначальными причинами всех деяний человеческих, а все прочие причины суть лишь их закономерные следствия, ведущие к последствиям и конечным результатам.

Сегодня во многих сферах жизни, в том числе и в системе науки и образования, навязчиво-популярным становится принцип толерантности (терпимости). Но, несмотря на это, **главнейшей целью истинной науки продолжает оставаться познание Истины**, а не только изучение разного рода уклонений от нее – заблуждений человеческого ума и сердца. Какая участь ожидает уклоняющихся от Истины (в угоду человеческим заблуждениям и мнениям), наглядно показал И. А. Крылов в басне «Сочинитель и Разбойник» (1818). Там «славою покрытый Сочинитель», оказавшись после смерти в аду, с удивлением и возмущением обнаруживает, что он грешнее и потому страшнее наказан, чем Грабитель с большой дороги, который «По лютости своей и злости / ...вреден был, / Пока лишь жил». Писателя уже «давно истлели кости», но его «творений яд не только не слабеет, / Но, разливаясь, век от веку лютееет». Поэтому – по делам его «и казни мера» – мучениям Сочинителя на том свете конца не предвидится:

*Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
В ней каждой капли слез и крови - ты виной. ...
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол! [10; с. 594-596]*

В свое время Вл. С. Соловьев, сам неоднократно впадавший в еретические мудрования, заметил: **«Истина интолерантна, то есть не терпит неистины по самой природе своей»** [5, с. 124]. По слову нашего современника – православного поэта иеромонаха Романа (Матюшина): «...Истина не любит моду, коловращений суеты...» [14, с. 152]. Святые отцы Православной Церкви предупреждали: вера в Истину – спасает, вера в ложь – губит. Следовательно, толерантность целесообразно проявлять ко всему благому и душеполезному, а ко всему душепагубному, развращающему и растлевающему человеческую душу (в особенности душу ребенка) проявлять толерантность – мягко говоря – неразумно.

Другой **важнейшей задачей литературоведения является извлечение уроков (научений) из литературного и жизненного опыта** писателей и поэтов, привлекающих внимание исследователей. В этом также заключается истинное **назначение науки** (которая – по смыслу самого слова – должна чему-то **научать человека**). Отрадно, что в последние времена в отечественном литературоведении «научный» плюрализм, продолжающий марксистскую традицию извращения Истины на более высоком профессиональном уровне, начал уступать место православно-христианскому подходу к литературным явлениям, позволяющему по ясным и простым критериям различать добро и зло, правду и ложь. Такой подход может быть продуктивен в исследовательской работе, с одной стороны, при должной строгости в соблюдении второй заповеди Закона Божьего: **«Не сотвори себе кумира...»** (Исх. 20, 4) и, с другой стороны, евангельской заповеди: **«Не судите, да не судимы будете; / Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»** (Мф. 7, 2). Уклонения же в разные стороны - по замечанию хроникера из романа «Бесы» - «с людьми науки у нас на Руси... сплошь да рядом» случаются [7; т. 10, с. 8].

Писатель-христианин не только сам ищет «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33), но и стремится помочь найти его другим. За вверенный ему талант он несет сугубую ответственность перед Богом и перед людьми: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48). Однако следовать по пути спасения (и тем более вести за собой других) может только имеющий правильное представление о добре и зле. Преподобный

Антоний Великий **называет умными людьми** не тех, «которые изучили изречения и писания древних мудрецов», но лишь тех, «у которых душа умна, которые могут рассудить, что добро и что зло» (Наставления о доброй нравственности и святой жизни в 170 главах. Глава 1. – см.: Добротолюбие. Т. 1.).

Первостепенное значение для такого рассуждения имеет учение Православной Церкви о страстях (см.: «Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями» – 8; с. 168-172) и добродетелях (см.: «О добродетелях, противоположных восьми главным греховным страстям» – 8; с. 173-175), основанное на святоотеческом толковании Священного Писания. Согласно этому учению, для правильного различения добра и зла существует единственно верный критерий: **в основании добра лежит смирение, а в истоках зла – гордость в различных ее проявлениях**: «гордость есть мать пороков, от которой и диавол сделался диаволом, не быв прежде таковым» [4, с. 387]. В Библии слово «гордость» употребляется более сотни раз - и ни разу в положительном значении и контексте. «Разве есть благородная гордость? Ее нет, а есть одна только гордость бесовская» [13, с. 110], - напоминает нам преподобный Моисей Оптинский. Около 3-х тысячелетий тому назад Господь Бог в предельно простой форме через царя Соломона изрек **один из важнейших духовных законов жизни: «Погибели предшествует гордость, и падению - надменность» (Притч. 16, 18)**. Вся история мира (видимого и невидимого) свидетельствует о его непреложности: от погибельного падения высшего ангела Люцифера до гаршинской «лягушки-путешественницы». Но при всей своей предельной простоте этот духовный закон оказался **очень ТРУДНЫМ ДЛЯ УРАЗУМЕНИЯ**. Преподобный Марк Подвижник (Vв.) дал нам для его усвоения простой практический совет: «Когда заметишь, что помысл обещает тебе человеческую славу, знай наверняка, что он готовит тебе посрамление» (см.: «Добротолюбие», Т. 1, «Двести глав о духовном законе» святого Марка Подвижника, гл. 90). К сожалению, мы без должного внимания и серьезности относимся к духовным законам, данным Богом всему человеческому роду, а не только монахам-подвижникам. Законы эти имеют универсальный характер. Незнание их (а тем более – пренебрежение ими) никого не освобождает от ответственности. Об этом наглядно свидетельствуют трагические судьбы многих известных миру писателей и созданных ими «героев», павших «жертвою... в борьбе роковой» с собственными страстями.

Приведем пару примеров.

Герой хрестоматийно известной поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839) в своей предсмертной исповеди духовному отцу так «гордо» и красноречиво описывает воздействие страсти на свою душу:

*Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла [11, с.596].*

Страсть эта в финале исповеди приводит «героя» к безумному умозаключению:

*Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял... [11, с. 612].*

Образное сравнение поэтом «пламенной страсти», изгрызающей и сжигающей душу, с презренным червем невольно вызывает в памяти евангельские слова об участи нераскаянных грешников в геенне огненной, «где червь их не умирает и огонь не угасает» (см.: Мк. 9; 43-48). К этому геенскому состоянию вечного мучения и приготавливают греховные страсти бессмертные души людей.

Другой – малоизвестный – пример разрушительного влияния страстей на человеческую жизнь дан поэтом Владимиром Игнатьевичем Соколовским (1808-1839) в его авторской «Исповеди»:

*...Я сердцем жил, и бурны страсти
Торжествовали над умом.
Печали, скорби и напасти
Ко мне стекались часто в дом.
Всегда собою недовольный,
За скудный дар я жизнь считал;
Неистовый и своевольный,
Я быстро от страстей сгорал.
<...>
Да, жизнь моя скудна добром;
В ней мало веры — все безверье;
В ней мало дела — все безделье;
Обильна лживости и злом,
Полна несбыточных желаний,
Предупреждений и забот,
Ничтожных мелочных хлопот;
Не высказуемых мечтаний... [18].*

Здесь нельзя не согласиться с В. А. Чивилихиным, отметившим, что «едва ли можно было написать подобные строки, не имея личного горчайшего жизненного опыта» [18]. И только те из русских писателей, которые стремились жить и судить о происходящем по разуму Церкви, хорошо понимали **исключительную важность борьбы с греховными страстями не только для жизни каждого человека, но и для общества, народа, государства и человечества в целом.**

Для извлечения духовно-нравственных уроков из жизненного и творческого опыта любого писателя важно рассматривать и оценивать его (этот опыт) не по промежуточным и преходящим, а по конечным результатам, или, как говорили в древности, «с точки зрения вечности», т. е. судить о нем «по плодам» (Мф. 7; 16, 20), а не по скоро увядающим цветам. Л. А. Тихомиров в своих «Религиозно-философских основах истории» по этому поводу отмечает: «...эсхатология (от гр. eschatos - последний. - А.Т.) **выясняет и разумную цель жизни мира, и последние завершения его судеб**» (здесь весь курсив авторский - А.Т.) [16, с. 537]. При этом не следует забывать о непреложности действия Промысла Божьего в мире. «**В том, что существует (и происходит), нет ничего беспорядочного, ничего неопределенного, ничего напрасного, ничего случайного.** Не говори: злая случайность или недобрый час. Это слова людей невежественных», - наставляет нас святитель Василий Великий [2, с. 256].

Эсхатологический подход к изучению жизни и творчества русских писателей определяется эсхатологической сущностью самого Христианства. Исторический период между Первым и Вторым Пришествием Христовым обозначен в Священном Писании Нового Завета как последние времена мира, который «весь... лежит во зле» (1 Ин. 5, 19). «Дети! - обращается св. апостол Иоанн Богослов ко всем христианам, - последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Ин. 2, 18). В церковно-славянском тексте Библии эта мысль звучит еще определеннее: «Дети, последняя година есть, И якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристомзибыша, от сегоразумеваем, яко последний час есть». Первая молитва ко Святому Причащению, составленная святителем Василием Великим начинается словами: «Владыко Господи Иисусе Христе Боже наш, Источниче жизни и безсмертия, всяя твари видимыя и невидимыя Содетелю, безначального Отца соприисносущный Сыне и собезначальный, премногия ради благодсти в последния дни в плоть оболкийся, и распныйся, и погребыйся за нынеблагодарныя и злонравныя, и Твоюю Кровиюообновивыйрастлевшее грехом естество наше, Сам, Безсмертный Царю, приими и мое грешнаго покаяние...» (см. Последование ко Святому Причащению в Православном молитвослове). В Символе Веры мы, православные христиане, исповедуем веру «во единого Господа Иисуса Христа... паки грядущаго со славою судити живым и мертвым», чаем «воскресения мертвых, и жизни будущаго века». А в церковном чине «Последования в Неделю Православия» провозглашается: «Отмещущим (отвергающим) безсмертие души, кончину века, суд будущий, и воздаяние вечное за добродетели на небесех, а за грехи осуждение, анафема (трижды)» [3, с. 418].

Младший современник Достоевского - св. прав. Иоанн Кронштадтский так говорит о самой главной науке, которую следует изучать всем: «Наука наук - побеждать грех, в нас живущий, или действующие в нас страсти; например: великая мудрость - ни на кого и ни за что не сердиться, ни о ком не мыслить зла, хотя бы кто и причинил нам зло, а всеми мерами извинять его; мудрость - презирать корысть, сласти, а любить нестяжание и простоту в пище и питье с всегдашнею умеренностью; мудрость - никому не лстить, но всякому говорить правду

безбоязненно; мудрость - не прельщаться красотой лица, но уважать во всяком красивом и некрасивом человеке красоту образа Божия, одинакового у всех; мудрость - любить врагов и не мстить им ни словом, ни мыслию, ни делом; мудрость - не собирать себе богатства, но подавать милостыню бедным, да стяжем себе сокровище неоскудеемо на небесех (Лк. 12, 33). Увы! мы едва не всякую науку изучили, а науки удаляться греха вовсе не учили и оказываемся часто совершенными невеждами в этой нравственной науке. И выходит, что истинно мудрые, истинно ученые были святые, истинные ученики истинного Учителя - Христа, а мы все, так называемые ученые, - невежды, и чем ученейшие, тем горшнее невежды, потому что не знаем и не делаем единого на потребу, а работаем самолюбием, славолубием, сластолюбием и корысти» [9, с. 621-622]. Таким образом, **высшее и истинное (с христианской точки зрения) назначение науки состоит в служении делу спасения рода человеческого.** Этой сверхзадачей определяется специфика православного научного подхода к решению всех насущных вопросов нашей жизни, в свете ее проявляется содержательность и ценность самой науки.

Об изучении самой главной - «единой на потребу» (Лк. 10; 42) - науки напоминает нам мудрая русская пословица: «Век живи - век учись, а дураком помрешь». Духовный смысл ее следующий: если мы всю жизнь и силы будем отдавать только мирским наукам и пренебрегать изучением Слова Божия для жительства по евангельским заповедям, то результат будет плачевный - на Страшном Суде мы останемся в дураках, каких бы ученых степеней и званий мы здесь не достигли.

ВЫВОДЫ

Сущность выбора или духовного самоопределения, который предстоит сделать каждому человеку в течение своей земной жизни, кратко и ясно выразил блаженный Августин: «Высочайшее благо есть вечная жизнь, а величайшее зло – вечная смерть; поэтому для приобретения первой и избежания последней нам следует жить праведно» [15; с. 94]. **В избрании правильного, спасительного (т. е. подлинно научного) пути жизни заключается специфика Русского вектора и в мировой литературе, и в мировой истории.**

Конечный результат духовной брани: «духами злобы поднебесными» во вселенском масштабе известен: Бог победит дьявола (а тем паче - всех его «шестерок»); Господь наш Иисус Христос убьет антихриста «духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес. 2, 8); Святая Русь с помощью Божией одолеет еврагодом. Для православных христиан это непреложная Истина, которая – когда исполнятся времена и сроки – станет очевидной для всего человечества.

**О ДУХОВНОЙ БРАНИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)**

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Текст].
2. Алипий, архимандрит, Исая, архимандрит. Догматическое богословие. Курс лекций [Текст] /архимандритАлипий, архимандрит Исая. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
3. Анафема. История и XX век [Текст]: Сост. П. Паламарчук. – М., 1998.
4. Великие мысли, кратко реченные. Более 4000 изречений святых отцов и учителей Церкви. – СПб., 2003.
5. Воробьевский Ю. Ю. Путь к Апокалипсису. Стук в Золотые врата [Текст] /Ю. Ю. Воробьевский. – М., 1999.
6. Добротолюбие[Текст]: в 5-ти томах. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.[Текст]: в 30-и томах /Ф.М. Достоевский. – Л.: «Наука», 1971-1990.
8. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Аскетические опыты[Текст]: в 2-х т. – Т. 1. – Издание Сретенского монастыря, 1996.
9. Иоанн Кронштадтский, святой и праведный. Моя жизнь во Христе [Текст] /Иоанн Кронштадтский, святой и праведный. – Переиздание Мгарского монастыря Полтавской епархии, 2003.
10. Крылов А. И. Сочинения [Текст]: в 2-х томах. – Т. 2. – М.: «Художественная литература», 1984.
11. Лермонтов М. Ю. Сочинения [Текст]: в 2-х томах. – Т. 2. – М.: «Правда», 1990.
12. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. О борьбе с духами злобы поднебесной [Текст] /Лука (Войно-Ясенецкий) // Голос святого целителя. – Сергиев Посад, 2004. – С. 39-50.
13. Оптинский Цветник. Изречения преподобных старцев оптинских[Текст]. – М., 2009.
14. Роман (Матюшин), иеромонах. Одинокий путь [Текст] /Иеромонах Роман (Матюшин). – Минск, 2009.
15. Сергей (Страгородский), архиепископ. Православное учение о спасении [Текст] /Сергей (Страгородский). – М., 1991.
16. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории [Текст] /Л. А. Тихомиров. – М.: «Москва», 1998.
17. Христианское учение о злых духах[Текст]. – М., 1990.
18. Чивилихин В. А. Память (Книга первая) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ulera.net/textbooks_author/5706/textbook/33397/chivilihin_vladimir_alekseevich/pamyat_kniga_per_vaya/read/44

**ABOUT SPIRITUAL WARFARE IN THE LIFE
AND WORK OF RUSSIAN WRITERS
(GENERAL PRINCIPLES AND PROBLEMS OF STUDY)**

Terlecki A. D.

This article discusses the General principles and problems of the study of spiritual struggle in the life and work of Russian writers. This struggle is of paramount importance in the Earth of human life because it determines his eternal fate. This is clearly demonstrated by the Holy Scripture, the creation of church fathers and theological studies, as well as life and creative experience of many Russian writers. Higher and true (in the Christian sense) Science assignment consists in serving the cause of the salvation of the human race. This approach defines the specificity of the Orthodox scientific approach to address all the pressing issues of our life, in the light of its pithiness and value reveals itself most science.

Keywords: spiritual struggle, True, Orthodoxy, virtue, passion, pride, science.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 32: 316.28 (477) + 81'373.612.2

МЕТАФОРА ЯК СПОСІБ РЕАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ *АРТЕФАКТИ* В СУЧАСНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Андрейченко О. І.

*Таврійська академія Федерального державного автономного освітнього закладу вищої освіти
«Кримський федеральний університет ім. В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: oksana1_24.ua@mail.ru*

Статтю присвячено концептуальному аналізу сучасної політичної метафори, визначено ієрархічну структуру узагальненої метафоричної моделі «Політика – артефакти». На матеріалі преси кінця ХХ – початку ХХІ століть розглянуто фреймово-слотову організацію метафоричних субмоделей. Виявлено, що найчастіше держава, її політичне життя виявляється в семантичних категоріях ‘будівля’, ‘механізм’, ‘транспорт’. Особливу увагу звернено на прагматичну потенцію метафоричної моделі «Політика – артефакти».

Ключові слова: політичний дискурс, фрейм, слот, політична метафора, узагальнена метафорична модель, метафорична модель, метафорична субмодель.

ВСТУП

Лінгвістична наука на межі ХХ і ХХІ століть – це період докорінних змін, коли мову почали розглядати не як самостійну, незалежну від людини систему, а як своєрідний антропологічний феномен. Однак принцип антропоцентричності досить давно є предметом дослідження національної культури, мови. Ще Д. М. Овсяннико-Куликовський писав, що “мистецтво прагне до відтворення і пізнання всього людського, воно – антропоцентричне і всю суму відчуттів переробляє в норми людської психіки” [10, с. 343 – 344]. За постулатом В. фон Гумбольдта, “людина думає, почуває й живе тільки в мові” [4, с. 378]. Лінгвістика антропологічна передбачає вивчення мови в тісному зв’язку з людиною, її свідомістю, мисленням, духовно-практичною діяльністю [11, с. 8]. В основі антропоцентричної парадигми – мовна особистість, яка створює різні типи дискурсів.

Важливим постулатом сучасної когнітивної лінгвістики є дискурсивний підхід до вивчення мовних фактів. Метафори, які функціонують у мові, повинні розглядатися в дискурсі, у тісній взаємодії з умовами їх виникнення й формування, з урахуванням авторських, прагматичних настанов. Використовуючи в сучасному політичному дискурсі метафоричну модель замість прямої номінації, автор таким чином спрямовує думку реципієнта в заданому напрямку, робить спробу нав’язати свою систему оцінок і поглядів. Оскільки система метафоричних моделей – це

важлива частина національної мовної картини світу, національної ментальності, важливо виявити в кожній мові продуктивні й актуальні метафоричні моделі, які “характеризують сприйняття етносом того чи іншого абстрактного поняття цієї сфери й політики взагалі” [12, с. 393].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Під концептуальною (когнітивною) метафорою розуміємо осмислення одного концепту за рахунок перенесення певного комплексу знань у тематично інший текст. За функціональними критеріями метафору в політичному дискурсі розглядають як спосіб мислення та пізнання дійсності [3, с. 61]. Метафора дає назву абстрактним поняттям.

Метафорична модель – це реалізована або та, що складається у свідомості мовців, схема зв'язку між поняттєвими сферами. У бінарній метафоричній моделі розрізняємо ментальні *сферу-джерело* і *сферу-мету*. Ментальна сфера-джерело слугує для утворення продуктивних метафоричних моделей за допомогою фреймово-словових операцій. Фрейм – це структура репрезентації знань, у якій відображено набуту досвідним шляхом інформацію про деяку стереотипну ситуацію та про текст, що її описує, а також інструкцію щодо її використання [12, с. 771]. Зазвичай система фреймів розгортається в когнітивні динамічні сценарії, які відображають уявлення про типові розгортання моделі. Фрейми складаються зі слотів – елементів ситуацій, певного типу інформації, релевантної для фрагмента описуваної дійсності.

За семантикою метафор можна вивчати політичну історію держави, а за продуктивністю тих чи інших метафоричних моделей – скласти уявлення про певну політичну ситуацію [4, с. 71].

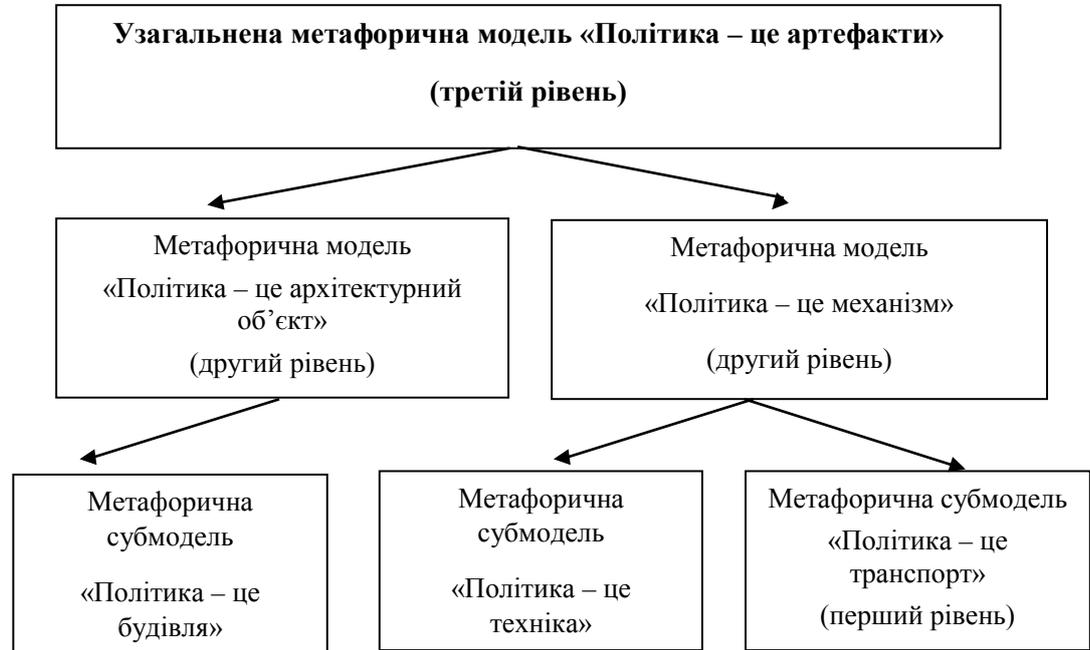
Однією з найбільш продуктивних метафор у сучасному політичному дискурсі є артефактна. Досліджуючи сфери-джерела концептуального поля «артефакт», спостерігаємо, що найчастіше держава, її політичне життя виявляється в семантичних категоріях ‘будівля’, ‘механізм’, ‘транспорт’.

Метафора з вихідною сферою «артефакти» концептуалізує різноманітні соціально-політичні явища й процеси, що відбуваються в Україні, шляхом звернення до артефактів, тобто предметів і об'єктів, створених людиною. Щоразу, інтерпретуючи, сприймаючи таку метафору, адресат звертається до узагальненої концептосфери «артефакт», з якою пов'язані певні асоціації. Тобто метафорична модель «Політика – це артефакт» характеризується прагматичною потенцією, усталеною оцінкою, закріпленою в етносвідомості.

За своєю структурою сфера-джерело «артефакт» – складний і неоднорідний концепт, у межах якого умовно можна виокремити дві концептуальні сфери – «будівля» (архітектурні артефакти), «механізм» (технічні артефакти).

Артефактні метафори, за нашими спостереженнями, репрезентують узагальнену метафоричну модель «Політика – це артефакт», яка є гіперонімом для двох метафоричних моделей: «Політика – це архітектурний об'єкт», «Політика – це механізм», що вступають між собою у гіпонімічні відношення. Кожна із двох моделей складається із субмоделей – елементів нижчого рівня, що конкретизують

тип архітектурного та механічного об'єктів. Ієрархія метафоричної моделі ґрунтується на тому, що з одного боку вона складається з кількох (рідше – однієї) субмоделей, з іншого – є частиною більш узагальненої моделі [8]. Умовно ієрархічну структуру артефактних метафор у сучасному українському політичному дискурсі можна подати у вигляді схеми:

I. МЕТАФОРИЧНА МОДЕЛЬ «ПОЛІТИКА – АРХІТЕКТУРНИЙ ОБ'ЄКТ»

Для політичного дискурсу характерним є використання артефактів із сфери-джерела «Архітектурний об'єкт», до складу якого входять назви будівель, споруд, об'єктів комунального господарства.

Слід зазначити, що архітектурна метафора є традиційною для політичного дискурсу. Суспільство, за словами Н. Д. Арутюнової, – це певна “будівля... ця метафора дозволяє виокремити в суспільстві базис (фундамент), різноманітні структури (інфраструктури, надбудови)” [11, с. 14 – 15]. Концептуальна метафора «Політика – будівля» належить до таких моделей, на основі яких можна демонструвати вплив політичних подій на життя суспільства. Для політичного дискурсу Радянського Союзу використовували метафору руйнації старого і побудову нового світу (пригадаймо будівництво нового суспільства, комунізму тощо). У період перебудови активізується відповідна метафора: “ми “перебудовуємо дім на ім'я Радянський Союз, ми “замішуємо цемент гласності” і “вимуровуємо правову державу тощо” [3, с. 61].

На сучасному етапі активізується метафора *розбудова України (держави), закладання фундаменту стабільності* тощо. Починаючи з 1989 року у засобах масової комунікації продуктивною є метафора *загальноєвропейський дім* [9, с. 272].

Метафорична субмодель «Політика – це будівля»

Розглянемо фреймову організацію концептуальної субмоделі **«Політика – це будівля»**.

Фрейм 1. Конструкція будівлі

Слот 1. 1. Загальна конструкція будівлі

Будівля, дім – один із найважливіших концептів у людській свідомості. Складовими частинами будівлі є фундамент, дах, двері, вікна та інші компоненти, що зазнають переосмислення в політичному дискурсі, формуючи при цьому важливі номінації. Наприклад, концепт **фундамент** репрезентує уявлення про міцний дім, твердиню. **Дах та стіни** – це кордон із зовнішнім світом і, водночас, вони можуть слугувати притулком від непроханих гостей тощо, пор.: *“Якби вже сьогодні кожен хоч раз схотів за руку негідника, який шкодить Україні, захистив свою честь чи честь рідних, знайомих від свавілля антинародних чиновників, поклав хоч одну цеглину в велику будову нашої держави, завтра ми не пізнали б України”* [КС: 07: 03].

Слот 1.2. Внутрішня структура приміщення

Досліджуючи сферу-джерело «будівля», спостерігаємо, що найчастіше держава, її політичне життя виявляється в номінаціях **‘кухня’, ‘кабінет’, ‘коридор’, ‘кімната’** тощо. Особливою продуктивністю відзначаються метафори **кухня (політична кухня, кухня на Банковій), коридор (владні коридори)**, пор.: *“Або вони будуть без опозиції, або в ролі опозиції виступлять зовсім інші сили, виготовлені та тій самій політичній “кухні”, що й Партія регіонів”* [УТ: 04: 10].

Отже, метафорична субмодель «Політика – це будівля» часто допомагає журналістам знайти потрібне метафоричне позначення для змалювання політичного життя, оскільки концептуальна сфера «будівля» як вихідна для творення метафори є достатньо структурованою й добре відомою носіям мови.

II. МЕТАФОРИЧНА МОДЕЛЬ «ПОЛІТИКА – ЦЕ МЕХАНІЗМ»

Технічні артефакти з вихідною сферою «механізм» називають об’єкти й транспортні засоби. Вони об’єднані в одну групу за принципом номінації різноманітних об’єктів, які використовує людина для здійснення певної роботи (дії, руху тощо), пересування в просторі тощо. Умовно в концептуальній сфері «Механізм» виділяємо дві концептуальні субсфери «Техніка» і «Транспорт»

Метафорична субмодель «Політика – це техніка»

Спостереження за метафорами, які функціонують у сучасних газетах, дає змогу стверджувати, що технічна метафора слугує свого роду моделлю, за якою пізнається політична реальність, створюється мовна картина політичного світу.

Метафорична субмодель «Політика – це техніка» має відповідну фреймово-слотову організацію.

Фрейм 1. Політика – це механізм

Часто політична система представляється як налагоджений механізм або, навпаки, журналісти закликають налагодити роботу механізму (тобто, держави, її структур тощо), пор.: *“Колективний барин” приїхав. Не йдеться вже ані про якихось сторонніх гвинтиків у цьому змашеному механізмі, ані про “контрактників”, ані, Боже збав, найманих інтелігентів у владі “собі на умі”* [УМ: 12: 02]. Продуктивною є метафора **модель**, тобто ‘тип, марка конструкції’ [СУМ 1973: 4: 776], що семантично пов’язана з метафорою механізму, пор.: *“Попри всі “сюсюкання” з народом і залякування країни референдумом з приводу впровадження нової моделі побудови влади, Президент та його “глави” все ж не зважаться на варіант із всенародним голосуванням-гвалтуванням на кшталт 2000 року”* [УМ: 06: 03].

Новою для політичного дискурсу є “комп’ютерна” метафора, яка вносить у контексти нові й дієві можливості інтерпретації політичних подій, відзначається емотивністю, значним прагматичним потенціалом, пор.: *“Говорячи сучасною мовою, операційна система “Україна” не розуміє запитів користувачів, і тому потребує не апгрейдів, а принципово нового програмного забезпечення”* [ДзТ: 08-09: 10].

Фрейм 2. Технічний процес

Політична система зазвичай образно представляється як своєрідний технічний процес. Показовими для відтворення сучасних політичних реалій, характеристики дій політиків є вторинні номінації **закручування гайок, затискання в лещатах, застосовування важелів** тощо, пор.: *“Адмінресурс стис у лещатах навіть комерційну сферу суспільної комунікації”* [УМ: 12: 01].

Прагматичний потенціал субмоделі «Політика – це техніка» реалізується за рахунок закріпленої за нею оцінки: політична система – це нещадний механізм, що зневажає інтереси окремої особистості, народу.

Метафорична субмодель «Політика – це транспорт»

Політичні реалії семантично перехрещуються із номінаціями, пов’язаними з транспортом. Концепт держави інформаційно наповнюється висловами, основою метафоричної транспозиції яких є назви транспортних засобів, їх частин, видів руху, пов’язаних із транспортом, назви територій і доріг, якими здійснюють рух [6, с. 108].

Розглянемо фреймово-слотову організацію метафоричної субмоделі «Політика – це транспорт».

Фрейм 1. Типи транспортних засобів

Політичні процеси, події, явища метафорично інтерпретуються як назви різноманітних транспортних засобів. Продуктивною в текстах політичних дискусій є узагальнена субмодель «Держава – це машина», пор.: *“Цьому перешкоджає те, що державна машина України сьогодні жорстко зімкнена на центр”* [УК: 09: 04].

Метафора **корабель, човен**, яка особливою популяризацією відзначалась у період перебудови (**корабель перебудови**) [2, с. 26], у сучасному політичному дискурсі образно вживається для позначення політичних сил, партій, блоків тощо, пор.: *“Напевно, лише від істотних різниць команда плавбанки засигналіла SOS: рятуйте, йдемо переможно на дно. Можна собі уявити які насправді відсотки тихенько шепчуть у вуха, коли самого Даниловича гукнули на капітанську рубку”* [УМ: 03: 02]. На негативне сприйняття, зневажливе ставлення до політичної ситуації читача скеровує вжита в контексті образна лексема **плавбанка** (пор. *корабель*). Така заміна надає висловлюванню іронічної тональності.

Часто журналісти дають оцінку політикові, політичній силі через призму транспортної метафори, зокрема через назву транспортного засобу. Так, у свідомості мовців номен “Титанік” викликає певні стереотипи, за якими проводиться паралель між політиком, політичною партією та конкретною подією – загибеллю лайнера “Титанік” у 1912 р., пор.: *“Зважте. Як упали котирування Володимира Литвина, варто йому було посадити “Титанік” блоку “За єдину Україну!” на міль”* [УМ: 06: 02]. “Титаніком” можуть стати не тільки окремі політичні постаті, політичні угруповання, але й уся держава, пор.: *“Сергій Головатий щиро зізнався, що подумує покинути межі держави, мовляв, у цій країні все одно нічого путнього не буде. Гарні опозиціонери... Готові першими покинути корабель, що йде на дно... Адже коли ми цей корабель будували, то не бажали йому долі Титаніка”* [ВК: 01: 01].

Метафора **президентський човен** подає образну характеристику президентської команди – у **човні** всі “свої”, тому “відхід” від нього може мати негативні наслідки для політичного опонента: його можуть потопити як ворога, “чужого”, однак можуть залишитися й на плаву, пор.: *“Він перший з українських олігархів, хто не побоявся відпливти від президентського човна і при цьому залишитися на плаву”* [УС: 08: 01].

Для політичного дискурсу показовою є метафора **поїзд, потяг**, прагматика якої надає динаміки політичним подіям і явищам, показує міру наближеності до декларованої мети, оскільки в основі такої метафори лежать семи руху, змін [7, с. 306]. пор.: *“Передвиборчий потяг набирає хід. Кінцева зупинка – спадкоємність влади?”* [ДУ: 08: 04]; *“Але часи змінилися, і поїзд пішов. Грубий тиск навіть на аполітичних закарпатців дає зворотній ефект”* [УМ: 04: 03]; *“Таким “бронепоїздом” розпуску може стати, приміром, Петро Порошенко або той же Борис Тарасюк”* [ДзТ: 01: 07].

Для суб’єктів політики показовим є кар’єрний ріст, що образно представляється як метафора **літак**, пор.: *“МЗСівська молодь боролася за право цілодобово гарувати, як віл, аби з ним. Журналісти обожнювали Бориса Івановича. Його доля*

склалася так, що майже всі зірки на **фюзеляжі** Тарасюка були намальовані до того, як він став міністром” [ДзТ: 10: 00].

Особливістю українського менталітету є метафоричне осмислення політичної реальності через такий вид транспорту як віз. У свідомості читачів лексема віз асоціюється з відомим висловом **а віз і нині там (а хура й досі там)**, тобто справа, яка не йде, не просувається, пор.: “Коли у воза впрягають кількох коней, то не всі однаково тягнуть... **Віз** За єдину Україну!” тягнуть, образно кажучи, п’ять коней, п’ять партій” [ВК: 03: 02]; “Уряд Ющенка зрушив з мертвої точки **віз**, який роками пробуксовував” [ДзТ: 04: 01].

Фрейм 2. Частини транспортних засобів

Зазвичай політичні події метафорично інтерпретуються журналістами як частини транспортних засобів **кермо, двигун, гальмо**. Так, лексема **кермо** в політичному контексті набуває значення ‘влада’, пор.: “Сам Президент заявив, що майбутній прем’єр має бути “конячкою, яка тягне плуг, а ззаду має бути **кермо**. “Я постараюся **тримати ручки цього плуга**”, – додав Л. Кучма. Не впевнена, чи далеко ми заїдемо на такій конячці, коли **кермо ззаду**” [ВК: 05: 01].

Більшість із названих метафор мають негативний характер, прагматичний потенціал яких спрямований на зображення негативних сторін політичної системи, пор.: “Найбільшим **гальмом**, яке стримувало динамічні процеси розвитку галузі, було небажання влади відмовитись від адміністрування господарської діяльності” [УК: 06: 04].

Фрейм 3. Люди, пов’язані з транспортом

Метафоричне перенесення назв агентивів на політика часто передає іронічне ставлення автора до висловлюваного, наприклад, **наш машиніст**, пор.: “Нині **наш “машиніст”** агітує за перехід **державного “потяга”** на парламентсько-президентські рейки” [УМ: 05: 03].

Спостереження за метафорами, які функціонують у сучасних газетах, виявляє взаємозв’язок між політичною подією, її сприйняттям у національній свідомості та відповідною системою образних висловів. Метафоричні моделі використовуються як засіб маніпулювання свідомістю читачів.

ВИСНОВКИ

Таким чином, сучасна політична метафора зі сферою-джерелом «артефакт» складається з трьох метафоричних субмоделей («Політика – будівля», «Політика – техніка», «Політика – транспорт»), об’єднаних у дві метафоричні моделі: «Політика – архітектурний об’єкт», «Політика – механізм». Кожна з трьох субмоделей має специфічну фреймово-словову організацію, прийнятну для аналізу політичного дискурсу. Через семантичну структуру метафор із вихідною сферою «артефакт» автори газетних матеріалів досягають іронічного звучання тексту, в якому висловлюють зневажливе ставлення до політичної події чи особи.

Список літератури

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Баранов, А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание) / А. Н. Баранов. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
3. Баранов, А. Метафоры общественного диалога : война или согласие? / Анатолий Баранов, Юрий Караулов // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 60–63.
4. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – 450 с.
5. Гутман, Е. А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик / Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1997. – С. 147–165.
6. Дацишин, Христина. Транспортна метафора в українському політичному дискурсі : конотативний аспект / Христина Дацишин // Вісник Львівського університету. Серія журналістика. – 2003. – Вип. 23. – С. 108–116.
7. Дацишин, Христина. Метафорична інтерпретація політичних реалій і проблема впливу на формування громадської думки / Христина Дацишин // Пам'ять століть, відтворена у слові. – К. : Планета, 2004. – С. 302 – 307.
8. Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе [Текст] : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Р. Д. Керимов. – Барнаул, 2005. – 18 с.
9. Кравченко, В. Базові метафоричні моделі з концептом Європа у політичному дискурсі / В. Кравченко // Семантика мови і тексту. Збірник статей VIII Міжнародної конференції. – Івано-Франківськ : Плай, 2003. – С. 271 – 273.
10. *Овсянко-Куликовский, Д. Н.* Литературно-критические работы в 2-ух т. / Д. Н. Овсянко-Куликовский ; сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой ; вступ. ст. Ю. Манна. – М. : Худож. лит., 1989.
11. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–69.
12. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія : [наукове видання] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

Умовні скорочення

ВК – газета “Вечірній Київ”	СУМ – Словник української мови в 11-ти т.
Д – газета “День”	УК – газета “Урядовий кур’єр”
ДУ – газета “Демократична Україна”	УМ – газета “Україна молода”
ДзТ – газета “Дзеркало тижня”	УТ – тижневик “Український тиждень”
КС – газета “Кримська світлиця”	

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА АРТЕФАКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Андрейченко О. И.

Статья посвящена концептуальному анализу современной политической метафоры, определена иерархическая структура обобщенной метафорической модели «Политика – артефакты». На материале прессы конца XX – начала XXI веков рассмотрена фреймово-слотовая организация метафорических субмоделей. Выявлено, что чаще всего государство, его политическая жизнь определяется в семантических категориях ‘здание’, ‘механизм’, ‘транспорт’. Особое внимание обращено на прагматический потенциал метафорической модели «Политика – артефакты».

Ключевые слова: политический дискурс, фрейм, слот, политическая метафора, обобщенная метафорическая модель, метафорическая модель, метафорическая субмодель.

METAPHOR AS THE WAY OF CONCEPT *ARTEFACTS* CONCEPT REALIZATION IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

Andreychenko O. I.

The article deals with the concept analysis of political metaphor, hierarchy structure of the common metaphor model «Politics – artefacts» is defined. The frame-slot structure of submodels is considered on mass media materials of the end XX – and the beginning of XXI century. The state proved to be one of the frequent one used in semantic categories as ‘building’, ‘mechanism’, ‘transport’. Pragmatic potential of metaphor model «Politics – artefacts» is paid much attention.

Key words: political discourse, frame, slot, political metaphor, generalized metaphorical model, metaphorical model, metaphorical submodel.

УДК 811

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Меметов А. М.

*Факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aydem44@mail.ru*

Исследованы фонетические, морфологические и лексические особенности трех диалектов крымскотатарского языка с использованием описательного и сравнительного методов. Выявлены и описаны фонетико-морфологические и лексические особенности крымскотатарских диалектов. Полученные результаты позволяют определить круг близкородственных языков, уточнить этногенез крымских татар.

Ключевые слова: язык, крымскотатарский, диалект, кыпчакизированный, огузированный, смешанный.

ВВЕДЕНИЕ

Крымскотатарский язык является языком коренного населения Республики Крым – крымских татар (къырымлы). По переписи 2014 года в Крыму проживало около 250 тыс. крымских татар. Более 180 тыс. крымских татар все еще остаются в местах высылки – Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Краснодарском крае и Украине, куда они были депортированы в мае 1944 года. В настоящее время большая часть крымских татар проживает за пределами исторической родины: в Турции (по некоторым данным – более 4,5 миллионов человек), Румынии и Болгарии, куда их предки были вынуждены переехать после завоевания Крыма Россией в 1783 году.

В соответствии с Конституцией Республики Крым, принятой в 2014 году, крымскотатарский язык, вместе с русским и украинским, признан государственным языком Крыма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крымскотатарский язык формировался в течение многих столетий на базе родственных тюркских родоплеменных языков, представители которых с древнейших времен обитали на территории Крыма и Северного Причерноморья. К ним относятся тавры, киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, тюркуты (жители Западного тюркского каганата), болгары, узы, печенеги, хазары, половцы (кыпчаки, куманы) и др. Кроме тюркских племен и народов в этногенезе крымских татар приняли участие также греки – колонизаторы, не пожелавшие переехать на новые места обитания по указанию Екатерины II, и остатки итальянцев и генуэзцев, которые остались в Крыму и были ассимилированы местным населением. Сложность процесса формирования крымскотатарского этноса подтверждается и новыми медицинскими исследованиями ДНК и Y-хромосомы крымских татар.

Комплексное изучение митохондриальной ДНК и глубокий анализ Y-хромосомы выявили генетическую близость северного (степного) субэтноса крымских татар к народам Евразийской степи и Приуралья, тогда как генофонд горных и южнобережных крымских татар оказался сходен с популяциями Восточного Средиземноморья (в особенности греков и турок) [1, с.88-89].

Медицинские исследования показали чрезвычайно высокую гетерогенность (26 гаплогрупп) крымскотатарского этноса, что свидетельствует о сложном и длительном процессе его формирования.

Доля иранского компонента оказалась значительно ниже ожидаемой, основанной на традиционных взглядах ученых о принадлежности древних народов Крыма (скифов, тавров, киммерийцев) и Северного Причерноморья к западноиранской языковой группе. В этом случае сравнительно-историческая лингвистика и комплексное сравнительное исследование быта, обычаев, верований, одежды, пищи древних обитателей Крыма и крымских татар может быть полезным в восстановлении отдельных исторических, этнических и культурных контактов.

Крымскотатарский язык – один из тюркских языков, имеющих многовековые письменные традиции. Сохранившиеся письменные памятники крымскотатарского языка относятся к концу XIII века. В 1294-95 гг. в Старом Крыму (Солхат) был составлен трехязычный словарь «Кодекс Куманикус» или «Словарь куманского языка» на латинском, персидском и куманском (крымскотатарском) языках. В нем представлен список из 1560 латинских слов, значительная часть которых переведена на персидский и куманский/крымскотатарский языки.

Исследование крымскотатарской части словаря показало, что как в лексическом, так и в фонетико-морфологическом плане куманский язык относится к кыпчакским языкам. Однако в нем обнаруживаются отдельные элементы, характерные и для огузских языков.

Развитие сравнительно-исторического метода в языкознании во второй половине XIX в. пробудило интерес к изучению не только национальных языков, но и их диалектов. Диалектология как наука получила особенно широкое развитие после 60-70-х годов XIX столетия, когда в языкознании окончательно утвердилось направление младограмматиков. Представители этого направления языкознания показали, что наряду с памятниками письменности ценными источниками для сравнительно-исторического изучения языков являются живые диалекты языка. Именно с этим периодом связано начало изучения диалектов крымскотатарского языка, хотя известны и более ранние попытки ввести в научный обиход материалы о крымскотатарских диалектах. Так, некоторые сведения об отдельных особенностях диалектов крымскотатарского языка приведены в различных работах первой половины XIX в. Чаще всего о них упоминалось в учебниках тюркских языков при рассмотрении той или иной фонетической или морфологической категории. Например, случаи соответствия звука «қ» литературного языка звуку «х» в южном диалекте [6, с.17], а также соответствие начального «дж» в северном диалекте начальному «й» в литературном: *джылгъа-йылгъа*.

Иногда о различных лексических и фонетических особенностях крымскотатарских диалектов сообщали и путешественники, побывавшие в Крыму.

В XVIII в. для систематического изучения окраин России Академия наук отправила несколько экспедиций, которым, наряду с другими заданиями, «всех чужих языков пробы собирать велено» [8,с.407]. Эти экспедиции, возглавляемые учеными-натуралистами, собрали также значительный материал по крымскотатарскому языку и его диалектам.

Одним из первых путешественников-натуралистов, интересовавшихся крымскотатарским языком, был лейб-медик Готлиб (Готлоб) Шобер (ок.1670-1739), поступивший на русскую службу в 1712 г. Собранные им материалы по крымскотатарскому языку опубликовал Г.Ф.Мюллер [12,с.95].

Профессор (зоолог по основной специальности) Петр Симон Паллас (1741-1811) во время путешествия по Крыму в 1793-1794 гг. собрал огромный материал по географии, истории, ботанике, зоологии, а также некоторые сведения по топонимике, этнографии и языку крымских татар. Лексические материалы по крымскотатарскому языку сосредоточены в его работах «Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793-1794 гг.» и «Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на Тамань» [5,с.62-208].

Один из виднейших представителей дореволюционной тюркологии В. В. Радлов, путешествуя по Крыму в 1886 году, собрал огромный материал по диалектам, этнографии и устному народному творчеству крымских татар, а затем систематизировал и издал их в работе «Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть VII» [9]. Акад. А.Н.Кононов писал: «Материалы по народной словесности крымских татар..., собранные В.В.Радловым, представляют теперь...единственный в своем роде источник по истории крымскотатарского языка в его народно-разговорном и фольклорном стилях; теперь эти записи В.В.Радлова являются историческим документом первостепенного значения» [7,с.7]. Работа В.В.Радлова интересна методикой исследования и богатым фактическим материалом.

Детальному описанию вокализма и консонантизма, некоторым вопросам морфологии, синтаксиса и лексикологии южного диалекта крымскотатарского языка посвящена работа В.А.Богородицкого "О крымскотатарском наречии» [2, с.88-103].

Современный крымскотатарский язык распадается на три основных диалекта: кыпчакизованный (исторически северный или степной), смешанный (ист. средний-орта ёлакь) и огузилованный (ист. южный или южнобережный). Данная классификация произведена нами с учетом трагических событий выселения, а затем возвращения крымских татар на свою историческую родину. В её основе лежат лексические и фонетико-морфологические признаки крымскотатарских диалектов. В настоящее время нарушен территориальный принцип расселения крымских татар: значительная часть представителей северного (степного) диалекта поселились в средней полосе Крыма, тогда как жители южного побережья поселились в северной и средней части полуострова.

Ниже мы остановимся на характеристике некоторых фонетико-морфологических и лексических особенностей крымскотатарских диалектов, с тем чтобы дать возможность читателю получить определенное представление о них.

Огузированный (ист.южный или южнобережный) диалект был распространен на довольно значительной территории вдоль южного побережья Крыма начиная от Севастополя вплоть до Судака. Этот диалект распадается на большое количество говоров, которые, к сожалению, недостаточно изучены. Наличие говоров в огузированном диалекте объясняется целым рядом исторических причин. К ним относятся, в частности: ассимиляция остатков тавров скифами, сарматами, готами; тесные взаимосвязи и взаимовлияния с прибывшими завоевателями – греками, римлянами, гуннами; частичная, а иногда и полная ассимиляция этих народов крымскими татарами и т.д. Все это способствовало образованию многочисленных говоров на территории распространения огузированного (южнобережного), а также смешанного диалектов крымскотатарского языка. В основе литературного крымскотатарского языка до 1928 года лежал огузированный (южнобережный) диалект.

Характерными фонетическими особенностями этого диалекта являются:

а) употребление звонких **д, г** в начале слова вместо глухих согласных **т, к**: дири-тири «живой», диль-тиль «язык», гелин-келин «невеста», гёк-кок «синий». Это же явление характерно для турецкого языка (diri, dil, gelin, güz, gün), а также для южного хорезмского диалекта узбекского языка: «гелди (лит.-орф.келди), ди:ри (лит.-орф.тирик)[11,с.79];

б) замена глубокозаднеязычного согласного **къ** в начале, середине и в конце слова согласным **х**: хар - къар «снег», хыз - къыз «девочка», «девушка», хырав – къырав «иней», таряхот - таракъот «укроп», бахла –бакъла «фасоль», хабах -къабакъ «тыква», тырнах - тырнакъ «ноготь»;

в) соответствие в ряде случаев начального **в** литературному **б**: вар - бар «есть», «имеется», вармах - бармакъ «идти», верги - берги «налог»;

г) употребление согласного **б** в начале слова вместо литературного **м**: бен - мен «я», бана - манъа «мне»;

д) отсутствие глубокозаднеязычного **нь** и замена его согласным **н**: манлай - манълай «лоб», сыныр - сынъыр «граница», «предел», сана - санъа «тебе», энсе - энъсе «затылок».

Лексический состав огузированного диалекта крымскотатарского языка, помимо общетюркских слов, включает в себя ряд слов характерных лишь для огузских языков. К ним относятся некоторые названия терминов родства и родственных отношений: баба «отец», деде//харба «дед», бабалыкъ «отцовство», апте//абла «старшая сестра», торун «внук», «внучка», балдыз «золовка»; анатомические названия: эль «рука», дудак (лит.-орф. дудакъ) «губы», кемик «кость», инсе (лит.-орф. энъсе) «затылок»; названия цветочных прилагательных: беяз «белый», хырмызы (лит.-орф. къырмызы) «красный» (ср. азерб., турк. гырмызы, гаг. кырмызы, тур.kırmızı в значении «красный», «румяный»); названия размерных прилагательных: юксек «высокий», балабан «большой», «огромный»; названия животных: тосун «теленка (от года до двух лет)», инек «корова», кечи «коза», хурт «волк»; названия деревьев и их частей: чам «сосна», ювез «рябина», салхым (лит.-орф. салкъым) «кисть», «гроздь», кутюк «пенёк» и др. Эта общность лексики огузированного диалекта крымскотатарского языка с лексикой огузских языков (в

первую очередь с турецким) свидетельствует о древних средневековых и более поздних (вплоть до XX в.) связях крымских татар и турков в близко расположенном ареале.

В лексике огузированной диалекта крымскотатарского языка нами выявлено значительное количество греческих заимствований, часть из которых вошла в литературный язык: названия посуды и пищи: а) тепси (лит.-орф. тепис) «блюдец», фильджан «чашка для кофе», пите «лепешка», петмез «варенье», песмет (лит.-орф. пексимет) «сухарь», паста «каша»; б) названия растительного мира: фундук (лит.-орф. фындык) «фундук», ахлап «дикая груша», филис «отросток», мантар «гриб», нилюфер «водяная лилия», пападие «ромашка», кестане «каштан»; в) названия ландшафта, минералов: корфез «залив», лимен «лиман» (залив с морской водой), искеле «скала», «пристань», челик «кремень», «сталь»; г) лексика земледелия, виноделия, табаководства: лескер «лопата», «заступ», кубре «удобрение», «навоз», чобре «виноградные выжимки», демет //демент «связка высушенных листьев табака»; д) названия предметов быта, домашнего обихода, мебели: фенер «фонарь», хуну (лит.-орф. хуны) «воронка», фиски «специальное приспособление с разбрызгивателем воды для полива рассады», скемле «скамья», пачавра «тряпка»; е) церковно-религиозная лексика и имена собственные: кильсе «церковь», папаз «священник», «поп», монастыр «монастырь», ганджалос «миф.домовой», «гном», Сафие, Фети и др.

Ниже приводятся грецизмы, которые употребляются в огузированной диалекте, но не вошли в литературный язык: кукуч «косточка», «семечки», махданос «петрушка», вачния «ежевика», ифтери «папоротник», уксия «бук», варель «бочка», карпасне «соловая шишка», праса «лук-порей», фурчу//фурчы «щетка для одежды», пиляке «плоский камень», нифри «почки» (с.Ускют – совр.с.Приветное).

Наличие большого количества грецизмов в южнобережном (огузированной) диалекте крымскотатарского языка В.В.Радлов объясняет следующим образом: «самое видное место между этими народностями (проживающими в Крыму – А.М.), говорящими на тюркском языке, занимают крымские татары, совершенно поглотившие в продолжение векового владычества крымских ханов большую часть греческого и остатки готского населения южного Крыма...» [9,с.11]. Следовательно, в течение длительного времени значительная часть греческого населения Крыма была ассимилирована и тюркизирована в языковом аспекте. Взаимные браки и культурные контакты греков с крымскими татарами привели к тому, что даваемые детям имена они также стали заимствовать из тюркского языка. В этом плане показателен тот факт, что в греческом Синаксаре мы находим в числе упомянутых там покойников много тюркских имен, тогда как их отцы носили христианские имена, например, Токтемир, сын Стефанов, Алачук, дочь севаста Косты (Константина) Ильина, Мелеке, дочь попа Антония, Сонгур, сын Макария, Икагуч, дочь Дмитрия Чочака и др. [4, с.596, 603, 604, 606,615].

В то же самое время крымские татары, проживающие в с.Ускют, носили греческие фамилии Кафадар, Паралам, Барбара, что указывает на их происхождение от греков. «Весьма вероятно, что это потомки отатарившихся греков, которые во

время выселения их в 1779 г. в Мариуполь не пожелали расстаться с насиженными гнездами и предпочли выдать себя за татар» [11, с.785].

Основными фонетическими особенностями кыпчакизированного диалекта, представители которого жили в степной части Крыма до их выселения в 1944 году, являются:

а) переход **й** в **дж** в начале слова: джер - йер (лит.-орф.ер) «земля», джол - йол (лит.-орф.ёл) «дорога», джаман - йаман (лит.-орф. яман) «плохо»;

б) переход **гъ** в **в** в середине и в конце слова: авуз - агъыз «рот», тав - дагъ «лес, «гора»;

в) переход **гъ** в **й** в середине слова: сыйды-сыгъды «поместился», джыйды-йыгъды «собрал». Подобные фонетические соответствия наблюдаются также в кыпчакском диалекте узбекского языка: «джол<йол, джаман<йаман (ад.-орф.ёмон, таг>тав, агыз>авуз, тегди>тийди, йигин>джыйын, сигир>сийир» [10,с.85]. Возможно, это свидетельствует об участии одних и тех же кыпчакских племен в этногенезе определенной части узбеков и крымских татар.

г) делабиализация гласного **у** во втором слоге: турып - туруп «редька», къозы - къозу «ягненок», борсыкъ - борсукъ «барсук», домыз - домуз «свинья», огъыл - огъул «сын». Иногда делебиализация отмечается и в первом слоге, например, бырын//мырын –бурун «нос».

Морфологические особенности кыпчакизированного диалекта крымскотатарского языка проявляются при спряжении незаконченного прошедшего времени глагола, а также при спряжении давнопрошедшего времени.

Спряжение незаконченного прошедшего времени глагола **ойнар эди**

Ед.ч. мн.ч.

ойнар эдим>ойнардым ойнар эдик>ойнардыкъ

ойнар эдинъ>ойнардынъ ойнар эдинъиз > ойнардынъыз

ойнар эди>ойнарды ойнар эди > ойнарды

Спряжение давнопрошедшего времени глагола **баргъан эди**

Ед. ч. Мн.ч.

баргъан эдим > баргъандым баргъан эдик > баргъандыкъ

баргъан эдинъ > баргъандынъ баргъан эдинъиз > баргъандынъыз

баргъан эди > баргъанды баргъан эди > баргъанды

Лексический состав кыпчакизированного (степного) диалекта характеризуется тем, что в нем кроме общетюркских слов имеются лексемы, которые сближают крымскотатарский язык с кыпчакскими языками (северокыпчакскими, восточнокыпчакскими). К ним относятся названия: а) природных явлений (толкъын — лит.-орф. толкъун «волна», яшын «молния», бырчакъ — лит.-орф. бурчакъ «град»); б) растений и их частей (тамыр «корень», урлыкъ — лит.-орф. урлукъ «семя»); в) животных (джымран — лит.-орф. джумран «суслик», сырлан «гиена» кёр сычан «крот»); г) птиц (торгъай «воробей», чавке «галка»); д) насекомых (чибин «муха», къандалай «клоп», чиркий «комар», балкъурт «пчела»). Указанные названия с некоторыми фонетическими различиями употребляются преимущественно в западнокыпчакских (кумыкский, карачаево-балкарский, караимский), северокыпчакских (татарский, башкирский) и восточнокыпчакских

языках (казахский, каракалпакский, киргизский). В ряде случаев некоторые общекыпчакские названия распространены в огузских и карлукских языках, имевших контакты с кыпчакскими.

Смешанный (средний) диалект с 1928 года является основой современного литературного крымскотатарского языка. В области фонетики и лексики смешанный диалект значительно ближе к кыпчакизированному диалекту крымскотатарского языка, нежели к огузизированному (южнобережному).

Смешанный диалект крымскотатарского языка в области фонетики характеризуется: а) наличием 8 гласных фонем, которые обеспечивают сингармонизм в языке (а, о, у, ы, е, ө, ü, и); б) использованием в начале слова глухих **т,к** (таш «камень», тель «провода», кемик «кость», копек «собака»), редко — звонких **д, г** (демир «железо», геми «корабль»); в) делабиализацией огубленных гласных **у, ü** во втором и последующих слогах (узын — лит.-орф. узун «длинный», бурын — лит.-орф. бурун «нос», урлыкь — лит.-орф. урлукь «семена», комыр — лит.-орф. комюр «уголь»); г) депалатализацией гласных (комыр — лит.-орф. комюр «уголь», озы — лит.-орф. озю «сам»); д) употреблением в начале некоторых слов согласного **ч** вместо **т** в литературном языке: чиш — тиш «зуб», чуш - тюш «сон». Это же явление отмечено в карлукско-чигильско-уйгурском диалекте современного узбекского языка: «Тошк. ч(ь)шлэ//уйг. ч(ь)шлэ; Тошк. тушть//чушть; уйг. чушть» [10, с.80].

При присоединении падежных аффиксов в ряде случаев отмечается нарушение гармонии гласных. Так, например, слово тарих, склоняясь, принимает аффиксы падежных окончаний не с гласным переднего ряда, а, вопреки закону гармонии гласных, с гласным заднего ряда: тарихнынъ, тарихкъя, тарихтан. Подобная ситуация наблюдается и при присоединении аффиксов принадлежности: тарихым, тарихынъ, тарихы, тарихымыз и т.п., а также при образовании новых слов: тарих «история» - тарихчы «историк».

В области грамматики смешанному (среднему) диалекту присущи также специфические особенности, которые характеризуют не весь средний диалект, а лишь отдельные его говоры. К ним относится особый способ образования дательного падежа от слов с аффиксом принадлежности третьего лица: вместо ишине бакъ «посмотри на его работу» в говоре смешанного диалекта употребляется: ишин бакъ»; вместо башына бакъ «посмотри на его голову» - башын бакъ и т.п. Подобное явление отмечено акад. С.С.Джикия в говоре ахалцихских турок: işen bah [3, с.121].

ВЫВОДЫ

Крымскотатарский язык в лексическом плане иногда выступает связующим звеном между кыпчакскими и огузскими языками. Об этом свидетельствует наличие в крымскотатарском литературном языке двух синонимичных названий (кыпчакского и огузского), например, для обозначения молнии (яшын и йылдырым), волны (толкъун и далгъа), руки (къол и эль), муравья (къырмакъсъя и харынджа — лит.-орф. къарынджа), жука (къонъуз и боджек).

Список литературы

1. Агджоян А.Т. и др. Генофонд народов Крыма по данным анализа Y-хромосомы, мтДНК и полигеномных панелей маркеров / А.Т. Агджоян // VI съезд Вавиловского общества генетиков и селекционеров и ассоциированные генетические симпозиумы: Ростов-на Дону (15-20.06.2014). Новосибирск: ИЦ и ГСОРАН, 2014.
2. Богородицкий В.А. О крымско-татарском наречии. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / В.А. Богородицкий. – Казань, 1933. – с. 88-103.
3. Джикия С.С. Об одном морфологическом явлении в ахалцихском наречии анатомийско-турецкого языка / С.С. Джикия. – ТГРУ, VI. – 1937. – С.115-122.
4. Заметки XII-XV веков, относящихся к Крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // ЗИООИД. Т. V. – Одесса, 1863. – С. 595-628.
5. Зап. имп. Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1881, т. XII. – С. 62-208.
6. Казембек М.А. Общая грамматика турецко-татарского языка / М.А. Казембек. – Казань, 1846. – 466 с.
7. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период / А.Н. Кононов. – Л., 1972. – 272 с.
8. Материалы по истории АН, Т. II. – СПб., 1886. – 898 с.
9. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных турецких (тюркских) племен. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова / В.В. Радлов. – СПб., 1896. – 408 с.
10. Решетов В., Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек диалектологиясы / В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. – Тошкент, 1962. – 360 с.
11. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.14.СПб., 1910. – 983 с.
12. Müller G.F. Sammlung Bussischer Geschichte / Müller G.F. – Bd.VII, 1-2 Stück.St.-Pb.1762. – P.95.

PHONETIC, MORPHOLOGICAL AND LEXICAL FEATURES OF DIALECTS OF CRIMEANTATAR LANGUAGE

Memetov A. M.

To investigate the phonetic, morphological and lexical features of the three dialects of the Crimean Tatar language. **Methods:** descriptive and comparative methods are applied. **Result:** the phonetic, morphological and lexical features of the Crimean Tatar dialects are revealed and described. **Conclusions:** The obtained results allow to determine the range of closely related languages, to clarify the ethnogenesis of the Crimean Tatars.

Keywords: language, the Crimean Tatar dialect, kypchak-adopted, oguz-adopted, mixed.

УДК 821.161. 2

ЕПІТЕТ В ПОЕЗІЇ МАКСИМА РИЛЬСЬКОГО

Пелипась М. І.

*Таврійська академія Федерального державного автономного освітнього закладу вищої освіти
«Кримський федеральний університет ім. В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: ukrlit_tnu@mail.ru*

В статті розглянуто функціонування епітетів у поезії М. Рильського, як одного з найвагоміших засобів естетизації художньої мови, що постійно перебуває в колі наукових інтересів сучасної філологічної думки. За граматичним вираженням нами виділено такі групи епітетів: виражені прикметниками, виражені формою орудного відмінка іменника.

Серед досліджуваних нами епітетів особливої уваги заслуговують й епітети-неологізми. Проаналізовано епітет за граматичним вираженням у творах поета, окреслено групи художніх означень в ліриці митця за значенням, з'ясовано роль епітетів у художній мові М. Рильського.

Ключові слова: М. Рильський, епітет, граматичне вираження епітета, індивідуально-авторські епітети, кольористичні епітети.

ВСТУП

Актуальність дослідження визначається теоретичною настановою на недостатньо досліджене використання тропів у поетичному доробку М. Рильського.

Мета роботи полягає в з'ясуванні функціонування епітетів у вибраних творах М. Рильського. Зазначена **мета** передбачає вирішення наступних **завдань**: визначити епітети за граматичним вираженням в поезії М. Рильського; окреслити групи художніх означень в ліриці поета за значенням; з'ясувати роль епітетів у художній мові митця.

Епітет як один з вагомих засобів естетизації мови перебуває в колі наукових інтересів сучасної філології, оскільки в системі епітета відбивається стиль письменника, епохи, літературного напрямку, а тому без вивчення цієї системи неможливо розкрити цілісну картину еволюції художнього стилю взагалі й мови окремого автора, зокрема. Ці «прикрашальні слова», за Аристотелем, допомагають виокремити певне явище з-поміж інших, точніше передати думку, красномовно змалювати життєву картину, надають мові образності, емоційності, виразності. Власне тому вивчення епітета має певні традиції в лексикології, лінгвостилістиці, теорії літератури. Роздуми про роль, призначення епітетів, їхні джерела і причини виникнення з'являються ще в творах античних мислителів (Аристотеля, Деметрія та ін.). З'ясування природи епітетів цікавило видатних філологів XIX-XX ст., зокрема О. М. Веселовського, В. С. Ващенко, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунського, О. О. Потебню. Проблема епітетів принагідно досліджували Л. А. Булаховський, І. Є. Грицютенко, Л. І. Тимофєєв та інші вчені. Епітет як засіб вираження індивідуально-авторського стилю певного письменника активно вивчають у сучасному мовознавстві, у тому числі й в українському. Це дослідження С. Я. Єрмоленко, А. К. Мойсеєнка, Н. М. Сологуб, Н. Г. Сидяченко, С. П. Бибик, Л. О. Ставицької, В. В. Красавіної, М. Ф. Братусь, О. М. Сидоренко, Л. І. Шутової та ін.

Автори словника лінгвістичних термінів Д. Ганич, І. Олійник подають таке визначення: «Епітет – один із основних тропів, художнє образне означення, що підкреслює характерну рису, визначальну якість предмета, поняття, дії. Найчастіше епітетами виступають означення -прикметники, у широкому розумінні епітетами називають іменники-прикладки, а також прислівники, які метафорично пояснюють дієслово» [1, с.76].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

В процесі розвитку епітет набуває самостійного образного значення, сприймається як самостійна образна категорія, хоч в ньому збереглися зв'язки з різними формами образного мислення. В теорії про епітети, про сам термін «епітет» немає єдиної думки, відсутня єдина класифікація епітетів. Розкрити своєрідність епітетів можна лише на конкретному матеріалі, яким є для нас творчий доробок М. Рильського, майстра досконалого, вивершеного українського слова [4, 167]. Епітет у поезії М. Рильського стає інструментом, завдяки якому твориться авторська картина почуттів і переживань, твориться нова естетична дійсність.

За *граматичним вираженням* у поезіях М. Рильського виділяємо такі основні групи епітетів: виражені прикметниками, виражені формою орудного відмінка іменника.

Кожне словосполучення у поезії М. Рильського, у склад якого входить епітет, будується за певним абстрактним зразком, який називають структурною схемою (моделлю): N+A (прикметник + іменник): *вітер кучерявий, теплу ю блакить* («Цвітуть бузки, садок біліє...»).

Те, що саме прикметник є основним категоріальним засобом вираження епітетів, зумовлено двома чинниками: його семантикою статичної ознаки (якостей, властивостей, відношень) і зв'язками з іменником, предметність якого він конкретизує через свою знакову (атрибутивну) семантику.

Якісні прикметники у М. Рильського вказують на ознаку, що може виявлятися більшою чи меншою мірою, вони безпосередні, прямі, закладені в самій суті предметів: *гірший* жаль, *глибший* смуток («Сон»), *глибокий* голос («С.Н.»). Вони, виражаючи комунікативну, зокрема художньо-естетичну функцію, являються епітетами, залежно від їх сполучуваності з іменником: *доспіле* (достигле) яблуко і *доспілий* день, *тяжка* валіза та *тяжкий* день, *солодке* тістечко та *солодка* стріла, *невірна* людина та *невірний* човен:

Червонобоким яблуком округлим
 Скотився день, доспілий і тяжкий...
 ...Солодкою стрілою пізній цвіт,
 Скрадаючися, приморозок ранить...
 ...Та й по снігах, метелицях полине,
 Як у дзвінких, незміряних морях,
 Невірний човен вірної людини [6, 371].

Серед досліджених нами якісних прикметників із поезії М. Рильського можна виділити **постійні епітети**, які завдяки тривалій традиції образного використання їх у практичній (живій народній) мові, а особливо у фольклорі і художній літературі є готовими образними засобами: по дорогах *чужих* («Я слова розгубив...»), *чистім* полі («Свято матері»).

Вони є первинними, **непохідними**. Поширені у поезії також **похідні** якісні прикметники, утворені від іменникових, прикметникових та інших основ відповідно до словотвірних закономірностей української мови суфіксальним, суфіксально-префіксальним та префіксальним способами. Їх лексична семантика збагачена внутрішньою семантикою словотвірчих засобів, доповнена емоційно-експресивними відтінками значень: зі *сніжних* рим («Срібний сонет»).

Щодо **відносних** прикметників, вживаних у творах М. Рильського, то їх порівняно небагато, і, здавалось би, маючи обмежені епітетні можливості, і, виражаючи ознаки, що не мають змінної міри й активності, вони, називаючи ознаки предметів за їх зв'язками й відношеннями з іншими предметами, які мають свої ознаки, якості й властивості, здобувають можливість перебирати ці ознаки на себе як уже додаткові, переносні:

Ні, тебе нема, тебе нема на світі,
 Ти з'явилася у ніч осінню... [6, 250].

Традиційно літературним для української поезики є епітет *золотий*. Слово «золото» означає благородний валютний метал, велике багатство, розкіш. Виріб з цього металу має ознаку, передану словом *золотий*. Семантика відносного прикметника *золотий* має дві семантики: матеріал з металу і якість – дорогий. Прикметник *золотий* у М. Рильського сполучившись з іменниками, для ознак яких сема «матеріал» взагалі не характерна (немає такої), переноситься на них: танцем *золотим* («Мандрівний музикант»), струни *золоті* дрижать («Сільський сонет»), волосся *золоте* («М.Н.»), у промінні *золотім* («На палях, на воді стоїть курінь»).

Імплікація не категоризованих порівнянь і означень породила окремий тип граматичних конструкцій, які використовуються у художній мові у функції епітета.

Такі епітети сформувалися на синкретизмі двох субстантивів, що мають спільну ознаку. Проте для одного субстантиву ця ознака спільна, а для другого — тимчасова, на час дії, за якою йде порівняння. Однак ця ознака має інтенсивну форму вияву і тому на ній формується цілий образ ознаки дії – епітет. Субстантивні **епітети у формі орудного відмінка** виникають на ґрунті значень орудного перетворення (русалкою стала), орудного перетворення (став диваком), орудного порівняння (стрілою пролітає). Як свідчать дослідники, в українській мові орудне порівняння є живим функціональним різновидом орудного відмінка, що розвивається за рахунок створення розгорнутих конструкцій орудного іменника з означальним словом і частково шляхом розлізання кола семантичних груп дієслів [1, 211]. Тому субстантивний придієслівний епітет продуктивніше розвивається саме на семантиці орудного порівняння, що сполучається з дієсловами семантичних груп переміщення, руху, стану, звучання. В об'єкті порівняння відображається народно-мовна традиція узагальнювати образні характеристики ступенів інтенсивності суб'єктів через порівняння з об'єктами - носіями інтенсивності цієї дії. А фактично відбувається «присвоєння» значення: влетіла ластівкою, орлом злетіти б, шмигнула блискавкою, дивиться чортом, метеором пронісся, вовком вити, голубкою вуркотіти, сичати змією, ходити гоголем, сидіти крячкою та ін. [5, 27]:

Ти мені *стражданням*

Серце *обливаєш* [6, 255].

Голуби *кружляють*

Білими сніжками... [6, 312].

Пливу я в мріях фантастичним бригом,-

Широко, свіжо, ясно, холодно [6, 302].

Інтенсивність динамічних ознак настільки міцно закріпилася за низкою іменників - назв тварин, птахів, рослин, природних явищ - що вони стали вже символами цих ознак. На цьому ґрунті розвинулася фольклорно-романтична символіка. Зазначені назви використовуються як субстантивні епітети, що оформлені вже або в синтаксичній функції означення-прикладки.

Окрему увагу у ліриці М. Рильського варто приділити **епітетам-неологізмам**. Адже поет належить до винахідників неологізмів, коли кожен з них видається таким природним, що ледь відчувається його новизна. Для стилю письменника характерні складні прикметники. Їх семантична здвоєність і звукова вагомість посилюють урочистість, коли мова йде про дороги для людини явища і речі. Або, навпаки, загострюють гнів і осуд по відношенню до чужих нам явищ та категорій. Це такі епітети-неологізми, як: громокипуча молодь, спів огнекрилий, думи буйнокрилі, воїн світозорий, люд ширококрилий, дружба світлочола, поїзди жовтоокі, ниви злотостеблі:

Коли б почав завидувати юним,

Рум'янощоким та блискучим... [6, 408].

Велику групу складних епітетів створив поет, складовою частиною яких є слово «*благо*»: благовісне сонце, благоуханні небеса, благодатний дощ, благородні пориви, благовісні руки: живе у *благороднім* серці («Шабля Христо Ботева»).

З числівника «*сто*» поет зачинає велику групу епітетів: стоголосий стогін, стоокий погляд, стобратня мова, стокрила ніч, стозвука земля:

Чорніє дим, і шум *стократний*,

І димарів суворий ряд. [3, т. 4, 23]

Епітети, складовою частиною яких є слово «*много*», нагадують старовинний фольклор, глибше передають зміст: многоока вулиця, многотрудний день, мног шумне море, многожерле ревіння многоголосий спів:

...Климацький : роджений для річищ та затонів,

Де сам на човнику, як *многовладний* пан... [3, т. 5, 5]

Словесні форми вираження національного світосприймання, що сформувалися первинно як народнопісенні фольклорні символи, стали традиційно стилістемами української літератури. Конкретно-чуттєва природа мовних символів ставала формою для виникнення асоціативних зв'язків, на яких формується наступна образність, уже *індивідуально-авторська*: котиться грім вдалині, такий *довгожданно-раптовий!* («Перший голос»).

Поетичний вимисел часто ґрунтується на корінні українських ментальних образів. Використовуючи їх здебільшого як готові моделі, розщеплюючи вже існуючі структури мовної референції, Максим Рильський створює нові. Так, українська мова має вирази біблійно-міфологічного походження: терновий вінок, через терни до зірок, тернова хустка (оберіг молодої жінки). Вони дали у творчості М. Рильського мотив для нової поетичної номінації з епітетом тернова згадка, в терновому саду: в журбу мою про тебе *тернову згадку* я вплету... («Ясні простори»), стрівався з нею *в терновому саду*... («Я приношу тобі наболілого серця дари»).

У поезіях М. Рильського на незвичних асоціаціях витворені індивідуально-авторські епітети-неологізми: білокипучий, бурноплинний, велично-гідний, вікославний, всерадісний, громозвукий, жорстокоокий, закрадливо-хисткий, кокетно-своєвільний, лаполистий, лиховорооїсий, людоненависний, машистий, мудровивчений, орожевлений, охмарнілий.

І льодок ламкий та дзвенькотливий

Під твоєю ніжкою тріщав ...[3, т. 2, 100]

Син наш дівчину вестиме,

Що його чекала-ждала

З *многотрудного походу*...[3, т. 2, 200]

Натрапляємо і на такі індивідуально-авторські епітети: чистий ранок, прозорий виноград, лагідний димок, невірная мла, блакитні отари, збуджена трава, щасливі береги, жадане сонце, остуджені тумани тощо:

...І знову стрівся. В *лагіднім димку*

Він воду пив із моря... [3, т. 2, 131]

...О фіалок заглушений подих,

О вечірня, *невірная мла!* [6, 270].

Пролісків перших *блакитні отари*

Земле! Як тепло нам із тобою! [6, 263].

У поезії М. Рильського, відповідно до класифікації Л. Шутової [8, 7], серед епітетів за значенням виділяємо: епітети зорової семантики, внутрішньо – психологічного сприйняття, акустичні, смакові, тактильні.

Найбільш серед перерахованих художніх значень представлена група епітетів зорової семантики, які стали предметом нашого дослідження. Вони розкривають авторську кольорову візію світу.

Поет майстерно використовує у своїх творах традиційно літературні епітети української поетики *золотий та срібний*. Епітет золотий і срібний передають символічні кольори казковості, зображальні знаки: не в *обладунку золотому* («Мій світлий краю!»), за щедроту *золотих дарів* («Про осінь»), розтинайся *срібними піснями* («Косовиця»).

Використовує М. Рильський прикметник срібний, який став епітетом на семантичному зміщенні ознаки кольору металу срібла і дієслівної ознаки (мерехтить, міниться): там розсипа вона *роси сріблесті* («Осінь-маляр із палітрою пишною»).

Широкі стилістичні можливості епітета золотий реалізує поет у своїй поезії. Ним він передає і колір, і вартісність домінанта, і своє лірично-романтичне уявлення: в незнану даль, у *простір золотий* («Не ясноокий образ Беатріче»), *огонь горів криваво-золотий* («Сьогодні був у мене сатана»).

У ліриці М. Рильського зустрічаємо повний кольоровий спектр прикметників-епітетів, у кожний з яких автор закладає експресивний зміст.

У поезії поета епітет **зелений**, маючи реальне предметно-візуальне значення кольору, набуває і символічного значення оновлення життя, молодості, свіжості, символізуючи надію і радість: скупавшись в дзвінкім *зеленім океані*... («Діана»), річка розлита в *зелених*, веселих і тихих *долинах* («Плещуть на вогкому березі води...»).

Мотив ніжності передає М. Рильський у віршах «В самотині перегортаю» і «Туга за молодістю» за допомогою епітета **білий**, у якому зосереджується і об'єктивна ознака білого кольору, і суб'єктивне переживання від споглядання його:

Вже біла свічка догоріла –

І скоро в серці догорить... [6, 240].

Жаль темних поглядів, жаль *білих* рук дівочих,

Жаль сну ранкового по тих безсонних ночах... [6, 408].

Чорний колір вважається символом злих сил, нещастя, трагізму. Ця символіка видається водночас і органічною, й емоційно-забарвленою під час змалювання М. Рильським трагічних подій, при цьому символічне навантаження покладено на епітет чорний: у синім небі – *голубім, аж чорнім* («Триптих про кобзарів»), і скосить, *чорний людоморе*, тебе смертельна коса (З циклу «Неопалима купина»).

Як символ світання, сподівань і надії використовує М. Рильський у своїх творах епітет **рожевий**:

Скрип возів, далекий обрис міста,

Вечора *рожевого* розлив... [3, т. 2, 100].

Синій колір належить до опоетизованих і романтиками, і символістами. Це колір неба, води, повітря, квітів, очей, тобто тих реалій, що часто стають предметом образного мовотворення. Понятійну групу синього кольору складають лексеми синій, голубий, небесний, бузковий, фіалковий.

У поезіях М. Рильського епітети **синій, голубий, фіолетовий** мають широке тлумачення: легкий, ніжний, добрий, лагідний, сумний, тривожний:

... Вона за *морем синім*,

За борем за старим... [6, 320].

Косарі вмиваються до сонця

Чистою, студеною водою

З *голубої, доброї криниці*... [6, 340].

Крім слів, які означають основні частини загального кольорового спектра, у мові функціонують також лексеми кольористичної семантики. Умовно їх розподіляють на слова, що використовуються на позначення „прохолодного” спектра, і слова на позначення ознак „гарячого” спектра. У художньому тексті вони, залежно від художньої мети, від уподобань автора, перетворюються в кольористичні образи, які формуються не лише значенням кольору, а й іншими лексичними тропейними функціями. Так виникає художній колір, тобто кольористичний епітет” [7, 232].

У поетичному доробку М. Рильського епітети такого типу займають помітне місце. Митець використовує їх як складники власних оригінальних художньо-поетичних образів. За допомогою лексем „гарячого” спектру Максим Тадейович малює неперевершені поетичні шедеври, що назавжди залишають у душах читачів позитивний емоційний слід.

Плещуть на вогкому березі води, ясні й переливні,
Наче Гомерове *море* старе, казкове, *пурпурове*... [6, 299].
... І свіжі айстри над *ніском рум'яним*
Зоріють за одчиненим вікном. [6, 351].
... Ще й слова не сказав, - а вже *багрянні води*
В очах їм мерехтять. Хвилює корабель... [6, 378].

Доповнюють цю образну галерею творів М. Рильського не менш своєрідні лексеми-епітети „холодного” спектра, які передають спокійні, врівноважені картини високого поетичного мистецтва: несуть *прозорі крила*, в незнаний *голубий простір*... («До портрета Саксаганського»), *водам кришталевим* оддаючи свій наболілий сум... («Рибальське послання»), *голубий димок* пливе з цигарки... («Синіє ранок, і роса горить...»).

Кількісно переважають у творах М. Рильського складні поетичні утворення-епітети з семантикою світлопозначень, побудовані поєднанням двох лексем: *огонь горів криваво-золотий* «Сьогодні був у мене сатана...», *срібно-блакитне повітря* («Осінь-маляр із палітрою пишною»).

Як неперевершений майстер поєднання звукових і живописних образів у ліричних творах, тобто як майстер кольорової поетичної музики М. Рильський доносить до земляків і казково-чисту мальовничість українських сіл і міст, і чисті душевні переживання героїв, і доброту, щирість та відкритість нашого народу. І все це звучить, мов дивний хор, у якому гармонійно злилась земна краса з небесною.

ВИСНОВКИ

Таким чином, поезія М. Рильського насичена великою кількістю епітетів, виражених прикметниками (якісними та відносними), які надають творчості поета яскравості, емоційності та насиченості. За статистичними даними серед опрацьованого матеріалу – уривків із поезії М. Рильського, які містять у собі епітети, виражені прикметниками, ми відокремили 85 карток, з них якісних – 58, відносних – 27. Досліджений результат підтверджує, що епітетні можливості відносних прикметників (порівняно з якісними) обмежені. Бо перші виражають ознаки, що не мають змінної міри, а другі – прямі, виявляються з різною мірою.

За опрацьованим матеріалом ми виявили 15 карток з епітетами, вираженими формою орудного відмінка, серед яких 9 карток з епітетами зі значенням порівняння та 6 – зі значенням перевтілення.

М. Рильський у своїй творчості широко використовує епітети-неологізми (зі 100 карток – 38 саме зі складними епітетами-неологізмами), ми простежили їхнє стилістичне використання, роль, значення в поезіях великого майстра слова. В його індивідуально-авторських епітетах – простір, політ думки, чарівна та співуча ласкавість. Кольоростичні епітети, зокрема, складають 56 карток, які вжито поетом-мовознавцем задля увиразнення свого емоційного стану, пов'язаного з різними життєвими ситуаціями.

Отже, проаналізувавши усі функції епітетів, вживаних у поезії М. Рильського, ми дійшли до висновку, що найбільшу кількість складають епітети, виражені прикметниками (85), найменше – формою орудного відмінка (15). Велику кількість становлять кольоростичні епітети (56), трохи меншу- епітети-неологізми (38).

Список літератури

1. Галич О. Теорія літератури : Підручник [Текст] / [за наук. ред. Олександра Галича]. – Київ : Либідь, 2001. – 488 с.
2. Ганич І. Д. Словник лінгвістичних термінів / І. Д. Ганич, І. С. Олійник. – К. : Вища школа, 1985. – 360 с.
3. Максим Рильський. Твори в десяти томах. / М. Т. Рильський. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1960.
4. Новиченко Л. М. Поетичний світ Максима Рильського : 1910 – 1941 [Текст]. – К. : Наукова думка, 1980. – 408 с.
5. Потебня О. О. Естетика і поетика слова : Збірник / О. О. Потебня. – К. : Мистецтво, 1988.
6. Тичина П. Г., Рильський М. Т. Вибране / Передмова та коментарі Л. В. Ушкалова; Худож.-оформлювач О. М. Артеменко. – Харків : Фоліо, 2012. – 538 с. – (Шкільна б-ка укр. та світ. літ-ри).
7. Ткаченко А. О. Мистецтво слова : Вступ до літературознавства : Підручник для студентів гуманітарних спеціальностей вищих навчальних закладів [Текст]. – [2-е вид., випр. і доп.]. – К. : ВПЦ Київський університет, 2003. – 448 с.
8. Шутова Л.І. Епітет в українській поезії 20-30-х років ХХ століття (структурно-семантичний і функціональний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л.І. Шутова. – К., 2003. – 21 с.

ЭПИТЕТ В ПОЭЗИИ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

Пелипась Н.И.

В статье рассмотрено функционирование и механизмы образования эпитета в поэзии М. Рыльского, как одного из наиболее значимых средств эстетизации языка, постоянно пребывающего в кругу научных интересов современной филологической мысли. По грамматическому выражению выделяем такие группы эпитетов: выраженные именами прилагательными, выраженные формой творительного падежа имени существительного.

Среди исследуемых нами эпитетов, особое внимание уделяется и эпитетам-неологизмам. Нами проанализирован эпитет по его грамматическому выражению в произведениях поэта, очерчены группы художественных определений в лирике мастера по значению, определена роль эпитетов в художественном языке М. Рыльского.

Ключевые слова: М. Рыльский, эпитет, грамматическое выражение эпитета, индивидуально-авторские эпитеты, цветные эпитеты.

EPITHET IN MAXIM RYLSKY'S POETRY

Pelipas M. I.

The article presents a study of the functioning and mechanisms of formation, in M. Rylsky's poetry, of the epithet as one of the most significant means of language esthetisation which is a permanent presence in scientific interests of the modern philological thought. And this is not by chance, as the epithet language reflects the writer's, epoch's and literary school's style.

As early as in the Aristotle times, it was observed that these "embellishing words" helped single out a certain phenomenon from a variety of similar phenomena, express a thought in a more precise and deeper way, vividly and colourfully depict a life picture, making it more emotional, expressive and picturesque. In the process of its development, the epithet is perceived as an independent image-bearing category. Its originality, however, uncovers itself in a specific material, just like M. Rylsky's literary works are for us. Thanks to a skilful use of the epithet, we witness a picture of authorship full of feelings and emotions and see a new esthetic reality created.

We distinguish the following groups of epithets in M. Rylsky's poetry, depending on their grammatical expression: those expressed by adjectives and those expressed by the noun instrumental case. Among the epithets studied by us, a special attention is also given to neologism epithets, as the poet belonged to those creators of the mother tongue whose neologisms entwined with the poetic canvas in such a natural way that their newness was hardly perceived.

Therefore, in the process of study, we analysed the epithet on the basis of its grammatical expression in the poet's works, outlined the groups of artistic attributes in this master's lyric poetry depending on their meaning and determined the role played by epithets in M. Rylsky's artistic language.

Key words: M. Rylsky, epithet, grammatical expression of an epithet, author's individual epithets, colour epithets.

УДК 81'34

О НЕКОТОРЫХ ПРИЗНАКАХ НЕМЕЦКОГО КОНСОНАНТИЗМА В СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОМ И ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Петренко А. Д., Петренко Д. А.

*ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь
E-mail: aldpetrenko@mail.ru, danpetrenko@mail.ru*

Целью статьи является анализ дрожащих сонантов и определение их места в фонологической системе современного немецкого языка. В статье рассматривается ряд теоретических вопросов социолингвистики, фоностилистики и социофонетики, сопоставлены ситуативные и социальные аспекты языковой вариативности в произносительном аспекте. Проблемы нормы произношения, речевой ситуации и фоностиля представлены в русле функциональной и фоностилистической дифференциации языка.

Ключевые слова: фоностилистика, социофонетика, языковая вариативность, речевая ситуация, стиль произношения, фонологическая переменная

К числу центральных проблем социолингвистики принадлежит социально обусловленная вариативность речи, характеризующаяся наличием двух измерений – *стратификационного и ситуативного*. Как известно, стратификационная вариативность связана с социальной структурой общества и проявляется в языковых и речевых различиях, которые характерны для представителей различных социальных слоев и групп. Ситуативная же вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в различных речевых ситуациях [5].

Оба вида вариативности тесно связаны друг с другом. Различия, обусловленные социальной структурой общества, накладываются на различия, обусловленные социальной ситуацией. При этом, как показали исследования У. Лабова, модели ситуативной вариативности, отражающие закономерности в распределении конкурирующих языковых форм по социальным ситуациям, являются едиными для конкретного языкового или речевого коллектива.

Другими словами, для всех членов данного коллектива характерны одни и те же закономерности, проявляющиеся в выборе тех или иных произносительных форм в зависимости от социальной ситуации общения [9]. Общая модель ситуативной вариативности может при этом по-разному реализоваться в различных социальных группах. Так, например, речь представителей высших социальных слоев характеризуется преимущественным использованием т.н. „*престижных*“ форм, а у представителей „*низшего среднего класса*“ (по терминологии У. Лабова) наблюдается гиперкорректное употребление этих форм в ситуациях официального общения.

При исследовании социальной дифференциации языка и речи взаимодействие стратификационного и ситуативного параметров особенно важно, потому что позволяет изучать речь не только в различных социальных ситуациях общения, как

это делалось ранее [2], но и дифференцировать особенности языкового и речевого поведения представителей различных социальных групп в сходных ситуациях общения.

Важную роль в фонологической системе немецкого языка играет реализация дрожащих сонантов: переднеязычного [r] и увулярного [R]. Данные согласные представляют собой факультативные варианты, выбор которых определяется не фонетическим положением, а лишь произносительными навыками и привычками говорящего. В результате своего развития оба варианта проявили тенденцию к сокращению количества колебательных движений артикуляционных органов (передней и задней части спинки языка) до одного колебательного движения, перехода согласного в узкий щелевой вплоть до последующей вокализации. Количество вариантов "R" (аллофонов) в связи с этим значительно расширилось и представляет собой в настоящее время целую серию всевозможных реализаций:

- глухой альвеолярно-корональный [r];
- глухой увулярно-постдорсальный [R];
- звонкий альвеолярно-корональный [r] с одним колебательным движением (flapped [r]; one-tap-r; Ein-Schlag-r);
- фрикативный звонкий альвеолярно-корональный [r], характерный для английского языка, встречающийся также в мекленбургском диалекте; он же звонкий щелевой передний [r];
- фрикативный звонкий увулярно-постдорсальный (мезофарингальный), грассирующий [R]; задний звонкий щелевой (описан в – Dieth E., Vademecum der Phonetik. – A. Francke AG Verlag. – Bern, 1950 – [6]);
- фрикативный глухой увулярно-постдорсальный (мезофарингальный), задний глухой щелевой [ʀ];
- звонкий велярно-постдорсальный щелевой [ɣ];
- глухой велярно-постдорсальный щелевой [x];
- вокализованный [R], обозначаемый обычно как [ɑ].

Последний произносительный вариант представляет собой, как правило, нечеткий гласный, средний по звучанию между [ɔ] и [a]. Его характерной особенностью является способность к ассимиляции, позволяющей трансформировать закрытые гласные в открытые, например: der – [dEɑ]; oder – [dE]. Согласно произносительной норме, после долгого [a:] "R" не вокализуется, однако фонетистами давно отмечено, что в реальном произношении [ɑ] активно проникает и в эти позиции [4]. Вокализованный [ɑ] может быть слоговым и неслоговым, он

лишен определенного качества и длительности. Слоговой [α] встречается в безударном суффиксе и окончании -er как в конце слова, так и перед согласными. В этом положении происходит слияние безударного [ɔ̃] и последующего вокализованного согласного в единый редуцированный гласный [α], например, besser – [ˈbɛsα]; Bücher – [ˈbyːçα]; Kinder – [ˈkinːα]. В связи с тем, что в интервокальной позиции всегда произносится согласный вариант “R”, то в различных формах слов с суффиксом -er имеет место чередование согласного [R] и его вокализованного варианта [α], например: schöner – [ˈʃøːnα]; schönere – [ˈʃøːn(ə)Rɔ̃]; besser – [ˈbɛsα]; bessere – [ˈbɛs(ə)Rɔ̃] и т.д.

В словарях стандартного немецкого произношения (GWDA, DUDEN) [3,2] допускаются в качестве равноправных четыре согласных варианта “R”:

1. переднеязычный дрожащий альвеолярный сонорный (вибрант) – [r];
2. заднеязычный язычковый дрожащий сонорный (вибрант) – [R];
3. заднеязычный велярно-постдорсальный щелевой (фрикативный), имеющий два типа реализации: а) звонкий и, б) глухой;
4. вокализованный “R” ([α]).

Проблема реализации вокализованного “R” во многом неоднозначна. Говоря о степени вокализации “R” в диалектах, необходимо отметить, что в разных из них данное явление развивалось в результате сходного фонетического процесса, однако имеет значительные местные расхождения. Так, в нижненемецких диалектах ослабление “R” после гласного в конце слова (в особенности перед переднеязычными согласными) распространено почти повсеместно. В результате вокализации “R” в диалектах развивается неопределенный гласный, который в зависимости от диалекта приближается к типу гласного переднего или заднего ряда различного уровня. В вестфальском, например, представлен гласный среднего ряда и низкого уровня, который образует с предшествующим удлинненным или долгим гласным дифтонг или, в некоторых случаях, поглощается этим долгим.

В диалектах верхненемецкого ареала вокализация “R” перед согласными (преимущественно также переднеязычными) представляет собой широко распространенное явление во франкских диалектах. В северных наречиях (рипуарском, мозельском) качество предшествующего гласного при этом не изменяется, например: werden – [ˈveːd̥d̥]; Naar – [hoːd̥]; Ort – [oːd̥t]; Garten – [ˈjaːd̥d̥]. Для южной группы франкских диалектов (пфальцкого, гессенского, южнофранкского) характерно, что вокализация “R” сопровождается расширением предшествующего гласного, например: Wurst – [voʊst]; Hirsch – [heʊ] [3; 4].

Чрезвычайно широко вокализация “R”, сопровождающаяся нередко изменением качества предшествующего гласного (по степени открытости /

закрытости), представлена в южной группе диалектов, прежде всего, в Баварии и Австрии – Schmerz – [ʃme:ts]; Vetter – [ʃe:da]; Bart – [bo:ɑ]; Haar – [ho:ɑ] [4]. В центральной части швабского качество “R” в позиции перед переднеязычными (смычными и щелевыми) ослабевает, хотя и сохраняет присущий ему альвеолярный характер: Bart – [ba:rd]; kurz – [khu:rts]; Bürste – [ʔi:rʃd].

В южном ареале швабских говоров “R” в данной позиции полностью выпадает, например: Garten – [ˈga:tɔ]; schwarz – [ʃva:ts]; März – [me:ts]. В процессе ослабления и выпадения “R” перед переднеязычными согласными в швабском развивается, по мнению Н. И. Филичевой, неорганическое [r] в аналогичной позиции в словах типа donnern – [ˈdu:rnɔ]; gestern – [ge:rʃd] и т. п. [4].

Долгое время в южных австрийских регионах (Инсбрук, Грац) доминировал апикальный вариант [r], который в последние годы заменяется по данным многих фонетистов в большинстве реализаций вокализованным [ɑ]. Данное южноавстрийское правило следует считать, по мнению В. М. Бухарова, трансформацией среднебаварской тенденции к дифтонгизации [i:ɑ], [e:ɑ], [o:ɑ], которая, в свою очередь, представлена в постлексической области монофтонгизацией типа: -er [ɑ], ver – [fɑ] – [1, с. 138].

Еще в 1895 году В. Фиетор писал, что исконным немецким звуком является апикальный [r], который с XVIII века вытесняется под влиянием французского языка увулярным [R]. Автор рекомендовал для публичной речи и пения сохранять [r] и избегать щелевых – звонкого велярно-постдорсального [ɣ] и глухого велярно-постдорсального [x] или вокализованного [ɑ] – [12]. Через несколько десятилетий К. Луик отмечал широкое распространение вокализованного варианта “R”, который образует дифтонгоподобные сочетания с предшествующими долгими гласными: Tor – [to:ɑ]. В качестве нормативной рекомендации автор предлагал произносить в Австрии [r] после кратких гласных и вообще отдавать предпочтение апикальному [r], а не «подражать французам и северным немцам» [10]. В. М. Жирмунский связывает с редукцией альвеолярного [r] в позиции после гласного развитие и укрепление в диалектах и местных говорах увулярного и заднеязычного [R]. Критикуя теорию М. Траутмана, пытавшегося объяснить появление картавости в немецком языке за счет подражания французскому языку, В. М. Жирмунский выдвинул гипотезу, согласно которой начало данному процессу положила широко представленная в диалектах редукция альвеолярного [r] после гласных и в конце слова. Редуцированный гласный, замещающий [r] в подобной позиции, обладает в артикуляторном и акустическом отношении определенным сходством с заднеязычным [R], что ведет к картавому произношению при попытке прояснить звук, то есть произнести его более отчетливо как согласный [3]. Согласно концепции В. М. Жирмунского, распространение картавого [R] в новейшее время явилось результатом стремления к замене редуцированного и вокализованного альвеолярного [r] акустически близким субститутутом [R], а в дальнейшем переносом этого субститута с исходной позиции после гласного на начальную позицию.

В ходе исследования реализаций вариантов ФП [R] было проанализировано фактическое произношение современных носителей немецкого языка в Германии

(информантами являлись школьники и студенты) в различных контекстах общения (официальных и неофициальных) при разной степени контроля говорящих за собственной речью. В качестве исследуемых позиций фонологической переменной (ФП) [R] были отобраны следующие: 1). позиция ФП [R] в анлауте перед гласным; 2). после кратких гласных; 3). после долгих гласных и в абсолютном исходе (наличие или отсутствие вокализации); 4). в безударном окончании -er; 5). после долгого и краткогo “a”; 6). в безударных префиксах er-, ver-, zer-.

В зависимости от позиции согласного в слове и обстановки общения были определены средние показатели реализации вариантов ФП [R] для речи двух групп говорящих (т. е. двух социолектов). Остановимся на первых пяти.

Как показывают наблюдения, для всех позиций реализации ФП [R] в официальной речи присутствует стремление информантов “прояснить” звук и произнести его четко как согласный, т.е. имеет место то явление, на которое обратил внимание еще В. М. Жирмунский [3]. В официальной речи отмечены следующие реализации: 1. для позиции ФП в начале слова и слога перед гласным: Rat – [Ra:t]; geraten – [gɔ̃ʀa:tŋ]; Tiere – [ˈti:Rɔ̃]; 2. после кратких гласных: fort – [fɔ̃ʀt]; turnen – [ˈtuRnɔ̃n]; 3. после долгих гласных и в абсолютном исходе: Erde – [ˈe:Rdɔ̃]; werden – [ˈve:Rdŋ]; für – [fy:R]; Rückkehr – [ˈRyke:R]; 4. в безударном окончании -er: später – [ˈʃpe:ta(ɔ̃)R]; weniger – [ˈve:ni:ga(ɔ̃)R]; 5. после долгого и краткогo “a”: Bart – [ba:Rt]; Haar – [ha:R]; Garten – [ˈgaRtŋ].

В непринужденной речи отмечены следующие реализации: 1). [R]; [ɣ]; [α]; [ɔ̃] для позиции ФП в начале слова и слога перед гласным; 2). [R]; ([α]; [ɔ̃]) – в ударной позиции, а также в безударном слоге в интервокальной позиции: Rat – [Ra:t]; geraten – [gɔ̃ʀa:tŋ]; verlieren – [fαˈli:αn]; Tiere – [ˈti:ɔ̃]; 3). [α]; [E(α)]; [o(α)]; [u(α)] [#] – после кратких гласных, а также перед смычным согласным или смычно-щелевым: Kerze – [ˈkE(α)tsɔ̃]; fort – [fo(α)t]; turnen – [ˈtu(α)ŋ]; lernen – [ˈlE(α)ŋ]. Все варианты переменной [R] проявляют в речи школьников различную стратификацию и находятся в прямой зависимости от позиции переменной в слове и от обстановки общения информантов.

В реализации фонологической переменной [R] происходит перестройка речи говорящих в рамках двух степеней официальности общения – непринужденной и официальной. Для всех вариантов ФП [R] характерны высокие средние показатели в непринужденной речи, за исключением варианта [ɣ], при реализации которого наблюдаются довольно низкие средние показатели даже в условиях непринужденного контекста общения (6%-8%). В официальной речи данный вариант ФП зарегистрирован не был. Отличаются заметной стабильностью и стремлением к стандартному произношению варианты ФП: а) в анлауте – ([R]) и, б) в безударном суффиксе -er (вокализованный [α]). В данных позициях отклонения от стандартной произносительной нормы в речи школьников минимальны. Относительно стабильны и варианты ФП в сочетаниях с долгими гласными, где отмечается удлинение (расширение) последних, что приводит к растяжению гласного, а в сочетании с вокализованным согласным он реализуется как дифтонг.

Средний разрыв в показателях реализации между контекстами общения составляет в этом случае 50%, причем он остается высоким даже в официальной речи (38%). Сходные показатели регистрируются и для позиции переменной в интервокальном безударном положении (от 95% в непринужденном общении до 61% в официальном). Наибольший разрыв в средних показателях реализации переменной отмечается в случаях элизии вибранта после долгого и краткого “а”. Если для непринужденной речи средний показатель равен 91%, то в официальном контексте общения он составил всего 14%. Речь студентов характеризуется сходными тенденциями в перестройке от официального контекста общения к непринужденному, что и речь школьников.

Общие различия для всех вариантов реализации ФП [R] в речи студентов минимальные и, на первый взгляд, незначительные. Именно этот факт и обуславливает трудность социальной идентификации говорящего по произносительным особенностям его речи. Проведенный анализ дает, тем не менее, основания утверждать, что эти “минимальные” различия и являются теми произносительными характеристиками, которые регистрируются собеседником и способствуют интуитивной оценке речи говорящего. Установление же средних показателей реализации позволяет вывести переменные правила ФП и ее вариантов в речи представителей отдельной социальной группы.

Сравнивая средние показатели реализации ФП [R] и ее вариантов в речи школьников и студентов, можно сделать вывод о том, что речь студентов отличается заметной корректностью, то есть говорящие в большей степени тяготеют к реализации нормативных (стандартных) произносительных форм. Так, например, в анлаутной позиции у студентов не отмечено ни одной реализации, отличной от стандартной. Средний показатель вокализации ФП в безударных окончаниях и суффиксах практически равен 100%. Почти на половину меньше, чем в речи школьников, регистрируется элизия согласного в позиции после долгого и краткого “а”, а также редуцированный вариант ФП [ɔ] после долгих и кратких гласных и в абсолютном исходе.

В официальной речи студентов почти не отмечается реализация вариантов ФП [ɣ] и [x] в начале безударного слога перед гласными, а также после краткого [a] перед смычным. При этом средние показатели варианта ([x]) в непринужденной речи информантов высоки и составляют 63% от всех отмеченных реализаций. Устойчива и тенденция к расширению предшествующего долгого гласного и приобретение последним дифтонгизированного характера. Только в этой позиции отмечены более высокие средние показатели речи информантов-студентов по сравнению с речью школьников (от 92% в непринужденной речи до 51% в официальной).

Таким образом, в начале слова и слога в позиции перед гласным зафиксированы три варианта реализации “R”: увулярный вибрант [R] и два его субститута в интервокальной предударной позиции: звонкий велярно-постдорсальный щелевой [ɣ] и вокализованный [ɑ]. В позиции после кратких гласных реализация [R] (вокализация) приводила к удлинению (расширению) предшествующих гласных. Кроме этого, в данной позиции и после долгого [a:]

отмечена элизия согласного, в том числе и после лабиализованных [o] и [u]. В положении после долгих гласных, в абсолютном исходе и в безударном суффиксе -er отмечена полная вокализация "R". В позиции после краткого [a] перед взрывным дентальным [t] зафиксирована реализация глухого велярно-постдорсального щелевого [x].

Явное разграничение в выборе вариантов реализации "R" проявляется в произношении информантов в связи с перестройкой речи при переходе к непринужденному общению. Если для всех обстановок официального общения характерно употребление язычкового дрожащего вибранта практически во всех позициях согласного в слове и слоге, не всегда отвечающего при этом требованиям произносительной нормы, то в контексте непринужденного общения отмечается целый набор разнообразных реализаций – от полноартикулируемого увулярного вибранта до полной элизии согласного. Говоря об особенностях произнесения ФП [R] в большинстве позиций, необходимо подчеркнуть, что в ходе анализа отмечены случаи реализации, не соответствующие стандартной произносительной норме, причем их распределение по обстановкам общения позволяет связать произношение информантов с выбором того или иного произносительного стиля.

Таким образом, речевая вариативность, связанная с действием социальных признаков, это не хаотичный процесс всевозможных редуций и ассимиляций. Все отмеченные произносительные варианты обусловлены действием как внешних, так и языковых факторов. При этом суть последних связана с внутрисистемными законами языка, которые регулируют т.н. «пределы» вариативности сегментного состава и коррелируют, в свою очередь, с внеязыковыми факторами.

Список литературы

1. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка / В. М. Бухаров // – Нижний Новгород, 1995. – 138 с.
2. Гайдучик С. М. Фоностилистический аспект устной речи: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка: автореф. дисс. на соискание уч. степени докт. фил. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / С. М. Гайдучик. – ЛГУ. – Ленинград, 1973. – 31 с.
3. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский // – М.-Л. : Наука, 1956. – 349 с.
4. Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка / Н. И. Филичева // – М, 1983. – 105 с.
5. Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики / А. Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования: [сб. науч. тр.]. – М. : Наука, 1976. – С. 31-42.
6. Dieth E. Vademecum der Phonetik / E. Dieth // – A. Francke AG Verlag. – Bern, 1950 – 367 S.
7. DUDEN-3 : Aussprachewörterbuch / DUDEN // – 3. Aufl. – Mannheim, 1990.
8. GWdDA : Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / GWdDA // – Leipzig, 1982.
9. Labov W. The social stratification of English in New York city / W. Labov // – Washington: D.C., 1966. – 600 p.; Labov W. Some principles of linguistic methodology / W. Labov // – Language in society. – No.1, 1972; Labov W. Der Ausdruck sozialer Prozesse in linguistischen Strukturen / W. Labov // – Sprache und Gesellschaft. – Hamburg : Hoffman und Campe, 1972. – 338 S.; Labov W. A quantitative study of sound change in progress / W. Labov // – Report on National Science Foundation Grant GS – 3287, – pp. 3-45. – Philadelphia, 1972; Labov W. Sociolinguistic Approach to the Problem of Normalisation / W. Labov // – Proceedings on the Ninth International Congress of Phonetic Sciences. – Copenhagen. – V.1, 1979. – p. 441; Labov W. Einige Prinzipien linguistischer Methodologie / W. Labov // – In : H. Steger (Hrsg.) Soziolinguistik. Wege der Forschung. – Darmstadt, 1982. – S. 7-23.

10. Luick K. Deutsche Lautlehre. Mit besonderer Berücksichtigung der Sprechweise Wiens und der österreichischen Alpenländer / K. Luick // – Leipzig; Wien, 1932 – 576 S.
11. Ulbrich H. Einige Bemerkungen über die Realisation der [r] – Allophone im Deutschen / H. Ulbrich // – Beiträge zur deutschen Ausspracheregung. – Berlin, 1961 – S. 176-183.
12. Viëtor W. Die Aussprache des Schriftdeutschen / W. Viëtor // – Leipzig, 1895 – 101 S.

**CONCERNING SOME FEATURES OF THE GERMAN CONSONANTISM IN THE
SOCIOPHONETIC AND PHONOSTYLISTIC ASPECTS**

A. Petrenko, D. Petrenko

Simferopol, Crimean Federal V. Vernadsky-University

The purpose of the article is the analysis of thrilled sonorants and their place in phonological system of the modern german language. The present thesis is carried out following the tendency of a new trend in sociolinguistic research – socially determined phonetic-phonological variability of the national language taken as an integral structure. The thesis focuses on the actual problems of modern phonostylistics and sociophonetics, the research also defines variation peculiarities of the native speakers' speech. The subject of the given research is sociophonetic variability of the modern German language – the realisation of the segmental composition depending on social situations of communication (phonostylistical aspect) and social factors.

Keywords: phonostylistics, sociophonetics, language variability, speech situation, pronunciation style, phonological variable

УДК 81'246.2

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ИНДИИ

Сирица Е. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: katrin555@mail.ru*

В данной статье рассмотрены проблемы изучения современной языковой ситуации на территории индийского государства. В многоязычных странах таких, как Индия, Индонезия, Намибия, существуют проблемы выбора одного языка — посредника. Понятие языковой ситуации (совокупность форм существования языка, употребления в различных социально-экономических и социально-политических условиях, в определенных социально-административных образованиях) является одним из ключевых в социолингвистике. На территории современной Индии большинство жителей используют «хинглиш», являющейся языком субкультуры определенного класса этнических индийцев, проживающих или рожденных за пределами Индии. Английский язык на территории индийского государства представляет собой «Lingua Franca», выполняя функцию универсального контактного языка, используемого в англоязычной коммуникации, участники которой в основном не имеют одного общего языка для общения. Данный социолингвистический термин применяется для обозначения одного из нескольких существующих типов, так называемых контактных языков, используемых для межэтнического общения, являющиеся вспомогательными языками, возникающими в условиях отсутствия других способов межэтнической коммуникации (региональный язык-посредник, билингвизм). Характерной чертой последнего является относительно ограниченная сфера применения, т.е., употребление только при языковом контакте представителей различных этносов. Процесс глобализации в современной Индии представляет собой углубление контактов и сотрудничества этносов во всех направлениях общественной жизни, что определяет потребность возникновения контактного языка, необходимого для международной коммуникации, общего родного языка и национальной культуры.

Ключевые слова: Индия, языковая ситуация, «хинглиш», индийский вариант английского языка, lingua franca, билингвизм.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена направленностью современной социолингвистики на изучение взаимоотношений языка и общества, динамики языковых изменений, диглоссии, билингвизма, межъязыковой интерференции в Индии.

Цель данного исследования состоит в анализе современной языковой ситуации на территории индийского государства.

В задачи исследования входило:

- 1) сбор и анализ теоретического материала;
- 2) рассмотрение современной языковой ситуации на территории индийского государства;
- 3) учет влияния местных диалектов и языков на распространение и функционирование английского языка в Индии.

Современное общество дифференцировано по социальному составу населения, полу, возрасту, территории проживания, уровню образования, общественному положению, профессии и т.п. При этом каждая из социальных групп обладает своими особенностями, представители которой используют общий язык в разных условиях и с разными целями, что непосредственно отражается в их речи. Таким образом формируются социальные варианты языка (например, социолекты), то есть подсистемы общенационального языка, которые исторически преобразуются и усовершенствуются по мере изменения самого общества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В настоящее время социолингвистика как наука о взаимосвязи факторов социальных и языковых значительно расширила предмет своего исследования. Характерной чертой базовых критериев в социолингвистике являются двойственные социальные и языковые понятия. В свою очередь область применения социолингвистической теории и результатов исследования зависит от характера языковой ситуации в той или иной стране. В многоязычных странах таких, как Индия, Индонезия, Нигерия, Намибия, существуют проблемы выбора одного языка — посредника, который служил бы средством общения для всех этнических групп, населяющих данную страну, и обладал бы статусом государственного языка. Понятие языковой ситуации (совокупность форм существования языка, употребления в различных социально-экономических и социально-политических условиях, в определенных социально-административных образованиях) является одним из ключевых в социолингвистике. По мнению таких лингвистов, как Л.П. Крысин, В.И. Беликов, языковую ситуацию представляет лингвогеографическое единство идиомов, которые соприкасаются в границах социума и взаимодействуют между собой. К понятию языковой ситуации можно отнести и функциональные отношения между этими идиомами на определенном этапе существования данного языкового сообщества [1, с.160]. Одним из компонентов данного понятия является географический фактор. В лингвистике существует мнение о том, что языковая ситуация всегда привязана к определенной территории. Однако, важно, чтобы данное государство или территория были однородными в языковом отношении. В том случае, если на территории одной страны используется несколько государственных языков (к примеру, в крупных многоязычных государствах, как Индия, Китай, Россия), то необходимо рассматривать особенность языковой ситуации каждой из стран в отдельности. К данному понятию можно отнести, так называемую, «организованную совокупность языков» [1, с.115], суть которой сводится к тому, что языки оказываются взаимосвязанными не только в силу тесных контактов между языковыми общностями, составляющими население одного политико-территориального объединения, но и определяется своим отношением к континууму коммуникации данного общества и друг к другу. Языковая ситуация, таким образом, представляет собой архисистему языковых систем или систему подсистем, распределённых по этническим, социальным и социально-территориальным общностям, входящим в одно сообщество. Различные говоры и диалекты, используемые языковым коллективом в условиях одноязычия, а также

различные языки, образующие социально-коммуникативную систему в условиях двуязычия и многоязычия, являются компонентами социально-коммуникативной системы или социально-коммуникативными подсистемами. По мнению А.Д. Швейцера, необходимо также учитывать, что «существование каждой языковой ситуации предопределяется многими факторами: собственно лингвистическими, культурно- историческим, демографическим, географическим, экономическим, социально- историческими и политическим (прежде всего языковой политикой, осуществляемой государством в связи с решением национально- языковых проблем)» [10, с.114-145]. Однако языковая ситуация представляет собой не только совокупность социально и функционально распределённых языковых систем или подсистем, но и их иерархию. Принято различать следующие типы языковых ситуаций:

- 1) экзогlossная сбалансированная (совокупность языков или языковых подсистем, равнозначных в функциональном отношении);
- 2) экзогlossная несбалансированная (компоненты языковой ситуации распределены по сферам общения и социальным группам);
- 3) эндогlossная сбалансированная (совокупность подсистем одного языка, равнозначная в функциональном отношении);
- 4) эндогlossная несбалансированная (совокупность подсистем одного языка распределены по сферам общения и социальным группам).

При анализе языковой ситуации необходимо принимать во внимание, так называемый, социальный статус того или иного языка на территории конкретного государства, то есть то положение, которое занимает язык по отношению к другим языкам в данном обществе. Нередко официальный статус языка соответствует его фактическому статусу. Так, к примеру, в США и Великобритании официальный статус английского соответствует его фактическому доминирующему положению. Важнейшим показателем «жизнеспособности» языка в билингвистическом обществе является его нормированность [10, с.125]. Для британского варианта английского языка характерна относительно высокая степень унификации нормы на всех уровнях, тогда как в американском и австралийском вариантах на фонетическом уровне отмечается значительная вариативность нормы, обусловленная сосуществованием двух (в австралийском варианте) и нескольких (в американском) параллельных микросистем. Языковая коммуникация в разных регионах Индии, например, представлена двадцатью четырьмя языками, которые взаимосвязаны не только контактами между языковыми общностями, составляющими население одного политико-территориального объединения, но и своим отношением к континууму коммуникации данного общества. Создание языковых штатов – один из самых важных этапов демократического решения национального вопроса в многонациональной стране, каковой является Индия. Объединение в одном штате населения, говорящего на одном и том же языке, имеет

большое значение для развития каждого национального языка данной страны и расширения сфер его социального функционирования.

Языковая ситуация в современной Индии представляет собой сложное явление, включающее в себя факты социально-исторического развития, повлиявшие на структуру и формы существования английского языка, традиционно используемого в Индии. При описании данного лингвистического феномена в Индии многими языковедами используется понятие «Lingua Franca». Данный социолингвистический термин применяется для обозначения одного из нескольких существующих типов, так называемых контактных языков, используемых для межэтнического общения. Контактные языки — это вспомогательные языки, возникающие в условиях отсутствия других способов межэтнической коммуникации (региональный язык-посредник, билингвизм). Характерной чертой последнего является относительно ограниченная сфера применения, т.е., употребление только при языковом контакте представителей различных этносов. Как справедливо отмечает Николас Остлер: «Завоевания, торговля и религия – вот главные силы, стоявшие за распространением ранних «лингва-франка» [3]. При изучении вариантов современного английского языка, обусловленных влиянием социальных факторов, необходимо также принимать во внимание региональные факторы, проявляющиеся в речевом поведении носителей языка. Данные факторы необходимо учитывать как при анализе разговорных форм, так и стандартных, литературных [4].

На сегодняшний день языковая ситуация в Индии отличается сложностью и неоднородностью. Соотношение двух основных языков страны (английского и хинди) меняется под воздействием многих аспектов.

Как известно, Англия стала одной из первых стран Европы, которая осуществляла колониальные вторжения в различные части света. Претерпевая существенные изменения на лексическом, фонетическом и грамматическом уровне, английский язык распространялся на новых территориях, постепенно приобретая статус официального языка. 14 сентября 1947 года было принято решение признать государственным языком Индии хинди, однако, английский язык употребляется для официальных целей при этом на протяжении последующих 15 лет. Кроме этого еще пятнадцати региональным языкам был присвоен статус «официального языка» [8, с.345-351]. В 60-е годы XX века многие штаты Индии были реорганизованы по языковому принципу.

Использование английского языка в качестве языка межэтнического общения значительно упростило общение между местными жителями и колонизаторами. После провозглашения независимости Индии и объявлением хинди государственным языком индийскими органами власти были предприняты попытки ограничения сфер применения английского языка на территории Индии, однако, «по сути дела, каждый образованный индиец был превращен в билингва, и основным компонентом его двуязычия, а зачастую и основным, являлся английский язык» [5].

В настоящее время конституция Индии признает официальными 18 языков штатов. На территории страны синхронно функционируют индийские языки этих штатов, наряду с урду, хинди и английским языком. Применение в одном ареале

нескольких языков приводит к их взаимодействию и взаимовлиянию и, следовательно, к многоязычию и интерференции. На территории Индии существует огромное количество, так называемых, «индийских вариантов английского языка» [5].

А.А. Сигорский отмечает, что «многоязычие в хинди проявляется по-разному: 1) как сосуществование книжного, литературного языка и устного языка, когда широко использовались в речи древнеиндийский санскрит и средневековые пракриты (в древней Индии), поздний среднеиндийский литературный язык апабхрмша и новоиндийские разговорные языки, современный литературный хинди и разговорные диалекты; 2) в натурализации иноземного языка под влиянием родного языка (индийский персидский и индийский английский – индлиш; 3) натурализация иноземных языков приводит возникновению смешанных языков урду и хинглиша – смешения хинди и английского в речи людей». [6].

Английский язык и англоязычная культура оказывают существенное влияние на жизнь многих этнических групп в Индии за счет его использования в современных средствах массовой информации, электронных средствах связи, сети интернет [7]. При характеристике форм английского языка в Индии нередко выделяют, так называемые, смешанные языки — гибриды: хинглиш (английский язык + хинди), панджабиш (английский язык + панджаб), урдиш (английский язык + урду) и индийский вариант английского языка (ИА), который считается официальным, государственным языком [9, с.145-149].

Согласно статистическим данным, в современной Индии большинство жителей используют «хинглиш». Данный вариант английского языка используется в основном в кино, на телевидении, особенно на музыкальных и развлекательных каналах, в рекламе, в речи современной молодежи и среднего класса индийцев, имеющих работу в иностранных компаниях. «Хинглиш» является языком субкультуры определенного класса этнических индийцев, проживающих или рожденных за пределами Индии. А.А. Сигорский определяет «хинглиш» как высшее проявление диглоссии, когда два языка воспринимаются как один язык [8, с.349-359]. Дерби Балджиндер Махал составил и опубликовал словарь гибридного языка — «Royal Hinglish» [6]. По мнению профессора Дэвида Кристалла, 350 миллионов индийцев активно владеют «хинглиш» и считают его своим вторым языком.

Следует отметить, что «хинглиш» содержит значительное количество заимствований из английского языка, претерпевших фонетическую интерференцию или проявивших фонетическую вариативность. Целый ряд англицизмов, вошедших в хинди, относятся к области техники, транспортных средств, сельскохозяйственного производства, связи, науки, дипломатии, быта, делопроизводства, религии, военного дела, спорта, торговли, финансов.

ВЫВОДЫ

Таким образом, очевидно, что английский язык на территории индийского государства представляет собой «Lingua Franca», выполняя функцию универсального контактного языка, используемого в англоязычной коммуникации,

участники которой в основном не имеют одного общего родного языка и национальной культуры. Процесс глобализации в современной Индии представляет собой углубление контактов и сотрудничества этносов во всех направлениях общественной жизни, что определяет потребность возникновения контактного языка, необходимого для международной коммуникации.

Список литературы

1. Беликов В.И. Культурологический и социолингвистический аспекты изучения лексических заимствований в восточных языках /В. Беликов, Л. Никольский.— М.: Наука., 1991. — 397 с.
2. Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов / Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова, В. А. Кожемякина. — ИЯРАН, 2006. — 312 с.
3. Режим доступа: <http://homo-creator.livejournal.com>
4. Режим доступа: <http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/July2005/32-New-Word-Hinglish.htm>
5. Режим доступа: www.csmonitor.com
6. Режим доступа: www.wikipedia.org/wiki/Индия
7. Режим доступа: <http://homo-creator.livejournal.com>
8. Сигорский А.А. Все смешалось в хиндиязычном ареале: языки, диалекты, говоры / А.А. Сигорский. — М.: Восточная литература, 2008. - С. 345-368
9. Социолингвистика : Словарь-справочник / [автор- составитель Жеребило Т.В.]. — Н.: Назрань, 2011. — 280 с.
10. Сунити Кумар Чаттерджи. Введение в индоарийское языкознание/ Сунити Кумар Чаттерджи. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. — 256 с.

ABOUT PROBLEM OF STUDYING OF THE LANGUAGE SITUATION IN INDIA

Siritsa Y. A.

Problems of modern language situation in India researching were studied in this article. In multilanguage countries such as India, Indonesia, Nigeria, Namibia there is a problem of choosing one language-mediator which could serve as a means of communication for all ethnic groups living in these countries. Language situation on the territory of modern India is very complicated phenomenon which includes all factors of social and historical development having made influence on the structure and forms of English which is traditionally used on its territory. Describing this indian linguistic manifestation many linguists use the term “Lingua Franca” which means a language systematically used to make communication possible between people not sharing a mother tongue, in particular when it is a third language, distinct from both mother tongues. Nowadays the greater part of the indians speak “Hinglish” (English+Hindi). It is a language of subculture in certain class of ethnic indians who live or were born outside India. It performs the function of universal contact language used in english communication the participants of which don't usually have one common native language and national culture.

Key words: India, language situation, «Hinglish», indian variant of English, lingua franca, bilingualism.

УДК 070

ГУЦУЛЬСЬКІЙ ГОВІР У ПОВІСТІ ГНАТА ХОТКЕВИЧА «ДОВБУШ»

Сотникова В. І.

*Таврійська академія Федерального державного автономного освітнього закладу вищої освіти
«Кримський федеральний університет ім. В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: vita.sotnikova94@mail.ru*

У статті розглядаються діалектні особливості повісті Г. Хоткевича "Довбуш". Встановлено, що мова персонажів стилізована під гуцульську говірку, про що свідчить ряд фонетичних, морфологічних і лексичних діалектизмів. Значну кількість лексичних діалектизмів зафіксовано в авторській мові, зокрема в описах природи, побуту гуцулів, ведення господарства.

Ключові слова: гуцульській діалект, діалектизм, голосний, приголосний, морфологічна форма, діалектна риса.

ВСТУП

Гуцульський діалект має довгу історію використання в українській художній літературі, започатковану Ю. Федьковичем. Після творчості письменника цей говір увійшов у мовно-літературну практику багатьох українських майстрів слова, як уродженців Гуцульщини, для яких він рідний, увібраний у мовну свідомість із дитинства, так ще більше тих, хто народився далеко від Гуцульщини, але яких навіки зачарував неповторний колорит гуцульського краю. Серед них відомий мистецтвознавець і артист к. ХІХ – І-ї пол. ХХ ст. Гнат Хоткевич, який народився і жив у Харкові. Через революційні події 1905-1907 рр. був змушений емігрувати до Галичини, яка справила на нього незабутнє враження. Захопившись Карпатами, а надто горянами, Хоткевич пише повість і п'єсу "Довбуш", цикли оповідань "Гірські акварелі" й "Гуцульські образки". Згодом він зазначить: "Про Гуцульщину скажу тільки коротко, що як роззявив я рота від здивування, то так із роззявленим ротом і ходив шість літ" [3, с. 321].

Гуцульський говір, як один із найколеритніших у південно-західному наріччі, здавна привертав увагу дослідників, передусім у плані з'ясування його походження, структурно-системних ознак, взаємодії з сусідніми діалектами і мовами, лексикографічного й лінгвогеографічного опрацювання. Гуцульські говірки досліджували Б. Кобилянський, Я. Янів, С. Грабець, Ф. Жилко, А. Залеський, С. Бевзенко, І. Робчук, М. Павлюк, С. Бернштейн, О. Горбач, Й. Дзендзелівський, Я. Закревська, Л. Калнинь, М. Бігусяк, Н. Хобзей тощо.

Актуальність дослідження зумовлена необхідністю глибшого з'ясування проблеми становлення й функціонування цього діалекту в українській мові, а також недостатнім вивченням особливостей функціонування та використання гуцульського говору в мові художніх творів.

Мета роботи – проаналізувати функціонування діалектизмів у повісті Гната Хоткевича "Довбуш" з урахуванням здобутків діалектології, з'ясувати їх різновиди

та роль у відтворенні місцевого колориту і створенні відповідного стилістичного ефекту.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

У результаті дослідження проаналізовано вживання гуцульських діалектизмів на фонетичному, морфологічному і лексико-семантичному рівнях.

На фонетичному рівні зафіксовано такі говіркові риси:

1) голосні переднього ряду [e], [i] на місці давнього [a] після м'яких приголосних: *Не прийшовішечес...* [4, с. 231]; *Таже я конє не маю* [4, с. 112];

2) голосний [i] у префіксі **ви-**: *Сиділи по зимовниках та й мали чес усяке віштудеровувати* [4, с. 356]; *Хто вігадав ручні млинки робити?* [4, с. 45];

3) голосний [o] в ненаголошених позиціях у багатьох словах переходить в [y]: *Куждий на своїм обійстю газда, а я ту на полонині* [4, с. 71]; *Ой, не прубуй, молодице* [4, с. 13];

4) передньоязикові [т'], [д'] перед **і, е** вимовляються як [к'], [г']: *Ой давай, пане втамане, кікати!* [4, с. 215]; *Ліпше йгит на Заболотив* [4, с. 208];

5) відсутність вставного [л] після губних приголосних у дієслівних формах: *Добре справ'єв, бо багачів усіх знав* [4, с. 54];

6) звук [ц] в кінці слів перед голосними **а, у, и** і у суфіксах **-ець, -иц(я), -цьк-** ствердів: *Юха був хлопец!* [4, с. 97]; *Се треба знати, де в одній купі б'є дев'ять головиц* [4, с. 49];

7) повна назалізація звукосполуки [дн] та часткова групи приголосних [бн]: *Доста, доста. Се ти мені ту на два нни нарубав* [4, с. 23]; *То, видиши, маю я срімний волос у голові* [4, с. 65];

9) звукосполука [рѣ] між приголосними перетворилась у [ер], [ир]: *Ломит ноги, крижі. Хирбет – гет цілком усього ломі* [4, с. 211].

Морфологічні діалектні риси найбільше стосуються іменної й дієслівної словозміни, а також особливостей функціонування службових частин мови:

1) іменники першої відміни в орудному відмінку однини і узгоджувані з ними прикметники й займенники мають закінчення **-ов**: *Під тов скалов є велика рівнина, і гроші не пропадут* [4, с. 17];

2) закінчення **-ове**, засвідчено тільки у кличній формі: *Пийте, людонькове!* [4, с. 41];

3) іменники в давальному відмінку множини мають закінчення **-ем**, а в місцевому відмінку **-ех, -ох**: *Но, біжи ж ти, – кае, – назад та й потихеньки оповідж усім людем, аби всі люде зібралиси на зорех докупи* [4, с. 76];

4) прикметники вищого ступеня порівняння творяться шляхом додавання частки **май** до форми прикметника вищого ступеня: *Більша була би честь, якби дякували єкі май поредніші газди, але вони помовчують* [4, с. 52];

5) фіксуємо давні форми займенників, характерних для гуцульських говірок, зокрема **ми, ні** в давальному відмінку однини: *Я жадного попа си не бою!.. Що він ні робит?* [4, с. 231];

6) займенник його вживається у формі **го, му** в родовому й давальному відмінках однини: *Я му своє добро дарую* [4, с. 58];

7) займенник **вона** в давальному відмінку однини функціонує у формі **ї** та **не**, **ню** в знахідному відмінку однини: *А шо ї до того?* [4, с. 24]; *Гайдуки брали до двору дедю твого, жінку брали. Кричев пан на не* [4, с. 97]; *Я, – кае, – гудував твою дочкута й коит на ню клав...* [4, с. 96];

Серед дієслівних діалектних рис зафіксовано такі:

1) частка **си (сі)** не лексикалізувалася з дієсловом, інколи вживається в препозиції до нього: *Та тот дуб ек си поніс, то пестунок гет цалком розніс на кавальчіки, ає!* [4, с. 63]; *Можє, я сі помилив, то перепрошею* [4, с. 67];

2) кінцевий **[т]** у закінченнях дієслів 3-ї особи однини і множини теперішнього та майбутнього часу твердий: *Що його брат сидит у верху, знаєш?* [4, с. 84]; *А йк си на ні зробит велика поклич та й зачнут їх там добре ловити – вни тоги йдут на рабунок у Волошину, волошінами, ади, ходют* [4, с. 68];

3) дієслова І-ї дієвідміни з інфінітивною основою на **-а** мають стягнену форму **-аш**, а в 3-ій особі однини – **-ат**: *Ци він, гадаш, на оннім місці сидит?* [4, с. 59]; *Чіму пхааш свої пальці межи двері?* [4, с. 75];

4) фонетично видозмінені форми допоміжного дієслова **му, меш, ме, мемо, мете, мут** не зливаються з інфінітивом, вживаються окремо перед ним: *Д'хаті му вертати не мож, від газдівства він уже відбивси. Ме шукати й кого єн чого втамана, та ше го вб'ют* [4, с. 43];

Серед прислівників, вживаних у повісті, виділяємо виразні гуцульські мовні одиниці, такі як **гляба, цалком, водно, навідліг, домов, видцив, тепереньки, делінь**: *Раз прийшли вни, тоти турки й татари, на наш край і гет цалком повоювали усю нашу землю* [4, с. 76]; *А ведмідь присів і лапою навідліг махнув злегенька* [4, с. 56]; *Без грошей нам домов вертати не мож* [4, с. 41].

Діалектна лексика у повісті Г. Хоткевича відбиває відповідний колорит, номінує специфічні реалії, предмети побуту, характерні для гуцульського регіону, та загалом слугує мовним засобом стилізації твору. Склад лексики визначено темою художнього твору, його сюжетом та мовними уподобаннями автора. Виділено такі тематичні групи:

1) діалектизми, які пов'язані із опришківством, зокрема **ровта** “ватага, гурт людей” [1, с. 187], **пушкар** “поліцай” [1, с. 165], **бартка** “топірець з довгою ручкою” [1, с. 35], **порошниця** “порохівниця” [1, с. 167], **збуй** “розбійник” [1, с. 41], **смоляки** “спеціальні поліцейські підрозділи, в завдання яких входило переслідування опришків” [1, с. 193], **пушка** “рушниця” [1, с. 164], **зимовник** “місце, в якому опришки переховувалися взимку” [1, с. 43], **крис** “рушниця” [1, с. 73] та ін.;

2) побутова лексика, серед якої виокремлюємо такі підгрупи:

– назви одягу: **лудіння** “одяг, переважно новий, святковий” [1, с. 76], **вберя** “одяг” [1, с. 24], **гуля** “верхній одяг без рукавів” [1, с. 37], **гачі** “шитани з домотканого полотна або сукна” [1, с. 35], **кептар** “хутряна безрукавка” [1, с. 71], **крисаня** “чоловічий капелюх з прикрасами” [1, с. 73], **сердак** “верхній короткий одяг з домотканого сукна, оздоблений вовняними нитками” [1, с. 162], **черес** “широкий ремінний пояс з кишеньками і пряжками” [1, с. 203];

– назви житлових і господарських споруд, хатнього й господарського приладдя: **гранда** “гуцульська садиба” [1, с. 31], **обора** “частина садиби,

приміщення для худоби” [1, с. 153], **шпіхлір** “приміщення для зерна” [1, с. 217], **пугар** “склянка, келишок” [1, с. 160], **верета** “домоткане вовняне або лляне рядно” [1, с. 26], **бесаги** “дві торби, з’єднані одним полотнищем, що їх носять перекинутими через плече” [1, с. 21], **курмей** “шнурок” [1, с. 73], **дзьобня** “невеличка торба з вовняної тканини чи шкіри, яку носили через плече” [1, с. 40];

3) лексика на позначення реалій полонинського життя, серед якої виділяємо такі групи:

– назви полонинських споруд, їх частин, загорож: **оструб** “дерев’яна стіна” [1, с. 155], **стая** “дерев’яна будівля на полонині, в якій живуть пастухи влітку й переробляють молочні продукти” [1, с. 165], **застайка**, **заватра** “прибудова до стаї, де ночують пастухи” [1, с. 42], **струнка** “намет для доїння овець” [1, с. 166], **подра** “полиця під дахом, на якій сушать і зберігають овечий сир” [1, с. 157], **болгарка** “кошара на полонині для худоби” [1, с. 24], **стаднарка** “стайня для коней на полонині” [1, с. 163];

– назви продуктів переробки овечого молока на полонині, зокрема **будз** “овечий сир зі свіжого молока у формі кулі” [1, с. 26], **вурда** “сир гіршої якості з вторинної переробки молока” [1, с. 25], **жентиця**, **дзер** “сироватка” [1, с. 34, с. 47], **керлиба** “відходи від переробки молока на сир, з яких виготовляють вурду” [1, с. 72], **бринза** “спеціально приготовлений для зберігання посолений сир” [1, с. 26];

– назви посуду для зберігання продуктів переробки овечого молока, які водночас використовувались і як міра цих продуктів: **бербениця**, **бриндзенка** “дерев’яна посудина видовженої форми з двома днами для зберігання бринзи, молока; одиниця виміру сиру, бриндзи” [1, с. 26], **терх** “вантаж на коня з двох бербениць, зв’язаних шнурком, полотном; міра ваги бриндзи, молока, що дорівнює двом бербеницям – по 16 кг кожна” [1, с. 175], **міртук** “міра об’єму чи ваги, що дорівнює двом літрам чи кілограмам” [1, с. 87];

4) назви осіб: **челядина** “жінка” [1, с. 199], **челядь** “жінки” [1, с. 199], **любас** “коханець” [1, с. 77], **молодек** “молода людина” [1, с. 82], **легінь**, **флексєв** “парубок” [1, с. 74] та ін;

5) назви осіб за родом полонинської діяльності – **бовгар**, **гайдаї** “пастух, який доглядає стадо великої рогатої худоби на полонині” [1, с. 28], **спузир** “пастух на полонині, який доглядає за вогнем у колибі, щоб не згасав” [1, с. 161], **стадар** “пастух коней” [1, с. 164], **дійник** “дояр” [1, с. 32], **ватаг** “старший вівчар” [1, с. 21];

6) лексеми на позначення природних і штучних географічних об’єктів: **кечера** “стрімка гора, поросла лісом, крім вершини; гора взагалі” [1, с. 73], **бер** “кладка через річку” [1, с. 16], **звір**, **(ізвір)** “міжгір’я, ущелина, вузька долина між горами” [1, с. 37], **грунь** “вершина гори” [1, с. 27], **дебра** “стрімке, заросле кущами узбіччя понад гірські потоки, звори” [1, с. 29], **сигла** “густий, непрохідний ліс” [1, с. 153], **джємора** “темна гущавина; заросле чагарниками місце” [1, с. 30];

7) лексеми на позначення процесу приготування їжі, переробки молока, розведення й підтримка вогню на полонині: **ватра** “вогнище, вогонь” [1, с. 23], **вертлюг** “стовп, що обертається навколо своєї осі, до якого кріпиться берфела” [1, с. 25], **берфела**, **кужба** “дерев’яний пристрій, на якому вішають котел над

вогнищем на полонині” [1, с. 59], **ватарник** “частина стаї, де розкладають ватру” [1, с. 23-24], **клебука** “зак, крук” [1, с. 58], **ботелев** “дірявий кружок з ручкою, який використовують у процесі приготування сиру” [1, с. 18].

ВИСНОВКИ

Отже, мова повісті Г. Хоткевича “Довбуш” майстерно стилізована шляхом використання у ній фонетичних, морфологічних і лексичних діалектних рис, які в сукупності виразно відбивають гуцульську говірку. Саме завдяки цьому письменнику вдалося художньо відтворити неповторний гуцульський колорит.

Список літератури

1. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
2. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50-60-х годов / И. А. Оссовецкий // Вопросы языка современной русской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 301–385.
3. Погребенник Ф. Гнат Хоткевич і його історична проза / Г. Хоткевич // Г. Хоткевич. Авірон. Довбуш. Оповідання. – К.: Дніпро, 1990. – С. 539–553.
4. Хоткевич Г. Довбуш / Г. Хоткевич– Л.: Каменяр, 1965. – 424 с.

ГУЦУЛЬСЬКИЙ ГОВІР В ПОВІСТІ ГНАТА ХОТКЕВИЧА “ДОВБУШ”

Сотникова В. И.

В статье рассматриваются диалектные особенности в повести Г. Хоткевича “Довбуш”. Установлено, что речь персонажей стилизована под гуцульский говор, о чем свидетельствует ряд фонетических, морфологических и лексических диалектизмов. Большое количество лексических диалектизмов зафиксировано в авторской речи, в частности в описаниях природы, быта гуцулов, ведения хозяйства.

Ключевые слова: гуцульский диалект, диалектизм, гласный, согласный, морфологическая форма, диалектная черта.

THE HUTSUL'S DIALECT A LIN HNAT HOTKEVYCH'S NOVEL “DOVBUSH”

Sotnikova V. I.

The hutsul's dialectal features in the language of the H. Hotkevych's novel “Dovbush” is regarded in the article. It is stated, that the speech of the novel's characters is stylized to the hutsul's dialect, which is confirmed of a great number of phonetical, morphological and lexical dialectisms. A lot of lexical dialectisms are also used in the author's language, in the descriptions of the nature, hutsul's mode of life, mountain pasture-ground's farming in particular.

Key words: hutsul's dialect, dialectism, vowel, consonant, morphological form, dialectal feature.

УДК 10.02.01 81.81'42.82-2

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(А. Н. ОСТРОВСКИЙ «ДОХОДНОЕ МЕСТО»)**

Яценко Т. А., Елизарова О. О.

*Таврическая академия Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского, Симферополь
E-mail: t-yashchenko@yandex.ua*

Статья посвящена анализу роли фразеологизмов в формировании экономического дискурса, выявлению особенностей функционирования фразеологизмов, отражающих сферу экономической жизни в пьесе А. Н. Островского «Доходное место» и их классификации. Дискурсивный анализ пьесы базируется на понимании дискурса как динамичного развития речи с учетом характера персонажей и развития сюжета.

Ключевые слова: дискурс, фразеология, индивидуальная концептосфера, культурный код, А. Н. Островский.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к произведениям А. Н. Островского, не угасающий на протяжении полутора столетий, объясняется тем, что в его пьесах отражена атмосфера русской жизни, с разнообразием национальных типов и характеров, с вечными проблемами нравственного выбора, не утратившими своей остроты и актуальности. О вкладе драматурга в развитие русской культуры написаны многочисленные литературоведческие исследования (А.И. Журавлева, В.Я. Лакшин, А.И. Ревякин, А.А. Штейн и др.). Уникальность языка пьес А.Н. Островского является предметом исследований лингвистов как в аспекте изучения характерной лексики и фразеологии (Т.Н. Волкова, Н.П. Варзина, А.Г. Ломов, А.М. Мелерович, М.А. Фокина и др.), так и с позиций теории текста и лингвокогнитологии (А.М. Мелерович, Л.С. Наградова, И.В. Иванова, Н.А. Коломлина и др.).

Новизна нашего исследования заключается в дискурсивном подходе к анализу фразеологизмов (в широком понимании фразеологии как всех устойчивых выражений), которые участвуют в формировании экономического дискурса целостного драматургического текста, а также в выявлении культурных кодов, лежащих в их основе. Считаем, что именно драматургический текст в наибольшей степени отражает реальную дискурсивную практику.

Актуальность исследования состоит в недостаточной разработанности методики анализа роли фразеологических единиц в пределах определенного дискурса и в расширении представлений о возможностях изучения идеостилия в драматургическом произведении. Исследование писательской фразеологии – одно из актуальных направлений фразеологической науки. В последнее время все больший интерес ученых вызывают закономерности употребления ФЕ «в процессах организации высказывания» [6, с. 91].

Как справедливо указывает В.П. Жуков, наиболее ярко и полно «идиоматический арсенал языковой личности раскрывается в живой эмоционально окрашенной литературной речи или литературном просторечии, а также в образцовом художественном тексте» [2, с. 107].

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей функционирования фразеологизмов, отражающих сферу экономической жизни, в пьесе А. Н. Островского «Доходное место».

Задачи: 1) рассмотреть роль ФЕ в речи персонажей пьесы как средства представления индивидуальной концептосферы; 2) выявить текстобразующие функции ФЕ; 3) определить роль прецедентных феноменов в фразеологическом фонде пьесы; 4) выявить трансформации смыслов ФЕ посредством включения в определенный контекст; 5) установить роль культурных кодов в формировании ФЕ.

Материалом исследования является текст комедии «Доходное место» как истории конфликта принципов и обстоятельств, наиболее актуально воспринимаемой в наше время. Нами было выявлено 96 ФЕ, из которых 67 отражают сферу экономической жизни, что свидетельствует о важности экономических отношений между персонажами пьесы.

Исследование базируется на широком понимании дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; ... это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137].

Существенно для нашего исследования разработанное В.И. Карасиком положение о дискурсивных типологиях, в частности противопоставление институционального и персонального дискурса (в пределах последнего разграничиваются бытовой и бытийный дискурс) [3].

Под экономическим дискурсом понимается речевое произведение, текст, отражающий концептуализацию экономических реалий. При этом раскрытие экономической темы не ограничивается специальными экономическими лексическими средствами. «В конкретных текстовых условиях могут использоваться и неспециальные номинации, и разнообразные иностилевые средства, выбор которых коммуникативно обусловлен» [7, с.3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Экономический дискурс в тексте пьесы «Доходное место» является доминирующим и представлен двумя основными понятийными сферами: 1. Экономическое положение. 2. Источник доходов. На базе данных сфер формируются культурные концепты, в языковой реализации которых весьма существенна роль фразеологических единиц. (Вопрос о концептообразующей роли фразеологизмов в языке А.Н. Островского подробно рассматривается в работах Л.С. Наградовой [4]).

Для понятийной сферы «Экономическое положение» наиболее характерны ФЕ, формирующие культурные концепты Бедность, Богатство и ситуации перехода из одного состояния в другое.

В результате анализа ФЕ понятийной сферы 'Бедность / Богатство' установлено, что в плане аксиологической модальности они в значительной мере совпадают с русской паремиологией [10, с. 233-239].

Большинство ФЕ, характеризующих жизнь в бедности, относится к основному фразеологическому фонду русского языка: *низший круг, сводить концы с концами, вести нищенскую жизнь, горе мыкать, без куска хлеба, ходить за подающим, протягивать руку, нечем жить, ходить без сапог* и некоторые другие. Специфика их использования в репликах персонажей заключается в следующем:

1. Выстраивание синонимического ряда ФЕ для усиления выразительности речи, что характерно для высказываний Юсова, склонного к пафосу и риторичности: *Может быть (кивая головой на Жадова), и за подающим пойдешь, и руку протянешь* [5, с.288].

2. Выстраивание синонимического ряда, включающего ФЕ и другие лексические средства, с целью усиления эффекта воздействия на адресата и повышения экспрессивности высказывания. В этом плане особенно выразительны высказывания Кукушкиной во втором действии, в которых представляется стесненность материального положения семьи, единственным выходом из которого является замужество дочерей: *Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет (...) доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с концами, как знаешь. Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще не старая женщина, могу партию найти* [5, с. 292]. Особого внимания заслуживает выражение *ни за мной, ни передо мной ничего нет*. В известных нам фразеологических словарях оно отсутствует. В словаре Михельсона приводится выражение *ни за мной, ни передо мной нет никого* как иносказательное: *ни рода, ни племени*; дается синоним: *один как перст* [8]. В таком значении оно противоречит реальной ситуации пьесы. Кукушкина – вдова, о родителях ее упоминания нет, но у нее две дочери, к которым и обращен этот монолог. Возможно, имеется в виду другая ФЕ *За душой ничего нет*, которая в обоих значениях: 1) о бедном, безденежном человеке; 2) о бездуховном человеке – применима к Кукушкиной. Очевидно, в таком случае можно отметить контаминацию двух ФЕ, вызывающую комический эффект;

3. Включение в реплики персонажей известных паремий в усеченном виде, а также их трансформаций или известных цитат. Так, например, Белогубов объясняет Юлиньке невозможность женитьбы прежде получения места столоначальника: *Да вы и сами не захотите щи да кашу кушать-с (Щи да каша – пища наша)*. Досужев характеризует чиновников, собравшихся в трактире: *Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну и пугают народ* [5, с.313]. Данное выражение заимствовано из басни Жана де Лафонтена «Осел в львиной шкуре», басня с таким же названием есть и у Эзопа.

Особую роль играют библейские изречения и их трансформация в репликах Юсова, которые по контрасту с прагматичными репликами Вышневецкой приобретают комическое звучание: *Человек все равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..* [5, с. 333].

ФЕ, характеризующие жизнь в богатстве, в тексте «Доходного места» немногочисленны: *жить в довольстве, высший круг, земные блага, человек с состоянием, быть в счастье*: Белогубов, обращаясь к Жадову: *Я теперь в счастье, а вы в бедном положении* [5, с. 312].

Специфика использования их в тексте пьесы заключается, прежде всего, в противопоставлении жизни в бедности и жизни в богатстве, что особенно выразительно проявляется в высказываниях Вышневого в споре с Жадовым. **Ж а д о в**. *Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни. В ы ш н е в с к и й*. *Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо (...)* Человек, который не умел или не успел **нажить себе** состояние, всегда будет завидовать **человеку с состоянием** - это в натуре человека [5, с. 284].

Особенно следует отметить ФЕ, отражающие переход от состояния бедности к богатству и наоборот: *выйти в люди; идти к богатству, как по лестнице; колесо фортуны*.

Показательно, что большинство фразеологизмов базируются на традиционных культурных кодах, что в целом характерно для пьес А. Н. Островского [9].

Как показал анализ, особую роль играет пищевой код, реализованный прежде всего компонентом *хлеб* в сочетаниях *кусочек хлеба, черный хлеб*. Общеизвестна символично-обрядовая семантика хлеба в русской и мировой культуре, отраженная в ФЕ (*делить хлеб-соль, хлеб всему голова, не хлебом единым, хлеб насущный*). В исследованном нами материале выражения *кусочек хлеба* и *черный хлеб* соотносятся с понятием 'бедность'. При этом они могут употребляться и в прямом значении, и в переносном: **М ы к и н**: *Год был без места, ел один черный хлеб* [5, с.306]; **Ж а д о в**: *Если судьба приведет есть один черный хлеб – буду есть один черный хлеб* [5, с. 340]. В диалоге Юсова и Вышневого после открытия судебного дела «о злоупотреблениях» патетическая реплика первого: *Должен буду бедствовать без кусочка хлеба* [5, с.334] – вызывает ироническую реплику собеседницы: *Ну, до этого еще далеко*. В результате происходит наложение прямого и переносного смысла выражения, вызывающее комический эффект. Соотнесенность выражения *кусочек черного хлеба* с бедностью может усиливаться наличием локусов с семантикой 'помещение, не предназначенное для жилья человека', например: *чердак*. В споре с Жадовым о жизненных принципах Вышневого, желчно иронизируя, использует именно такой образ: **Ж а д о в**. *Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни. В ы ш н е в с к и й*. *Да, на чердаке, за куском черного хлеба* [5, с. 284].

На пищевом культурном коде основано и выражение *щи да кашу кушать* (ситуация, возможная для бедного чиновника, но неприемлемая для барышни). Заметим, что в русской паремииологии, отражающей традиционное языковое сознание, *щи да каша* символизирует народную кухню и, как правило, используются с положительными коннотациями: *щи да каша – пища наша; где щи, там нас и ищи*.

Наряду с пищевым, активно используется и код движения: *поворачиваюсь, как вор на ярмарке; горе мыкать; выйти в люди*.

Отмечен ряд ФЕ, основанных на соматическом культурном коде: *руку протянешь, подставить ногу, одна голова ('один человек')*: Вышневецкий. *Ума взять негде, ну так подставить ему ногу* [5, с.336]. Мыкин. *Нашему брату жениться не след (...)* Знаешь пословицу: *одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна* [5, с.304]. Вышневецкий. *Человек в несколько лет возвышается, богатеет (...), вырастает выше их целой головой* [5, с. 335-336]. В последнем из приведенных примеров использована авторская трансформация ФЕ (*быть*) выше на целую голову.

Противопоставление «Бедности» и «Богатства» базируется на пространственном коде с использованием антитезы 'верх' – 'низ', при этом имеется в виду не только имущественное, но и социальное положение. Антитеза 'верха' и 'низа' передается посредством устойчивых выражений *высший круг (круг порядочных людей)* и *низший круг (бедные люди)*, а также пространственной глагольной метафоры *опускаться*: Вышневецкая. (...) *больше вы не услышите от меня упрека никогда*. Вышневецкий. *Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться (...)* мы теперь, благодаря врагам моим, должны *спуститься из круга порядочных людей*. В низшем кругу мужья бранятся с своими женами... [5, с. 338].

Пространственные метафоры *возвышения* и *падения* лежат в основе устойчивого фразеологизированного сравнения *как по лестнице*, фразеологических оборотов, включающих соматический код (*выше их целой головой, подставить ногу*).

Смена состояний 'бедности' и 'богатства' представляется также посредством фразеологического выражения *колесо фортуны*, основанного на культурных кодах пространства и движения. Юсов, страшая возможности отставки, называет основной причиной начавшихся преследований не взятки, а гордость. Юсов. *Смирения нет, вот главное... Судьба все равно что фортуна... как изображается на картине... колесо, и на нем люди... поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто... так все кругообразно* [5, с. 334]. Высказывание строится на антитезе «верха» и «низа», «превозношения» и «смирения», непосредственно связанных с понятием 'богатство' и 'бедность'.

Культурный код вращательного движения символизирует не только смену состояний человека в мире, но и воздействие «нечистой силы», так же, как и «беспорядочное движение», «метание», «кривой путь». В связи с этим вспомним выражение Кукушкиной: *поворачиваюсь, как вор на ярмарке*, которое соотносится с паремиями, включенными в сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»: *поворачивается, словно добрый вор на ярмарке; мечется, как вор на ярмарке, как угорелый, как угорелая кошка; мечется, ровно цыган на ярмарке*.

ФЕ, основанные на зооморфном коде, соотносятся с понятием 'бедность': *загнать в конуру, загнать, как почтовую лошадь*: Жадов. *Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать*

меня, как **загоняют почтовую лошадь** [5, с. 340.]; 2) ФЕ, основанные на культурных кодах артефактов, единичны: *ходить без сапог*.

Для понятной сферы «Источник доходов» наиболее характерны ФЕ, формирующие культурный концепт «Доходное место», в основе которого лежит название пьесы, определяющее ее сюжет и концепцию. Само фразеологическое выражение в репликах персонажей предстает в различных вариантах и контекстах, соотносится с особенностями характеров и обстоятельств:

1. Полная экспликация семантики ФЕ : В ы ш н е в с к и й: *Молодой человек (...) идет к нам же просить **доходного места**, чтобы брать взятки!* (5,с.339). 2. Определение в составе ФЕ приобретает форму сравнительной степени, компоненты даются в соседних репликах, семантика ФЕ раскрывается иносказательно :Ж а д о в: *Дайте мне **место**, где бы я... мог (тихо) приобрести что-нибудь. П о л и н а (Вышеславской) Подходнее!* (5,с.339). 3.Определение *доходное* заменяется синонимичным *хорошее*: К у к у ш к и н а: .... *Места, говорит, нет хорошего* [5, с. 295]. 4. Используется только один компонент *место* без определения, семантика проясняется в контексте диалога: Белогубов просит Юсова о месте столоначальника: *Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с (...) Только без **места** нельзя-с, кто ж отдаст* [5, с. 279].

Фразеологические единицы, характерные для данной понятийной сферы, условно делятся на две группы: 1) использование *доходного* места, а именно – получение взяток; выражения носят в основном жаргонный характер: *ловко хватил, попало-таки, рука не сфальшивит; Не купил, а так взял, после сочтемся*; 2) аксиологическая оценка. Вторая группа представлена преимущественно пословицами, посредством которых убежденные взяточники и казнокрады оправдывают свои действия, опираясь на постулат «все так живут». В ы ш н е в с к и й: *Вот тебе общественное мнение: **не пойман – не вор*** [5, с.286].

ВЫВОДЫ

Дискурсивный подход к анализу ФЕ в целостном тексте позволяет увидеть расширение их смыслового содержания, благодаря включению в контекст произведения, в динамику развития индивидуальной концептосферы персонажей.

Изучение фразеологической составляющей экономического дискурса раскрывает устойчивые и изменяющиеся аксиологические установки общества, связанные с существенной сферой жизни человека.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс/ А. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. - С. 136-137.
2. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476
4. Наградова Л.С. Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского: авто реф. дисс. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук. – Ярославль, 2011. – 50 с.

5. Островский А. Н. Доходное место. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Пьесы, 1850-1861 / А. Н. Островский / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Я. Лакшина. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 28 ?
7. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2000. – 532 с.
8. Фразеология.Ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/dohodnyiy.htm>
9. Щербачук О. О., Яценко Т. А. Дискурсивный анализ кодов культуры в драматургическом тексте А. Н. Островского. Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015 г.) : Сб. науч. ст. В 2-х частях II часть / О. О. Щербачук, Т. А. Яценко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – с. 394-400
10. Яценко Т.А. Каузация в русском языковом сознании: монография / Т. А. Яценко. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2006. - 478 с.
- 11.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS MEANS OF FORMATION ECONOMIC DISCOURSE (A. N. OSTROVSKY «PROFITABLE POST»)

Yaschenko T. A., Elizarova O. O.

The article describes and analyzes the role of phraseology in the formation of economic discourse, the identification of the functioning of phraseology, reflecting spheres of economic life in Alexander Ostrovsky's play "A Profitable Post" and their classification. Discourse analysis of the play is based on an understanding of discourse as a dynamic language development, taking into account the nature of the characters and the story.

Key words: discourse, phraseology, individual conceptual sphere, cultural code, A.N. Ostrovsky.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 81'373=111:371.315:61-057.87

МЕТОДИКА ОТБОРА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Кочергина Л. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: luda-info4@yandex.ua*

Статья посвящена анализу критериев отбора и систематизации иноязычной лексики медицинской сферы, а также формированию корпуса иноязычной лексики для обучения студентов-медиков. Исследование было проведено на основе создания учебно-методических пособий по английскому языку для обучения студентов медицинских специальностей и в ходе их апробации на занятиях по английскому языку со студентами 1 и 2 курсов медицинской академии.

Ключевые слова: отбор, критерий отбора, лексика, систематизация, категория, корпус лексических единиц.

ВВЕДЕНИЕ

Задачей обучения иностранному языку в вузе является достижение студентами коммуникативной компетенции. Основными способами выполнения поставленной задачи является формирование и совершенствование языковых навыков, одним из компонентов которых является развитие лексического навыка. Поэтому обучение лексике является неотъемлемым аспектом преподавания иностранного языка и ведется на 1 и 2 курсах медицинских вузов. Б.В. Беляев писал: «Из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны практически усваиваться в процессе обучения, наиболее важным и существенным с психологической точки зрения следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы и незначительного, владеть языком невозможно» [1].

Целью данной статьи является разработка научно обоснованной и экспериментально-проверенной методики обучения лексики в ситуациях профессионально-ориентированного общения студентов-медиков, т.к. знание иностранного языка стало жизненно важным.

Основой для исследования послужила разработка и написание учебно-методических пособий по английскому языку для студентов-медиков 1-го и 2-го курсов “Essential English for Medical Students” и “Professional English for Medical Students” по специальности «Лечебное дело» и «Педиатрия» [8, 9].

Актуальность и практическая ценность данной работы заключается в том, что система упражнений и рекомендации к их выполнению разработанные в нашем пособии широко используются преподавателями вуза для обучения студентов, а также послужили образцом для разработки аналогичных пособий для обучения студентов других специальностей.

В ходе написания наших пособий было изучено большое количество методической литературы по данной теме, а ею занимались многие методисты, такие как Бухбиндер В.А., Ильин М.С., Колкнер Я.М., Лapidус Б.А., Рахманов И.В., Миролюбов А.А., Митрофанова К.А., Николаева С.Ю., Пассов Е.И., Скалкин В.Л., Скляренко Н.К., Слесарева И.П., Харлов Г.А., Шатилов С.Ф., и др. В результате авторы пособия сконцентрировали свое внимание на решении ряда важнейших задач, таких как отбор лексических единиц иностранного языка и определения их количества, необходимого для усвоения в процессе обучения в медицинском вузе; их систематизации в соответствии с требованиями образовательных стандартов и рабочей программы дисциплины и разработке комплекса упражнений для обучения иноязычной лексике медицинской сферы как для аудиторной так и для самостоятельной работы студентов-медиков. При отборе критериев наиболее важными для нас оказались следующие: критерий частотности, тематический критерий, критерий функциональности лексических единиц, интеграционный критерий, критерий подобия лексических единиц в английском и латинском языках [2].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Критерий *частотности* является важным показателем частоты употребления лексических единиц в языке, однако не является первостепенным при отборе лексики. Более важным для себя мы посчитали *тематический* критерий, в соответствии с которым были отобраны лексические единицы по следующим темам, изучающимся в рамках программы по обучению иностранному языку студентов медицинских специальностей на 1–2 курсах, например:

1 курс – «Медицинская академия», «Медицинское образование в России и за рубежом», «Медицинские специальности», «Клетка», «Ткани», «Строение тела человека», «Медицинское обследование больного», «Оказание первой помощи»;

2 курс – «Строение дыхательной системы», «Заболевания дыхательной системы», «Строение сердечнососудистой системы», «Строение сердца»,

«Инфаркт миокарда», «Пищеварительная система», «Гастрит», «Печень и ее болезни».

Критерий *функциональности* лексических единиц отражает их способность вступать во взаимоотношения с другими словами, их семантическую, словообразовательную ценность.

Очень важным для обучения студентов-медиков является критерий *подобия лексических единиц* в английском и латинском языках. Так как многие английские медицинские термины имеют латинское происхождение, сопоставление лексических единиц в двух языках может оказать положительное влияние не только в плане овладения медицинской лексикой английского языка, но также способствовать лучшему усвоению латинских медицинских терминов. Невозможно было исключить и *интеграционный* критерий, который предполагает отбор лексических единиц на основании их принадлежности к разным профильным учебным дисциплинам. Данный критерий способствует формированию системных знаний за счет установления междисциплинарных связей, которые являются

важнейшей основой в системе высшего медицинского образования. Рассматривая обучение студентов медицинских специальностей на 1 и 2 курсах, в рамках интеграционного критерия мы можем говорить о соотношении терминологической лексики русского языка, которую студенты используют на занятиях по таким дисциплинам, как «Анатомия человека», «Гистология, эмбриология и цитология», «Нормальная физиология», «Химия», «Биология» и др., с соответствующей терминологической лексикой английского языка. Применение данного критерия способствовало отбору тех лексических единиц терминологического характера в английском языке, русские эквиваленты которых постоянно используются студентами в их профессиональной учебной сфере общения.

Следующим этапом исследования стала систематизация отобранного нами корпуса лексических единиц. Мы попытались разработать методическую классификацию медицинской лексики для студентов 1–2 курсов медицинских специальностей, в основу которой были положены следующие важные с методической точки зрения характеристики: тематические, семантические, морфологические, сложности / легкости усвоения [3].

По тематическому признаку лексические единицы, входящие в корпус медицинской лексики, можно сгруппировать согласно тем темам, которые изучают студенты в течение 1 и 2 курса и которые включены в рабочую программу по дисциплине «Иностранный язык» медицинской академии, например, по теме «Медицинская академия»: *to enter the academy – поступать в академию; to graduate from the academy – закончить академию, entrance exams – вступительные экзамены; curriculum – учебный план; department – кафедра, отделение (в больнице), doctor – врач, доктор, медик.*

При классификации лексических единиц по семантическим характеристикам мы обращались к значениям лексических единиц и дифференцировали их по соответствующим категориям.

Весь корпус лексических единиц для студентов 1 и 2 курсов медицинских специальностей нам представляется возможным разделить на три основные категории для классификации лексических единиц по семантическим характеристикам:

- 1) Общество и медицина (например, *healthcare system* - система здравоохранения, *insurance medicine* – страховая медицина, *hospital* - больница, *ward* - больничная палата, *family physician* – семейный врач, *rehabilitation* – реабилитация, восстановление;
- 2) Строение организма человека (например, *head* – голова; *trunk* – туловище, *extremity* - конечность);
- 3) Внутренние болезни (например, *influenza* – грипп; *cough* – кашель; *to sneeze* – чихать, *stuffy nose* – заложенный нос).

Однако группирование всего корпуса лексических единиц по этим трем основным категориям не является достаточным из-за большого объема лексических единиц и требует более детальной дифференциации. Так например, внутри такой обширной категории как «Строение организма человека» можно выделить более узкие разделы, которые в свою очередь также могут быть разбиты на еще более

дифференцированные перечни лексических единиц, например в разделе «Внутренние болезни» можно выделить подразделы а) симптомы: fever - высокая температура, vomiting - рвота, nausea - тошнота, feeling dizzy - головокружение. б) факторы риска: high blood pressure – высокое давление крови, bad habits - вредные привычки, high blood cholesterol – высокий уровень холестерина в крови;

в) профилактика и лечение: taking drugs - прием лекарств, physiotherapy - физиотерапевтические процедуры, operative intervention - операционное вмешательство, г) медицинская аппаратура: endoscope - эндоскоп, sphygmomanometer - тонометр, cardiograph –кардиограф и т.д.

При классификации лексики по морфологическим характеристикам мы акцентируем свое внимание на группировании лексических единиц по частям речи. Данная классификация представляется необходимой для учебных целей, прежде всего, для того, чтобы студенты различали части речи при одинаковой форме слов (например, глаголы от имен существительных, имена прилагательные от наречий), например: cold – простуда (существительные) и cold –холодный (прилагательное), to control – контролировать (глагол) и control – контроль (имя существительное).

Систематизация лексического материала имеет огромное значение для усвоения лексики. Подобные классификации помогают решить практический вопрос организации лексического материала, то есть, какими порциями и группами включать его в каждый урок пособия, какие упражнения разрабатывать для его усвоения. Выделенный и четко структурированный корпус англоязычных лексических единиц для студентов 1 и 2 курсов медицинских специальностей послужил основой для обучения лексике в медицинском вузе.

Учитывая методическую классификацию корпуса иноязычной лексики медицинской сферы, был разработан комплекс упражнений для обучения иноязычной лексике медицинской сферы, направленный на формирование лексического навыка студентов-медиков, которым посвящены разделы “Vocabulary Practice” и “Language Development”. Комплекс упражнений – это совокупность необходимых типов, видов и разновидностей упражнений, выполняемых в такой последовательности и в таком количестве, которые учитывают закономерности формирования умений и навыков в той или иной форме речевой деятельности в своем взаимодействии и обеспечивают максимально высокий уровень овладения иностранным языком в определенных условиях [6]. Для того чтобы подобрать необходимые упражнения для формирования англоязычной лексической компетенции, необходимо определить типы и виды упражнений, охарактеризовать их и определить их соответствие формированию навыков и умений [4].

Комплекс упражнений, представленный в пособии, можно разделить на языковые, предречевые и собственно речевые. Очень важно поэтапное выполнение упражнений, именно в такой последовательности: работа начинается с языковых, затем предречевые и собственно речевые упражнения. [5, 7]. Такая последовательность выполнения упражнений отражает этапы обучения иноязычной лексике медицинской сферы на 1 и 2 курсах, а именно:

- презентация тематического блока лексических единиц
- узнавание лексических единиц
- сопоставление лексических единиц в английском, латинском и русском языках
- понимание лексических единиц
- запоминание лексических единиц
- комбинирование новых лексических единиц между собой и с уже известными лексическими единицами
- употребление лексических единиц для реализации коммуникативных задач.

Большим подспорьем при разработке комплекса упражнений были оригинальные зарубежные учебники и учебные пособия издательства Oxford и Cambridge, которые себя хорошо зарекомендовали, т.к. предназначены для обучения медицинскому английскому языку, такие как

- E.G. Glendinning, B.A.S.Holmstorm “English in Medicine: A Course in Communication Skills”
- E.G. Glendinning “Professional English in Use: Medical”
- Oxford English for Careers: Medicine p.1, p.2
- Oxford English for Careers: Nursing p.1, p.2
- Check Your English Vocabulary for Medicine.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что апробация данных учебных пособий, выполнение всех типов упражнений, представленных в пособии, способствует качественному переосмыслению и запоминанию лексического материала студентами-медиками, а также адекватному восприятию, пониманию и отражению содержания читаемых профессионально-ориентированных текстов на английском языке.

Список литературы

1. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – 2-е изд. – М., 1965.
2. Митрофанова К.А. Методика отбора иноязычного лексического материала для обучения студентов медицинских специальностей./ К. А. Митрофанова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. Герцена. № 98 : Научный журнал. – СПб.: Изд-во «Книжный дом», 2009. – С.155-160.
3. Митрофанова К. А. Обучение иноязычной лексике медицинской сферы студентов-медиков: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. пед. наук: спец. 13.00.02 – теория и методика воспитания / К. А. Митрофанова. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.
4. Николаева С. Ю. Практикум з методики тестування іншомовної компетенції (на матеріалі англійської мови) / С. Ю. Николаева. – К.: ІЗМН, 1996. – С.92-95.
5. Харлов Г. А. Особенности овладения языком научной литературы в аспекте интенсивного обучения английскому языку / Г. А. Харлов // Збірник наукових праць // Науковий вісник ПДПУ ім. К.Д. Ушинського, 2008.
6. Шатилов С, Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе // С. Ф. Шатилов. – М.: Просвещение, 1986. – С. 29-31.

7. Шостак И. И. Система упражнений по формированию у будущих финансистов англоязычной лексической компетенции в процессе чтения профессионально ориентированных текстов / И. Шостак // Проблемы современного педагогического образования. - 2014. - №45(5) – С.320-325.
8. Ягенич Л.В., Кочергина Л. В. Essential English for Medical Students: учебное пособие / Ягенич Л.В., Кочергина Л. В., Сахно Е. М. – Симферополь, КГМУ, 2013. – 120 с.
9. Ягенич Л. В., Кочергина Л. В. Professional English for Medical Students: учебное пособие / Ягенич Л.В., Кочергина Л. В., Сахно Е. М. – Симферополь, КГМУ, 2013. – 120 с.

**METHODS OF SELECTION AND SYSTEMIZATION OF FOREIGN
VOCABULARY IN THE SPHERE OF MEDICINE
FOR TEACHING MEDICAL STUDENTS**

Kochergina L. V.

The article is devoted to the analysis of selection and systemization criteria of foreign vocabulary in the sphere of medicine, as well as the formation of basic lexicon for teaching medical students. The investigation has been carried out while creating English manuals for teaching medical students and in the course of approbation of these manuals during practical classes with 1st and 2nd-year students of Medical academy.

Key words: selection, selection criteria, vocabulary, systemization, category, lexicon.

УДК 378.046:81'243:001

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УМЕНИЙ ЧТЕНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ВО ВРЕМЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Кушнарева Т. И.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: kushnareva_t@mail.ru*

В статье даны рекомендации по проведению анализа познавательной активности и самостоятельности студентов в формировании умений профессионально-ориентированного чтения во время научной работы. Во время анализа рекомендовано использовать такие показатели, как количество и качество использованных источников информации, способность студента менять вид чтения в зависимости от целей и задач научного исследования, наблюдательности и логического мышления студента, способность студента решать задачи на развитие творческого мышления и воображения, уровень самостоятельности студента при выполнении задания.

Ключевые слова: умения чтения, профессионально-ориентированное чтение на иностранных языках, самостоятельная работа, научная работа.

Автономная деятельность студента в рамках проведения научной работы чаще всего связана с чтением как источником получения профессиональной информации. **Актуальность** нашего исследования обусловлена необходимостью разработки проблемы развития у студентов неязыковых вузов умений самостоятельной работы с текстом на иностранном языке по специальности и развитием познавательной активности в рамках проведения научной работы студентов как будущих научных деятелей, исследователей и преподавателей, а также современных специалистов конкретного сектора производства. Целью обучения профессионально-ориентированному чтению в неязыковом вузе является развитие навыков и формирование умений чтения на иностранном языке, которым студенты будут пользоваться в своей профессиональной деятельности.

Цель нашего исследования – определить показатели познавательной активности и самостоятельности студентов в развитии навыков и формирование умений чтения во время научной работы студентов.

Научная работа базируется на новой культуре обучения, при которой знания и умения приобретаются в деятельности и решении проблем в условиях активной позиции студента и учета его индивидуальных особенностей. Такое обучение способствует осуществлению познавательной активности и самостоятельности студента благодаря своему прикладному характеру и возможности инновационных интерпретаций в содержательном аспекте, а методика преподавания иностранных языков содержит потенциальные возможности для применения производительных стратегий обучения, среди которых важное место занимают проблемно-поисковая и экспериментально-исследовательская стратегии, а также работа по проекту и темой [1; 2].

Организация и проведение исследовательского проекта стимулирует развитие у студентов основных качеств креативности: гибкость и оригинальность мысли, разработанность идей, активное творческое саморазвитие, интеллектуальную самостоятельность студентов. Для успешной работы над проектом необходимо учитывать интересы и потребности студентов, их собственный жизненный опыт, поэтому тематика научных исследований всегда ориентирована на личность обучающегося[3].

Кафедра иностранных языков, работая со студентами Академии биоресурсов и природопользования, накопила опыт проведения научных исследований на иностранных языках. Выбор тем согласуется со специальными кафедрами. Далее приведем примеры тематики студенческих научных исследований в 2009-2015годах: «Importance of the production of essential oil crops», «The British Commonwealth», «Brand: definition, profits», «Principles of good practice for student affairs», «Agriculture of Holland», «Magnolia Soulangeana as a decorative tree», «Cupresses in landscape design», «Maples in landscape design», «Cycads indoor and outdoor», «History of topiary art in horticulture», «Philodendrons as ornamental plants», «Brief history of bonsai», «Lagerstroemia Indica: biological characteristic and usage», «Vuxus in landscape designer», «The most magnificent trees in the Crimea, their monitoring and conservation».

Далее рассмотрим этапы научной работы:

1. Подготовка. Определение темы и цели научного исследования. Содержание деятельности: 1) студентов – обсуждение, поиск информации; 2) преподавателей – мотивация, помощь в постановке задач.

2. Планирование: определение источников, методов анализа информации, средств представления результатов; согласование критериев оценки результата и процесса. Содержание деятельности: 1) студентов – формулировка задачи и плана действий; 2) преподавателей – корректировка, предложение идеи.

3. Сбор информации (наблюдение, работа с литературой, анкетирование, эксперимент). Содержание деятельности: 1) студентов – сбор информации; 2) преподавателей – наблюдения, корректировка.

4. Анализ информации, формулирование выводов. Содержание деятельности: 1) студентов – анализ информации; 2) преподавателей – корректировка, наблюдения, советы.

5. Представление и оценка результатов. Содержание деятельности: преподавателей и студентов – участие в коллективном обсуждении, оценка усилий, использованных возможностей, творческого подхода.

Отметим, что на каждом этапе студенты применяют различные виды чтения: ознакомительное, изучающее, выборочное.

Познавательную активность и самостоятельность в формировании умений чтения во время научной работы студенты осуществляют в процессе усвоения новой информации, в подготовке практической задачи к реализации, во время самостоятельной работы. Основным средством формирования познавательной самостоятельности является системное решение студентами проблем и проблемных

задач, имеющих в качестве своего обязательного компонента как проблемную ситуацию, так и работу над научным проектом.

Считаем, что при анализе познавательной активности и самостоятельности в формировании умений чтения во время научной работы студентов преподаватель может использовать следующие показатели:

1. Количество и качество источников информации. Необходимо формировать умения читать различные информационные источники – учебники, энциклопедии, словари, книги, газеты, журналы, Интернет. При предоставленных преподавателем возможностях студент - активный в своем выборе и руководствуется своими умениями и заинтересованностью работать с определенным видом источника информации. Здесь есть возможность расширить спектр умений работать с различными информационными базами, и связанные с этим технические умения. В процессе поиска определенного ответа или решения проблемы развиваются следующие умения чтения: выбирать самое важное, самое интересное среди большого количества фактов для размещения и обработки информации.

2. Способность студента менять вид чтения в зависимости от целей и задач исследования. Задачи, связанные с формированием этих умений во время научной работы, содержащие проблему, требуют творческого мышления и нестандартных решений в направлении совершенствования или просто внесении изменения в вид чтения.

3. Способность студента решать задачи, связанные с обеспечением результативной работы и направлены на развитие наблюдательности и логического мышления, что позволяет демонстрировать богатство идей и творческий характер решений.

4. Способность студента решать задачи на развитие творческого мышления и воображения, что свидетельствует об инновационном характере решений. Создание нового объекта требует от студента активной умственной деятельности, личного отношения и проявления воображения, характерных для познавательной активности и самостоятельности.

5. Уровень самостоятельности студента при выполнении задания. Этот показатель зависит от умения студента самостоятельно выполнять практическую задачу. Сюда входят его знания и умения планировать будущее задание или работать по инструкции.

6. Количество и четкость решений как результат чтения.

Выводы. Рекомендуется при анализе познавательной активности и самостоятельности в формировании умений профессионально-ориентированного чтения во время научной работы студентов преподавателю использовать такие показатели, как количество и качество использованных источников информации; способность студента менять вид чтения в зависимости от целей и задач научного исследования; наблюдательности и логического мышления студента; способность студента решать задачи на развитие творческого мышления и воображения; уровень самостоятельности студента при выполнении задания.

Список литературы

1. Белякова М. А. Международная проектная деятельность как способ раскрытия творческого потенциала личности ученика / М. А. Белякова // Иностранные языки в школе. – 2007. – №3.
2. Бигич О.Б., Волошинова М. М. Современный студент в контексте личностно-деятельностного подхода: по результатам методических исследований / Бигич О.Б., Волошинова М. М., Глазунов М. С., Мацнева Н. С., Ягенич Л. В. – Киев: КНЛУ, 2014. – 264 с.
3. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes (a learning-centred approach) / Hutchinson T., Waters A. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 183 p.

INDEPENDENT WORK OF STUDENTS AT READING SKILL FORMATION IN FOREIGN LANGUAGES DURING SCIENTIFIC RESEARCH

Kushnareva T. I.

The article provides recommendations for the analysis of cognitive activity and independence of students in the formation skills in professionally oriented reading during the research. To use indicators such as the number and quality of references, the student's ability to change the kind of reading, depending on the goals and objectives of research, observation and logical thinking of the student, the student's ability to solve problems in the development of creative thinking and imagination, the level of independence of students at performing the task are recommended.

Keywords: reading skills, professionally-oriented reading in foreign languages, independent work, research.

УДК 81'367:82.92

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАТЕКСТАХ

Малярчук-Прошина У. О.

*Таврическая академия Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: maljarchuk.uljana@rambler.ru*

По мнению многих исследователей, одной из основных особенностей языка средств массовой информации является наличие социальной оценочности. Связано это с прагматической функцией медиатекстов, призванных, в первую очередь, оказывать влияние на аудиторию. Язык публицистики отображает актуальные проблемы жизни современного общества, для чего используется широкий набор оценочных средств. Активность использования оценочных средств в языке СМИ обуславливается различными факторами, в том числе снятием цензуры, борьбой с заштампованностью языка, поиском носителями языка новых выразительных средств. Оценочность, характерная для текстов СМИ, обуславливает наличие особых языковых средств реализации оценки. Такие средства, обеспечивая прагматический эффект публицистического текста, проявляются на лексическом, фразеологическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях. Подробное рассмотрение специфики функционирования синтаксических единиц языка как средств выражения оценки в текстах масс-медиа является актуальным, поскольку способствует пониманию особенностей конструирования медиакартины действительности сквозь призму оценочности. Цель данной статьи – рассмотреть способы реализации оценки в медиатекстах посредством синтаксических средств.

Ключевые слова: оценочность, медиатекст, синтаксические средства, фигуры речи.

ВВЕДЕНИЕ

Для выражения оценки в текстах СМИ активно используются не только лексические средства, но и синтаксические – фигуры речи. Они представляют собой отступление от нейтрального изложения и используются для эмоционального воздействия. Стандартизованность в данном случае обеспечивается за счет воспроизводимости синтаксических фигур, в основе которых лежат схемы, наполняющиеся в речи новыми словами. Данные схемы закреплены многовековой культурной традицией и позволяют обеспечить «классичность формы» [1].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Нами были проанализированы публицистические газетные тексты общественно-политического еженедельника «Зеркало недели» и информационно-аналитической газеты «Первая Крымская». Проведенное исследование свидетельствует, что в текстах указанных изданий встречаются практически все фигуры речи.

Наш анализ показал, что распространенным приемом является использование **объективизации** – вопроса, на который автор отвечает сам. Данное языковое средство применяется для выделения отдельных сторон главного вопроса по мере развертывания текста. Чередование утвердительной и вопросительной интонации позволяет привлечь внимание читателя, привнести разнообразие в монолог автора,

создать иллюзию диалогичности текста [1]: «Как отразится она на качестве железнодорожных перевозок? Думается, поначалу пассажиры будут путаться в непривычных названиях, а потом привыкнут» [1К, № 399, 11-17 ноября 2011]; «Что же изменится в Крыму с приходом нового премьера? - В Крым президент, видимо, решил поставить фигуру, которая не будет связана ни с одной из конкурирующих бизнес-групп» [1К, № 399, 11-17 ноября 2011]; « - Почему? Да потому что в ЕС в таких случаях принято отталкиваться от показателя валового внутреннего продукта (ВВП) в пересчете на душу населения и так называемого индекса Джини – показателя уровня имущественного расслоения общества» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011]; « - Каким же крымская пресса рисует настоящего мужчину? Хотя бедолаге в отдельных публикациях и достаётся за любовь к алкоголю, лень, утрату здоровья и привлекательности, галантности, предприимчивости, способности быть каменной стеной, но общий портрет выглядит неплохо. Представитель сильного пола должен быть красив, любить родину, быть умным и любознательным, а главное – везде и во всем лидировать» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

Не менее распространенным является использование **риторического вопроса**. Данная фигура речи выделяется среди повествовательных предложений как интонационно, так и структурно, привнося в речь элемент неожиданности и благодаря этому усиливая выразительность. Риторический вопрос выражает либо экспрессивное утверждение, либо отрицание. Открытый вопрос подразумевает, что ответ даст сам читатель, а эмотивность вопроса вызывает такую же эмоциональную реакцию у аудитории [57]: «Можно ли существовать на прожиточный минимум – 985 гривен?» [1К, № 394, 7-13 октября 2011]; «Все чаще в средствах массовой информации публикуются социологические данные о популярности претендентов на высокую должность и прогнозы о вероятном победителе. Но насколько надежны эти данные? Можно ли им доверять? Или это только средство формирования общественного мнения, своеобразный способ пропаганды желанного кандидата? Эти вопросы носят как политический, так и научный характер» [ЗН, № 36, 07-14 октября 2011]; «Не совершает ли Россия стратегическую ошибку? Куда деваются деньги, которые государство не только получает от экспорта вооружений, но и ежегодно выделяет из собственного военного бюджета на покупку новой боевой техники для своей армии? Попытаемся ответить на эти непростые вопросы» [1К, № 395, 14-20 октября 2011]; «Почему, например, в то время как золотовалютные резервы Украины сокращаются, в казне находятся средства на строительство новой резиденции для Януковича? Или на ремонт Верховной Рады, который обойдется госбюджету в 11,15 млн. грн.? Или оплачивать сокращение дефицита бюджета должно только население, а власть имущих это не касается?!» [1К, № 396, 21-27 октября 2011]; «Кто отбирает у украинцев доступные коммунальные услуги?» [1К, № 396, 21-27 октября 2011]; «Стало ли после этого в Крыму чище? Вопрос риторический» [1К, № 397, 28 октября-03 ноября 2011]; «Но как, скажите, крымские педагоги могут это сделать, если в школах урн днем с огнем не сыщешь?» [1К, № 397, 28 октября-03 ноября 2011]; «Почему в таком скромном состоянии пребывает тчецкий жанр,

почему не видно пародистов, юмористов, представителей эстрадного театра, театра миниатюр — неужели сегодня они совсем не востребованы?» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

Речевыми средствами поддержания контакта с аудиторией выступают коммуникация, парантеза и риторическое восклицание [1]. **Коммуникация** – это мнимая передача трудной проблемы на рассмотрение адресата сообщения. Данная фигура позволяет увеличить убедительность рассуждений автора, поскольку подразумевает непосредственное участие в них читателя. Например: *«Вот и думайте, зачем тогда кабминовским чиновникам нужно было вводить в народ в заблуждение противоречащими друг другу заявлениями?»* [1К, № 396, 21-27 октября 2011]; *«Но как, позвольте спросить, будут заходить в крымские порты лайнеры и частные суда, если площадки для этого не приспособлены?!»* [1К, № 400, 18-24 ноября 2011].

Парантеза – это самостоятельное, интонационно и графически выделенное высказывание, которое включается в основной текст и имеет значение добавочного сообщения, пояснения или оценки: *Памятников ему нет, его именем, в отличие от Суворова, не названы проспекты или, пардон, мясокомбинаты, пароходы и жилые комплексы повышенной комфортности – есть и такое!* [ЗН, № 35, 30 сентября 2010].

Данная стилистическая фигура отличается внутренней противоречивостью, т. к., с одной стороны, разрушает барьер между автором и аудиторией, создает ощущение взаимного доверия и понимания, порождает иллюзию перехода от подготовленной речи к неподготовленной, с другой стороны, вносит элемент нарочитости.

Для косвенного выражения негативной оценки нередко используются **риторические восклицания**. Высказывания, которое включает данную фигуру речи, содержит информацию, указывающую, что прямой его смысл высказывания не является основным. В ряде случаев очевидность того, что прямое значение восклицания абсурдно, также позволяет истолковать его как средство выражения отрицательной оценочности. На основании этого читатель делает вывод о целях использования соответствующей конструкции. Использование риторических восклицаний свидетельствует о желании автора продемонстрировать, что описываемая ситуация ему небезразлична, обратить на нее особое внимание, сделать определенный акцент. Знак же отношения к указанной ситуации выясняется уже на этапе интерпретации текста. Ориентируясь на более широкий контекст или опираясь на пресуппозицию, читатель должен понять причину акцентирования и определить знак приписываемой оценки [3].

Классическое определение риторического восклицания указывает на присущее данной фигуре показное выражение эмоций. В письменном тексте данная псевдоэмоциональность может быть оформлена графически (восклицательным знаком) и структурно, восклицательный знак в данном случае используется для привлечения внимания читателей и как призыв разделить негодование, изумление, восхищение автора.

Следует отметить, что высказывания в текстах СМИ, содержащие отрицательную оценку объекта действительности, не всегда подразумевают наличие в тексте компонентов, которые эксплицитно выражают оценочное значение. Импликация отрицательной семантики, по мнению исследователей, является весьма распространенным фактом языка. Ученые обращают внимание на то, что нередко контексты, содержащие в скрытом виде негативную оценку, реализуются в языке посредством особых способов построения текста или использования особых языковых единиц, служащих знаком того, что данный контекст адресату следует интерпретировать как содержащий негативно-оценочный смысл [1].

Значительное место в языке газеты занимают разных типов **повторы**. Повторение тех или иных сегментов способствует их фиксации в памяти читателя и формированию определенного отношения к рассматриваемому явлению действительности. Повторы в медиатекстах создаются за счет средств различных языковых уровней: на лексическом – используется буквальная повтор слов, на синтаксическом – повтор может затрагивать структуру предложения. Повтор является важным стилиобразующим компонентом печатного публицистического текста. Он выходит за рамки стилистических фигур и затрагивает макроструктуру текста: например, повтор информации в заголовке, лиде и в тексте журналистского материала. Говоря о повторах, необходимо упомянуть и повторные обращения к определенной теме в условиях газетной кампании. Значительное место, которое занимают повторы в текстах СМИ, можно объяснить не только способностью данного приема оказывать эмоциональное воздействие на аудиторию, но и возможностью изменений в системе «мнение – ценность – норма».

В проанализированных нами текстах СМИ активно используется **апликация** – вкрапление общеизвестных выражений (поговорок, фразеологических оборотов, штампов, сложных терминов), как правило, в несколько измененном виде: «Из «Дубинушки» слова не выкинешь» [1К, № 326, 07-13 ноября 2010]. Апликация совмещает в себе два вида речевого поведения – механическое воспроизводство готовых речевых штампов и творческий языковой эксперимент. Использование апликации позволяет решить целый ряд задач: создать иллюзию живого общения, продемонстрировать авторское остроумие, оживить «стершийся» в силу многократного употребления языкового штампа образ, украсить текст: «*Это уже не молчание ягнят, и спикеру Владимиру Константинову все сложнее сдерживать своих коллег, у которых неожиданно спала с глаз пелена, и они вдруг прозрели*» [1К, № 392, 23-29 сентября 2011]; «*Школы не заинтересованы в том, чтобы выносить сор из избы, подключая к решению конфликтов специалистов из других структур*» [1К, № 398, 04-10 ноября 2011]; «*Бандита, обобрававшего коммерсанта до нитки, выпустили на свободу*» [1К, № 401, 25 ноября-01 декабря 2011]; «*Крымчане, может быть, оттого такие счастливые, что ни сном ни духом не ведают, что они уже год как живут по стратегии экономического и социального развития Крыма на 2011 – 2020 годы*» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011]; «*В первом, и во втором случае убийцы хотели уйти от наказания, спрятав концы в воду, однако оба преступления крымские правоохранители раскрыли в считанные дни*» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

Среди синтаксических средств выражения оценки в медиатекстах, основывающихся на структурно-графическом выделении, следует отметить **сегментацию, парцелляцию и эпифраз**. Использование таких фигур позволяет обратить внимание читателя на конкретный компонент высказывания, который мог бы остаться незамеченным в тексте [1].

Сегментация – это вынесение важного для автора компонента высказывания в начало фразы и превращение его в самостоятельное назывное предложение, а затем дублирование его местоимением в оставшейся части фразы: «*Опасный газ: НКРЭ проверит одного из крымских поставщиков топлива*» [1К, № 369, 08-14 апреля 2011]; «*Итальянские автодизайнеры: интуиция или искусство?*» [1К, № 392, 23-29 сентября 2011]; «*Хвостатая перепись: кто должен регистрировать животных*» [1К, № 397, 28 октября-03 ноября 2011]; «*Двойной тулуп: крымская премьерада вышла на второй круг*» [1К, № 398, 04-10 ноября 2011]; «*М*» и «*Ж*»: в крымской прессе заметили гендерный перекос» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

Парцелляция – отделение точкой одного или нескольких последних слов высказывания в письменном тексте для привлечения к ним внимания и придания им особого звучания: «*К примеру, наши интерпретации прошлого меняются, как погода. Политическая*» [1К, № 392, 23-29 сентября 2011]; «*НБУ будет знать тех, у кого есть деньги. Поименно*» [1К, № 392, 23-29 сентября 2011]; «*Процесс пошел. Вспять?*» [ЗН, № 35, 30 сентября-7 октября 2011]; «*Литвин напишет книгу. Сам*» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

Эпифраз – это добавочное, уточняющее предложение или словосочетание, которое присоединяется к уже законченному предложению: «*Кто мог бы подумать, что нашенские политики, да еще коммунисты, станут ратовать за нэньку самостийну?*» [1К, № 326, 07-13 ноября 2010].

Из трех указанных фигур только эпифраз дает приращение информации, остальные используются исключительно для расстановки логических акцентов.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод об особом значении **сравнений** для выразительности высказывания. В текстах печатных СМИ данный троп обычно оформляется как структурно и графически выделенный сравнительный оборот (предложение) или вводится с помощью лексем «наподобие», «похож», «напоминает»: «*Хоровое пение для сегодняшнего массового зрителя, не слишком привыкшего к восприятию серьезной музыки, как красная тряпка для быка*» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011]; «*Воспитывать их помогли родители Александра и Нины, но сын и дочь все равно росли без особого присмотра, как трава в поле*» [1К, № 402, 02-08 декабря 2011].

ВЫВОДЫ

Одной из основных особенностей языка средств массовой информации является наличие оценочности. Для выражения оценки в текстах СМИ активно используются синтаксические средства – фигуры речи. Проведенный нами анализ показал, что в медиатекстах используются практически все фигуры речи. Распространенными приемами являются объективизация, риторический вопрос, коммуникация, парантеза и риторическое восклицание. Данные фигуры позволяют

привлечь внимание читателя, создать иллюзию диалогичности текста. Оценочность в данном случае может выражаться не только эксплицитно, но и имплицитно. Значительное место в языке газеты занимают разных типов повторы, которые способствуют формированию определенного отношения к рассматриваемому явлению. В проанализированных нами текстах СМИ активно используется аппликация, сегментация, парцелляция и эпифраз. Нередко оценочный компонент содержится в сравнении.

Список литературы

1. Граудина Л. К. Культура русской речи [Электронный ресурс] : [учеб. для вузов] / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев.
Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/35.php
2. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля [Электронный ресурс] / Н. И. Клушина. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#з_03
3. Полякова Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Полякова. – Саратов, 2001. – 201 с.

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSION EVALUATION IN MEDIA TEXTS

Maliarchuk-Proshina U. O.

According to many researchers, one of the main features of the language of the media is the presence of social value. This is due to the pragmatic function of media texts designed primarily to influence an audience. Language journalism displays actual problems of modern society, which is used for a wide range of assessment tools. Active use of assessment tools in the language of the media is determined by various factors, including the removal of censorship, poverty language, search for native speakers of new expressive means. Estimated typical for texts media determines the presence of specific linguistic means implementing evaluation. Such funds, providing a pragmatic effect of journalistic text appear on the lexical, phraseological, syntactic and word-formative levels. A detailed discussion of the specifics of the operation of syntactic units of language as a means of expression evaluation in the texts of the media is relevant, since it contributes to the understanding of the features of designing mediakartiny reality through the prism of estimates. The purpose of this article - to consider ways to implement the evaluation of media texts by the syntactic means.

Key words: assessment, mass media text, syntax means, figure of speech.

УДК 821

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОК ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, НЕМЕЦКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СКАЗОК)

Норец Т. М., Дидковский И. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: igor.didkovsky2016@yandex.ru
E-mail: tnorets@rambler.ru*

Данная статья посвящена изучению национальных особенностей сказок стран западной Европы на материале английского, немецкого и французского народного фольклора. Были рассмотрены типы сказок и их специфические особенности, дан краткий экскурс по истории сказок западноевропейских стран, приводится сравнение народного английского и немецкого фольклора с русским. Выявление национальных особенностей сказок чрезвычайно актуально, ввиду интеграционных процессов в странах Европы. Эти знания имеют огромное значение в развитии языковой и лингвострановедческой компетенции.

Ключевые слова: сказка, эпос, фольклор, национальные особенности, менталитет.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый народ по-своему неповторим, но в то же время является частью одного большого мира. По этой причине все народы обладая определенными особенностями, имеют ряд общих черт, особенно те народы, которые граничат друг с другом. Их культуры невольно переплетаются и таким образом дополняют и обогащают друг друга. Одним из уникальных явлений культуры и основных жанров устного народнопоэтического творчества является сказка. Цель статьи состоит в выявлении национальных особенностей сказок, отражающих культуру и духовный опыт стран.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

- 1) проанализировать историю развития сказок стран западной Европы;
- 2) выявить национально-культурные особенности в сказке;
- 3) рассмотреть проблему изучения сказки в лингвистике;

В современной науке нет единого определения понятия «сказка», не говоря уже о единой или хотя бы сходной терминологии и классификации материала в исследованиях или учебных пособиях.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Словом «сказка» мы называем и нравоучительные рассказы о животных, и полных чудес волшебные сказки, и замысловатые авантурные повести, и сатирические анекдоты. Каждый из этих видов устной народной прозы имеет свои отличительные особенности: свое содержание, свою тематику, свою систему образов, свой язык [8, с 3]. Но у них есть общее описание: это художественное

произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел [7].

У каждого народа есть свои неповторимые сказки. Их слушают, рассказывают, читают во всех уголках земного шара. Они выражают мечты о будущем, отношении к действительности, эстетические идеалы, мировоззрение народов во всем мире [8, с 3].

В средние века сказка была любимым жанром литературы в Старом Свете. В основном это были дидактические сказки, отображающие национальный менталитет. Как было отмечено ранее, сказки долгое время существовали только в устной форме и передавались из поколения в поколение. Впервые в Европе сказки появились именно в Англии – «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера [1, с 2949].

В Великобритании народные сказки были собраны и записаны значительно позже, чем скажем в России или в Германии. Первые сборники английских народных сказок были показаны миру в конце 19 века. Впервые собрал и опубликовал два тома английских народных сказок Джозеф Джекобс, президент английского фольклорного клуба. Собирать сказки ему было совсем не просто, так как многие сказки оказались забытыми. В отличие от А. Н. Афанасьева, Шарля Перро или братьев Гримм Джекобс не подверг сказки литературной обработке, а ставил своей целью дать образцы сказочного народного творчества в той форме, в какой их создал народ [6, с 3]. Английские народные сказки можно классифицировать на следующие типы: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказки. В данных типах народных сказок Англии нет ярко выраженных мотивов. Если сравнивать героя русского народного эпоса с английским героем, то можно заметить некоторое послабление в желании героев следующего:

- самому стать умнее, что нередко было основной целью русского сказочного персонажа;
- достичь небывалых высот и успехов;
- победить противника или возвыситься над ним;
- завладеть богатством.

Волшебные сказки Британии отличаются большим разнообразием вымышленных персонажей: нечистая сила (ведьмы, духи), великаны-людоеды. Среди положительных героев особо выделяется крестьянский сын Джек («Adventures of Jack the Diant-Killer»), подобно Ивану в русских народных сказках. Он всегда трудолюбив, честен, благороден, смел и благодаря своим поступкам становится настоящим народным героем. Хотя следует отметить, что в начале он думает только о награде, но потом становится истинным образцом за освобождение своего народа. Герои других сказок не всегда добродетельны, они способны на плутовство и обман, хотя отличаются предприимчивостью («Molly Whuppie»). Эта деловая «жилка» отражает те черты характера человека, которые ценились в британском обществе, где начал развиваться капитализм [6, с 4].

Добрый и светлый конец в английских бытовых и волшебных сказках встречается далеко не всегда, а даже наоборот. Концовки более резкие и даже

иногда жестокие. Но очень часто развязка – это нечто само собой разумеющееся, гармоничное завершение, в котором отсутствует резкий подъем или накал сюжета. Интеллектуализм – далеко не самый верный спутник английских сказок. Непрактичность и глупость может гармонично сосуществовать с порядочностью, нравственностью и доброжелательностью внутри одного английского сказочного персонажа, а зачастую главного героя, что является совершенно неприемлемо для русской народной сказки. Английские сказки о животных – особый тип сказок, который восходит к глубокой древности. Такие сказки учат следующему:

сопереживать слабым героям;

помогать ближним.

Важную роль играет юмор, свойственный английскому народу. Многие из сказок можно назвать юмористическими [6, с 4]. Что касается лингвистической составляющей, то в английских сказках практически отсутствуют традиционные зачины и концовки [9].

Английские сказки полны народной мудрости: песни, пословицы, заклинания, поговорки, что позволяет как нельзя лучше прочувствовать атмосферу сказочной Англии и при этом лучше понять свою национальную культуру [9].

При изучении немецких народных сказок, независимо от того, волшебная она или бытовая, существуют определенные тенденции и закономерности: самыми распространенными сюжетами являются судьбы униженных и обездоленных («Cinderella»), где зло всегда наказуемо; взаимоотношения людей описываются через абсурдные, с точки зрения обычного немца, конфликтные социально-бытовые сцены [4].

Читая немецкий фольклор видно, что во многих сказках при помощи выдумки, остроумной шутки на всеобщий суд выставляются такие общечеловеческие пороки нации как: глупость, жадность, трусливость, лицемерие, плутовство. Например, в сказках о животных: «Заяц и ежик», «Кот и мышка». часто показано то, что народ осуждал в себе и в обществе [3].

Черты немецких персонажей выразительно отличаются от характеристик русских героев животного мира. Так, в немецких сказках заяц – надменный и гордый, а еж – умен, азартен и изворотлив, кот – хитрый и изворотливый, мышшь – до абсурда доверчива и добра. В сказке «Katze und Maus in Gesellschaft» кот тайно съедает горшочек с маслом, хитро обводя мышку вокруг пальца [3].

Герои волшебных сказок: ремесленники, крестьяне, солдаты– вступают в борьбу с фантастическими драконами, ведьмами, великанами-людоедами, но всегда оказываются умнее и храбрее. Все это волшебство еще раз подчеркивает, что сказка не претендует на достоверность своего повествования. Подчеркивая это, иногда немцы заканчивают некоторые сказки словами: «Кто поверил, заплатит талер» [8, с 4].

Самым многочисленным видом сказок являются социально-бытовые сказки. Они в большей степени иллюстрируют обыденную жизнь народа. В них отсутствуют элементы мифов, а вымысел и преувеличения, которые с легкостью можно распознать, помогают понять образ и характер эпического персонажа. Тут необходимо обратить внимание на то, насколько сильно находит выражение

сатирическое начало, которое и выражает симпатию нации. Так как немцы берут за основу рациональность, трудолюбие, упорность, что являются фундаментом для формирования характера каждого представителя того или иного народа [3].

Общеизвестно, что французская фольклорная сказка отличается рядом специфических национальных особенностей [9]. Во французском фольклоре, с одной стороны, обнаруживается тенденция к артистичности, к некой игре иллюзий, с другой стороны - фантастическое подчинено реально-бытовому и идеализирует иллюстрируемую обыденность [5].

К отличительным характерным чертам литературной сказки, если её сравнивать с народной, правильно было бы отнести большую раскованность и свободу в истолковании традиционных сказочных сюжетов.

Антуан де Сент-Экзюпери создает, в трагические годы войны, поучительную и грустную сказку "Le petit Prince".

Марсель Эме, выдающийся французский писатель, драматург и автор комедий, создавший множество романов, новелл, пьес, многие из которых были фантастическими, где феи и другие сказочные существа - обычное явление.

ВЫВОДЫ

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что сказки являются великолепной иллюстрацией мировосприятия тех или иных этнических общностей, по большей части оказывавшие воздействие на формирование характеристик данного народа: немцы становятся работающими и пунктуальными, проявляя заботу о своих родных и близких, а также избегая ситуаций разоблачения своих пороков; англичане, в большей степени, беспокоятся о своей жизни и личном благоденствии, выступая нацией прагматичной и через меру чопорной в своем стремлении к некоторой репрезентативности подвигов народа; французы озабочены современными проблемами охраны гуманности и окружающей природы. Вместе с тем, все сказки разных наций имеют одну общую черту: передача исторического предания и нравоучительного духовного опыта народа. Это связано с тем, что судьбы Англии, Франции и Германии были тесно связаны.

Список литературы

1. [Le Grande Enciclopedie Larousse Vol/ 6 p. 2949]
2. Brüder Grimm "Die zwölf Brüder" / Brüder Grimm. – [Berlin], 1998. – s. 5.
3. Cambridge dictionaries online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 11.08.2015)
4. Leupin H. Märchen der Brüder Grimm. Nachwort von Sieglende Geisel / H. Leupin. – Zürich: Verlag Nordsüd, 2015. – 160 s.
5. Веденина Л. Г. Канада-Франция-Россия : К сопоставлению национальных менталитетов (на примере народных сказок) // Канадский ежегодник. – М., 2004. – Вып. 8. – С. 22-72.
6. Волшебные сказки Британии [= English Fairy Tales] / сост., адаптация текста, коммент. В. А. Верхогляд. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 192 с.: ил.
7. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1988. – С.383
8. Помаранцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Помаранцева. – М.: Изд. акад. наук СССР, 1963. – 127 с.
9. Соболева Е. К. Национальные особенности английской сказки / Е. К. Соболева, О. В. Коренькова. –

- [Волгоград]: Волгоградский гос. техн. ун. – [2014]. – [С. 3-4]
10. Французские народные сказки [Текст] / [послесл. Е. А. Лопыревой]. – М.: КАМЕЯ, 1992. – 366, (Лопарева, 3-27), [2] с.: ил.
11. Язык фольклора // Юдинские чтения: 2003 : Миф, фольклор, литература. – Курск, 2003. – С. 3-55.

**NATIONAL PECULIARITIES OF THE FAIRY TALES OF WESTERN EUROPE
(BASED ON THE MATERIALS OF THE ENGLISH, FRENCH, AND GERMAN
FAIRY TALES)**

Norets T. M., Didkovskiy I. A.

This study investigates the linguistic means reflecting the national peculiarities of the fairy tales of the countries of Western Europe. Respectively, the linguistic resources (fairy tales), representing these peculiarities were analyzed. Identifying national characteristics of fairy tales are extremely important, in view of the integration processes in Europe. This knowledge is of great importance in the development of language and linguistic competence.

Every nation is unique, but at the same time is a part of one big world. For this reason, all nations have certain peculiarities, and a number of common features, especially those nations that border each other. They involuntarily intertwine and thus complement and enrich their culture. A fairy tale is one of the unique cultural phenomena, and one of the major genres of oral art.

It is often difficult to distinguish between tales of literary and oral origin, because folktales have received literary treatment from early times, and, conversely, literary tales have found their way back into the oral tradition.

Folklorists have classified fairy tales in various ways. The Aarne-Thompson classification system and the morphological analysis of Vladimir Propp are among the most notable. Other folklorists have interpreted the tales' significance, but no school has been definitively established for the meaning of the tales.

Fairy tales are a perfect illustration of the worldview of different ethnic communities: the Germans become hard-working and punctual, taking care of their loved ones, as well as avoiding situations of exposing their social defects; the British, more concerned about their lives and personal well-being; the French are concerned about the current problems of the protection of humanity and the environment. However, all the tales of different nations have one thing in common: transmission of historical traditions and edifying spiritual experience of the people. This is due to the fact that the fate of England, France and Germany were closely linked.

Key words: fairy tales, national epos, folklore, national peculiarities, mentality.

УДК 81'22:070.4

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА КРЫМСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Регушевская И. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: REE0505891025@gmail.com*

Статья посвящена изучению языка специалистов-журналистов, которые демонстрируют языковую, стилистическую и коммуникативную компетентность в крымских печатных СМИ. Уделено внимание анализу медиатекстов региональных СМИ, который дал возможность выделить наиболее часто употребляемые языковые единицы, так называемые маркеры эпохи.

Определено, что для создания оценочных номинаций используется прием «скорнения», построенный на контаминации разных слов; используются суффиксы субъективной оценки. Также, для современных крымских медиатекстов характерно использование трансформированных цитат, иначе говоря – интертекстуальность. В последние десятилетия через тексты массмедиа получают широкое распространение заимствования, авторские окказионализмы. Широко используется стилистически сниженная лексика, жаргонизмы и просторечия. Наряду с вышеперечисленным, на страницах крымских медиатекстов встречается «суржик», как явление близкородственного двуязычия.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиатексты, язык печатных СМИ, языковая личность.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX-XXI вв. в русском литературном языке под воздействием языка средств массовой информации произошли глубокие изменения, обусловленные как внутренними причинами развития языка, так и экстралингвистическими факторами. Доскональное изучение тенденций в функционировании и развитии языка медиатекстов напрямую связано с задачами уточнения традиционных и определения новых параметров языковой коммуникации в целом. С выявлением новых тенденций в развитии и функционировании языковых единиц в медиатекстах, регламентированных нормой современного русского литературного языка, мы связываем цели затронутых исследованием вопросов. Основой в предложенном нами исследовании являются работы отечественных лингвистов по проблемам языковой нормы, а также особенностям современного состояния русского языка и языка публицистики: Г. Ю. Богданович, Ю. Н. Караулов, Н. И. Клушина, Л. П. Крысин, Н. А. Николина, Г. Я. Солганик и др.

Отношение к языку как к феномену культуры, описание его с этих позиций требует, по мнению Г. Ю. Богданович, внимания к признакам национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности и коммуникативной практики носителя определенной культуры.

Специфика языковой личности, формирующейся в условиях полилингвокультурной ситуации, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов [2].

«Язык СМИ сегодня, - пишет Ю. Н. Караулов, - обрел господствующее положение среди всех функциональных разновидностей, вобрав в себя, поглотив, ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей. Иными словами, язык СМИ сегодня представляет собой, хотим мы этого или не хотим, обобщенную модель, совокупный образ национального языка, коллективным пользователем которого являются все россияне» [4, с. 12].

Язык печатных СМИ отражает язык специалистов-журналистов, которые демонстрируют языковую, стилистическую и коммуникативную компетентность. Язык СМИ – это средства языка и способы, приемы их использования в публицистическом стиле письменной и устной форм [1].

Язык современных крымских медиатекстов репрезентирует профессионализм авторов или особенности текстов СМИ разных жанров, обусловленные коммуникативно-прагматическими установками адресанта, и характеризуется немалой частотностью в употреблении тех или иных категорий в публицистических текстах.

Так, часто для создания оценочных номинаций используется прием «скорнения» (термин Н. А. Николиной), построенный на контаминации разных слов. В результате этого приема стирается прежняя внутренняя форма слов-доноров и создается новая прозрачная внутренняя форма, ярко выражающая определенную оценку. ... Созданные специально в определенных целях эти слова уже сами не только окрашивают тексты, но и вносят в них соответствующие сведения о форме речи, коммуникативном задании, взаимоотношениях между общающимися, о самом говорящем, о его отношении к предмету речи. Как отмечают исследователи, такие слова служат средством выражения экспрессивной оценки, чаще всего иронической, и участвуют в языковой игре [8]. Но, как отмечает Н. И. Клушина, подобная языковая игра довольно опасна, потому что связана с прямым воздействием на сознание адресата: подобные образы мгновенно усваиваются и тиражируются в массовом сознании [5]. Продемонстрируем такие примеры «скорненных» слов из крымских СМИ:

1. Оценить достижения приграничных *«блокадронщиков»* можно по высказываниям представителей крымскотатарской общественности – не только российской, но и зарубежной. («Крымская правда», 31 октября). В приведенном примере употребляется ментальное отношение автора и читателей к явлениям часто возникающим в кризисные периоды и связанные с обманом – «лохотрон». В свою очередь, это слово произошло посредством «скорнения» слов «лох» (наивная, обманутая личность) и «лототрон» + -щик-. В данном случае объединены слова «блокада» и «лохотронщики».
2. Однако «отец *рейганомии*» Пол Крейг Робертс (бывший помощник по экономической политике министра финансов США в администрации

Рональда Рейгана, республиканец) тоже давно и системно подвергает разгромной критике политику Буша-младшего и Обамы («Крымская правда», 27 октября). Слово «рейганомика» является производным от имени собственного Рональда Рейгана и той политики, которую известный руководитель проводил в экономике. Со временем такой подход в экономическом развитии и реформах получил соответствующее название.

3. «... Все западне СМИ замолчали этот факт, а все укроСМИ подали в очередной раз это так, как будто «боевики» сами себя взорвали», - написал Азаров на своей странице в соцсети. («Крымская правда», 1 октября). Данное слово происходит от сочетания «украинские средства массовой информации».

Как известно, в публицистических текстах современных СМИ наблюдается тенденция не только объективного отображения событий и фактов и их ценностных характеристик, но и передачи читателю собственной субъективной оценки происходящего. При этом используются средства, которые подчеркивают субъективность такой оценки. Исследователи отмечают, что субъективность, представляя собой одно из наиболее значимых свойств языка, определяет прагматические функции создаваемого публицистического текста [6]. Применение суффиксов субъективной оценки позволяет автору нейтральные с точки зрения оценки слова перевести в разряд оценочных. Такие единицы языка транслируют новые смыслы, которые свидетельствуют о прагматическом намерении создателя текста. Словообразовательный акт при этом выступает инструментом познания, а производное слово – репрезентатором восприятия новой информации и отношения к ней.

1. К выходу на пенсию у Соколова уже был построен собственными руками добротный кирпичный дом в родной деревне Непотягово, поставлена хорошая банька, заведен огород с теплицей («АиФ. Крым № 42, 14 октября)
2. Выделяли лакомые кусочки земли своим аффилированным компаниям, при этом проводили общественные слушания, о которых в нашей палате не знал и не слышал («АиФ. Крым» № 44 28 октября 2015)
3. На въезде в деревню на бугорочке хочу фонтан поставить – будет визитной карточкой Непотягово («АиФ. Крым № 42, 14 октября)
4. Старушки в речку падали (подзаголовок) («АиФ. Крым № 42, 14 октября)
5. Такая логистика, естественно влетает в копеечку («Крымские известия», 07 ноября)
6. Ее начали строить недалеко от онкодиспансера и детской инфекционки («Наша газета», 19 ноября).
7. Покупали понемногу – колбаски, сырку, творога, куриные лапки, сладости к чаю. («АиФ. Крым» № 44, 28 октября)

После первой пилотной серии, которую представят продюсерам, станет ясно, будет ли это полноценный сериал или короткометражка («Наша газета», 19 ноября).

Для современных крымских медиатекстов (как и для других современных медиатекстов) характерно использование трансформированных цитат, как одного из проявлений интертекстуальности. «Подобный феномен в лингвистике имеет целый ряд соотносительных друг с другом терминов: «интертекстуальность» (Ю. Кристева), «текст в тексте» (Ю.М. Лотман), «цитация» (Е.А. Земская), «межтекстовые связи» (А.И. Горшков)» [11].

Трансформированные цитаты используются как способ создания более экспрессивных средств из стандартных речевых формул. Такие единицы делают текст диалогичным, кроме того, выражают оценку – эксплицитно или имплицитно. Чтобы вызвать у адресата доверительное отношение, иногда достаточно только опоры на структуру пословицы или крылатого выражения, так как формальное сходство вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного текста. В этом случае прецедентный текст повышает выразительность медиатекста, наполняет его новыми смыслами. Добавим, что при этом могут использоваться прецедентные формулы разных культур, понятные представителям разных национальностей, – и это тоже реалии современной стилистической нормы поликультурного Крыма. Приведем примеры.

- Пришел, увидел, расстрелял (заголовок) («АиФ.Крым» №40 от 30 сентября 2015). (Сравнить с высказыванием Цезаря «**Veni, vidi, vici**», что в переводе с греческого означает «**Пришел, увидел, победил**»).

- По осени большие спортивные люди решили посчитать, что выросло к Олимпиаде-2016, вспомнили про план «попадания в тройку сильнейших на Играх в Рио» и выразили определённое олимпийское беспокойство. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015). (Для сравнения, фраза «олимпийское спокойствие» означает абсолютное хладнокровие, невозмутимость и полная изоляция от эмоциональных порывов).

- Как говорится, где тонко - там и рвётся, а где толсто - продаётся. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015). (В данном случае пословица «Где тонко – там и рвется» получила продолжение).

Журналисты активно используют в своих материалах фразеологизмы и идиомы, которые делают текст более выразительным и экспрессивным.

12. Вот уже многие годы Россия, засучив рукава, берётся за проведение международных соревнований разного калибра и бюджета. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

13. Госбюджет трещит по швам. И тот же гандбол, как говорит министр спорта, на этом бюджете лежит мёртвым грузом. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

14. Каков строитель, такова и обитель (заголовок) («Крымские известия» от 07 ноября)

15. Бог отвел – обошлось без ранений. («АиФ.Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

16. О подобных ситуациях в народе говорят: прокукарекал, а там хоть не рассветаи. («Крымская правда» от 28 октября 2015)

17. Один в поле не воин (заголовок). («Крымская правда» от 17 октября 2015)

18. Источник зарос, засорился, мостки развалились – ни пройти ни проехать

(«АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)

19. Мы многому у него научились тогда - как работать с публикой, как держаться удар судьбы. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

20. Но насколько созрела необходимость вхождения Южной Осетии в состав РФ – здесь стоит все не раз взвесить, и я бы посоветовал не рубить с плеча. («АиФ. Крым» № 44 от 28 октября 2015)

21. А на войне как на войне – с молебном и плакатами «Миру – мир!» навстречу танкам не выходят. («АиФ. Крым» № 44 от 28 октября 2015)

Лексическая система русского языка отличается динамичностью, подвижностью, активностью языковых процессов, связанных с пополнением единиц из других языков. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» заимствование трактуется как «естественное следствие установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова...» [10, с. 131]. Пополнение лексического запаса языка и появление в нем новых единиц осуществляется дословным калькированием, свободным калькированием или переносом значения заимствованного слова в семантическое поле слова родного языка. В последние десятилетия заимствования получают широкое распространение именно через тексты массмедиа. «Пресса, радио и телевидение распространяют новые термины настойчиво и безостановочно, доказывая, что язык массовой коммуникации развивается с опережением и сильно воздействует на все стили речи. Получая опору в меняющейся жизни, особенно в ставшей влиятельной торговельно-деловой среде, обозначая явления, затрагивающие быт всего населения, иноязычные слова быстро перестают нуждаться в толкованиях» [2, с. 158]. Используемые в проанализированных нами медиатекстах заимствования выполняют не только информационную функцию, обозначая новые предметы и реалии, но и выразительную, когда автор выбирает заимствованное слово с более краткой формой и экспрессивностью, например:

- А. Александров, сенатор: «Мы (телевидение. — Ред.) скоро дойдём до онлайн-трансляции происходящего в общественном туалете». («АиФ.Крым» №41 от 7 октября 2015). (От английского «онлайн» - «открытая линия», т.е. трансляция происходящего в настоящее время, «живой эфир»).

- Ангела Меркель - женское сердце непредсказуемо - пришлёт эсэмэску: «Вова, забудем всё. Я твоя!». («АиФ.Крым» № 41 от 7 октября 2015). (От английского «эсэмэс» - «электронное сообщение»).

- Женщин, которые рожают детей, поклонники чайлд фри презрительно называют «овуляшками». («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015). (В переводе с английского «чайлд» - «ребёнок», а «фри» - «свободный»).

- В Россию эта тенденция воспитания девочек как мальчиков проникла не без помощи моды унисекс. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015). («Унисекс» - универсальный в данной сфере).

- Да и 1200 велопарковок и 18 площадок для воркаута также появились по просьбе москвичей. («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015). (Английское слово «воркаут» означает занятие уличным фитнесом).

Вообще, новообразования в текстах СМИ рассматриваются исследователями как показатели речевой свободы и языкового творчества личности. Такие лексические единицы выражают экспрессивные и эмоционально-оценочные значения [9]. Неологизмы и окказионализмы, являясь новыми и часто неожиданными для читателя словами, деавтоматизируют процесс восприятия, побуждая адресата внимательнее читать текст. Новообразованиям присуща особая экспрессивность, благодаря чему они способны точно и ярко выражать авторскую оценку. При этом влияние таких элементов на информативность текста может носить как позитивный, так и негативный характер.

В отличие от неологизмов, окказионализмы не входят в основной словарный фонд языка, «Толковый словарь иноязычных слов» трактует окказионализмы как «разновидность *неологизмов*: слово, образованное применительно к данному случаю, к данному контексту» [7, с. 483]. Таким образом, они представляют собой индивидуально-авторские неологизмы, которые создаются по существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и используются как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Однако Е. А. Земская отмечает, что связь с конкретным автором, т.е. индивидуальный характер такого образования, не является принципиальной особенностью окказионализмов. Гораздо более существенным исследовательница считает тот факт, что при образовании подобной лексической единицы нарушаются действующие в языке законы словопроизводства, выделяя еще одну особенность окказионализмов – в отличие от просто неологизмов, они «сохраняют свою новизну независимо от реального времени их создания» [3, с. 228].

Г. Ю. Богданович отмечает, что в крымской прессе постепенно входят в обиход подобные авторские образования, которые «напрямую связаны с экстралингвистической сферой, а иногда просто свидетельствуют о социальной незрелости авторов» [2, с. 186]. Мы согласны с мнением, что «для людей творческих (поэты, писатели, журналисты) окказионализмы всегда будут авторскими, а потому СМИ следует нести ответственность за слова, произведенные окказионально» [2, с. 186].

Приведем примеры из крымских СМИ.

- «Кривономика». Эксперты о кризисе и предстоящих реформах. («АиФ. Крым» № 41 от 7 октября 2015)
- Продуктовый недонабор (заголовк) («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)
- Нефтекризис – как долго продлятся мучения России? (заголовок) («АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)
- Да и прибалтийским этнодемократам русский вопрос решать рано или поздно придется. («АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)
- Впрочем, за последний год темпы «пессимизации» стали нарастать («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)
- Но оказалось, что смысл в том, чтобы «хабнуть» значительную часть того, что производят мелкотоварные хозяйства в Херсонской и Николаевской области. («АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)

«В поисках экспрессии, способов выражения оценка газета обращается к сниженным и нелитературным лексическим единицам, обладающим значительными стилистическими ресурсами и оживляющим газетную речь...

Неумеренное употребление жаргонизмов, как и других нелитературных элементов, расшатывает литературную норму, противоречит литературному стандарту, резко снижает качество речи, оказывает дурное влияние на языковые вкусы читателей» [11].

Жаргонизмы и просторечие также оказывают в целом позитивное влияние на литературный язык. Они вносят в него экспрессию, оценочность, раскрепощают официальную речь, избавляя ее от излишней пафосности, торжественности, книжности. Далеко не случайно, что многие жаргонизмы вошли в литературный язык (например, *тусовка, беспредел, отморозки*), а другие находятся на пути вхождения в него (*наезд, крыша, крышевание, стрелка, кинуть*). Во всяком случае этот источник обогащения литературного языка остается открытым. Разумеется, и здесь есть опасность перенасыщения, поэтому очень важен языковой вкус пишущего (говорящего), оценка конкретных текстов. В процессе развития литературного языка происходит отбор наиболее актуальных, удовлетворяющих общественным потребностям лексических единиц [11].

- Екатерина с дочерью давно поселилась в Лондоне и до банальных разборок по поводу увлечений супруга не опускалась, но и развода Доронину не давала («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015).

- Одновременно с нахлынувшими сюда отморозками-преступниками (от которых, посадив их на корабли и наобещав роскошных перспектив, избавился респектабельный Старый Свет) сюда из Европы были завезены собаки и кролики («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

- Иначе ушастые переселенцы давно бы слопали всю растительность материка... («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

- Молодёжная сборная России оплошала на предолимпийском смотре («АиФ. Крым» № 43 от 21 октября 2015)

- Я не представляю себе, как 20-летний мужчина будет канючить, чтобы ему купили, например, вина («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

- Одна из них – в сохраняющемся высоком доверии к В. Путину: он, дескать, все разрулит, все исправит, а виновные во временных трудностях будут найдены и наказаны («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

- Или поднапрячься и подумать: почему пьют? («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

- Продажу паленой водки давно пора узаконить, но как диверсию врага («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

- Конечно, есть те, которые приходят к нам постебаться, а потом поржать с родственниками и друзьями («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

- Неужели им не понятно, что, вымарывая, не вымарывая русские топонимы с карты, превратить Малороссию и Новороссию в Галичину не удастся («АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)

• Поскольку зарплаты россиян выше, чем у гастарбайтеров, не удивительно, что работодатели по возможности предпочитают иностранцев («АиФ. Крым» № 40 от 30 сентября 2015)

• «Сытому рылу» - орден Иуды (заголовок) (Крымская правда» от 8 октября).

• Теперь долги из крымчан «выбивают» российские коллекторы («АиФ. Крым» № 42 от 14 октября 2015)

Нестабильность, которую, возможно, правильнее называть многообразием, языковой ситуации в Крыму привела к неустойчивости языковой нормы, в том числе и в публицистическом стиле, и распространению социолингвистического феномена суржика. По мнению Г. Ю. Богданович, суржик оказывается важной составляющей любого полиэтничного региона. Для существования суржика как понятия, отмечает исследовательница, «определяющими являются метаязыковая и оценочная рефлексии в то время как собственно лингвальная сущность этого феномена достаточно аморфна и размыта» [2, с. 193].

Термин «суржик» в нашей работе используется для обозначения взаимодействия русского и украинского языков. Примеры такого близкородственного двуязычия имеют место и в крымских публицистических текстах, привнося в восприятие поданной информации иронический характер:

• На фоне такой «перемоги» о результатах самой блокады (подвести которые через месяц после ее начала было бы логично) «неупрежденные» медиа предпочитали не упоминать («Крымская правда», 31.10).

• Огромное количество наших этнических музыкантов мирового уровня за кордоном работает, потому что здесь они «не в формате» («АиФ.Крым» № 44, 22 октября).

На территории Крыма следует говорить о полилингвокультурной ситуации, где на одном пространстве функционируют различные языки. Специфика языковой личности, формирующейся в этих условиях, связана со взаимодействием с несколькими культурами и языками. Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов. Одним из сильнодействующих межкультурных факторов, способствующих активизации подобной деятельности, являются средства массовой информации.

ВЫВОДЫ

Как свидетельствуют данные осуществленного нами исследования, массмедиа способны оказывать беспрецедентное влияние на социум. СМИ тиражируют социально значимые тексты, которые являются источниками важной информации об окружающем мире. На основе полученных из таких текстов сведений индивид принимает решения, трансформирует свое поведение, вырабатывает собственное отношение к фактам и явлениям. Выявление основных тенденций в развитии языка крымских СМИ определено связано с проявлением неоднородной, экспрессивной

оболочкой общего информационного поля региона. Наряду с резкой оценочной лексикой, применяемой авторами, можно обосновано говорить о нарастании использования неологизмов и окказионализмов, а также о трансформации фразеологизмов и их авторском переосмыслении. Применяемая авторами грубая и бранная лексика намного экспрессивнее разговорной и даже жаргонной, отражает накал страстей в обществе, однако журналистам не следует забывать, что соблюдение эстетических и этических норм является важным принципом в любой цивилизованной стране. Последующее изучение языковых особенностей медиатекстов, как одного из важнейших элементов в формировании медиакартины мира, позволит судить о языковых характеристиках и потребностях, поскольку тексты, продуцируемые региональными средствами массовой информации, являются источником формирования и удовлетворения коммуникативных запросов представителей данного социума.

Список литературы

1. Беглова Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи [Текст] : дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Беглова. – М., 2007. – 488 с.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Доля, 2008. – 397 с.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 232 с.
4. Караулов Ю. Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2001.
5. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг. [Текст] : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина. – М., 2008. – 352 с.
6. Красникова И.Р. Прагматика окказиональных антропонимов в современном русском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Р. Красникова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 153 с.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] : ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998. – 846 с. – (Библиотека словарей русского языка).
8. Николина Н. А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. М., 1996.
9. Олисаева О. В. Изучение порядка слов русского языка в осетинской школе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 13.00.02 / О. В. Олисаева. – Владикавказ, 2000. – 165 с.
10. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] : пос. для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
11. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты [Текст] / Г. Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. Володиной М. Н. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 261-268.
12. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы [Текст] / Г. В. Степанов // Язык. Литература. Поэтика / Г. В. Степанов ; отв. ред. Д. С. Лихачев ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1988. – С. 44-87.

**TENDENCIES OF THE CRIMEAN PRINT MEDIA LANGUAGE DEVELOPMENT
AT THE PRESENT STAGE**

Regushevskaya I. A.

The article is devoted to the study of the language of specialists-journalists who display their linguistic, stylistic and communicative competence in the Crimean print media. Attention is paid to the analysis of media texts of regional media, which made it possible to identify the most frequently used language units, so-called markers of the epoch.

It was determined that the method of "rooting" is used to create the valuation nominations based on different words contamination; the suffixes of subjective evaluation are used. The usage of the transformed quotes, in other words – intertextuality is also typical for modern Crimean media texts. Borrowings and original occasionalisms are of wide spread occurrence via the media texts during the recent decades. Stylistically reduced vocabulary, slang and colloquialisms are used widely. In addition to the above, "surzhik", as the phenomenon of closely related bilingualism, can be run across on the pages of the Crimean media texts.

Key words: mass media, media texts, print media language, linguistic personality.

УДК 811.161.1

ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Чернобривец С. Г.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: filologtnt@mail.ru*

Заголовок в газетном дискурсе призван реализовать его основные функции: воздействующую, оценочную и информационную.

Журналисты как субъекты речи используют различные языковые средства, которые наиболее полно могут реализовать запланированные коммуникативные цели. При этом особое внимание отводится заголовку, который, будучи одновременно и компонентом текста, и самостоятельной единицей речи, должен привлечь внимание адресата к публикации, побудить его к прочтению опубликованной информации. Очень показательны в этом плане заголовки – прецедентные тексты, а также такие, в которых знаки препинания помогают невербально выразить оттенки смысла.

Ключевые слова: заголовок, коммуникация, субъект, адресат, прецедентный текст, пунктуация.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативно-прагматический подход к изучению языковых явлений заключается в описании языковых средств, являющихся важными как для субъекта речи - автора текста, так и для адресата, воспринимающего этот текст.

В современном обществе СМИ, в частности газеты, играют очень важную роль – информируют, просвещают, воспитывают читателей, но, кроме этого, ещё и манипулируют их сознанием.

Цель данной статьи – показать некоторые коммуникативно значимые средства привлечения внимания читателя в заголовках крымских газетных статей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Журналист, освещая то или иное событие, должен использовать разнообразные речевые средства, при этом особое внимание обращая на оформление заголовка – сформулировать его так, чтобы планируемая цель речевого воздействия на адресата реализовалась наиболее эффективно. Для достижения этой цели часты обращения к прецедентным текстам (далее - ПТ) как к таким феноменам, которые хорошо известны и автору, и читателю. Под ПТ, вслед за Ю. Н. Карауловым, мы будем понимать «текст, фиксированный в сознании носителей языка данной языковой общности, представляющий факт культуры в широком понимании и актуализирующий некую ситуацию» [1, с. 29]. ПТ – это цитаты из письменных и устных произведений различного характера, фразеологизмы, паремиологизмы, т.е. такие единицы, которые должны быть известны и адресату, и адресанту. Субъект речи, избирая в качестве заголовка ПТ, опирается прежде всего на прагматическую пресуппозицию - учитывает фонд знаний, мнений, взглядов на происходящее у

адресата, чтобы вызвать у него запланированный перлокутивный эффект. ПТ побуждает читателя-реципиента к узнаванию закодированного в ПТ смысла и рассмотрению его в качестве языковой игры, устанавливающей уровень компетентности и автора, и читателя. Отсюда следует, что ПТ – такая единица речи, значение которой должно быть хорошо известно большинству представителей лингвокультурного сообщества. Как показывает практика, ПТ-заголовки очень разнообразны по форме и источникам. Журналисты часто используют ПТ в качестве заголовков своих публикаций, поскольку заголовок всегда занимает сильную позицию: именно он в первую очередь привлекает внимание читателя, давая первичную информацию о содержании, презентует, рекламирует материал.

ПТ в современных газетных заголовках используются довольно активно.

С точки зрения происхождения ПТ-заголовки – это названия художественных произведений или фраз из них, названия популярных художественных фильмов, фразы из песен, устойчивые выражения – дословные или изменённые, например: *Как закаляется сталь* (Крымская правда, 15.09.12); *Уж небо осенью дышало* (Крымская правда, 29.09.12); *И пошли они, солнцем палимы?* (Крымская правда, 29.11.11); *Ты виноват уж тем, что хочется мне...* (Крымская правда, 26.10.13); *Что день грядущий нам готовит?* (Крымская правда, 12.01.13); *Покой им только снится* (Крымская правда, 17.12.11); *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* (Крымская правда, 26.10.13); *Яйца курицу научат* (Крымская правда, 04.01.12); *Стоянки преткновения* (Крымская правда, 15.02.13); *Чем дальше в лес, тем... страшнее* (Крымская правда, 30.10.12); *Близок локоть, да не укусишь* (Крымская правда, 18.10.12); *Курочка клюёт по зёрнышку* (Крымская правда, 22.11.11); *Не рой другому яму...* (Крымская газета, 22.09.15); *Свято место пусто не бывает* (Крымская правда, 23.09.15) и под.

Как свидетельствуют факты, в заголовках крымских газет используются два способа применения ПТ: 1) дословное включение чужеродной единицы как средства экспрессии; и 2) трансформирование исходного выражения, в результате чего происходит насыщение его не только экспрессией, но ещё и дополнительными смыслами.

Приведём заголовки-прецеденты без изменений: *Всадник без головы* (Крымская правда, 29.11.11) – в статье описывается преступление, совершённое над председателем правления крымской общественной организации мотоклуба; *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* (Крымская правда, 26.10.13) – публикация касается дрессировки собак; *Крепче за баранку держись, шофёр!* (Крымская правда, 21.07.15) – об опасности разговоров по телефону за рулём.

Как показал исследованный материал, в заголовках чаще всего применяются изменённые исходные тексты. При этом могут быть произведены следующие преобразования: замена компонентов; их усечение; добавление компонентов. Встречаются и комбинации таких преобразований в одном заголовке.

Замена компонентов – лексическая субституция – один из самых распространённых способов модификации ПТ. Например: *Крымский фронт: без перемен* (Крымская правда, 15.08.12). В основе этой конструкции лежит название романа Э.-М. Ремарка «*На Западном фронте без перемен*» с заменой компонента

«западный» на «крымский». Приведём ещё заголовки с лексической субституцией: *Мифология второй свежести* (Крымская правда, 26.10.15) - о заверениях украинского правительства, что ЛЭП в Херсонской области подорвали крымские татары; *Долг шантажом красен* (Крымская правда, 20.10.15) – о нежелании Украины возвращать долг России, если Россия не согласится на его реструктуризацию; *Семь бумажных кругов* (Крымская правда, 08.10.15) – о трудностях при оформлении земельных участков.

В заголовке *Вот в чём вопрос* (Крымская правда, 19.12.12) автор публикации произвёл усечение ПТ «Быть или не быть? – Вот в чём вопрос» - известной фразы из произведения В. Шекспира. Журналист взял для заголовка только вторую часть с акцентом на слове «вопрос», поскольку в статье идёт речь о постоянной рубрике газеты с вопросами читателей в редакцию и ответами на них.

Заголовок *Семь раз отстежни...* (Крымская правда, 29.01.13) – трансформант пословицы «Семь раз отмерь – один отрежь». Здесь намеренно отсечена вторая часть фразы и заменена «отмерь» на «отстежни», что позволило добавить заголовку яркую эмоционально-экспрессивную коннотацию, дающую смысловое наращение: не заплати, а выложи крупную сумму. В публикации под заголовком *Дёшево и смертельно* (Крымская правда, 14.10.15) представлен трансформ выражения «Дёшево и сердито». В статье речь идёт о заменителе алкоголя, употребление которого приводит к летальному исходу. Заголовок *Ловитесь замы, большие и маленькие* (Крымская правда, 10.11.15) – трансформ фразы «Ловись рыбка большая и маленькая» - предваряет публикацию о чистке крымского чиновничества.

В нашем материале встретились случаи замены всех компонентов исходной фразы «Казнить нельзя помиловать»: *Убивать нельзя стерилизовать* (Крымская правда, 06.02.13); *Приручить нельзя оставить?* (Крымская правда, 19.11.15). Отсутствие запятой заставляет читателя задуматься и над членением текста.

ПТ-заголовок призван сжато охарактеризовать ситуацию, изложенную в публикации. В том случае, когда некоторые компоненты ПТ неактуальны, маловыразительны, создатель текста заменяет их на более, по его мнению, подходящие. Такие трансформации дают возможность читателю участвовать в своеобразной языковой игре: проверить собственную компетентность и понять цель использования ПТ. Однако достижение запланированной цели будет успешным лишь в том случае, если реципиенту известна исходная фраза и он может сопоставить её с прочитанным текстом. Столкновение двух планов – эксплицитного и имплицитного – позволяет выразить авторскую позицию и создать необходимый эффект - «зацепить» взгляд читателя, задержать его на названии публикации, а тем самым и побудить адресата к прочтению. При этом происходит столкновение привычного, известного и неожиданного.

Стимулировать читателя к прочтению публикуемого материала помогают и пунктуационные знаки.

Современная русская пунктуация в процессе исторического развития преобразовалась в функционально и социально значимую систему, важную как для читающего, так и для пишущего.

Известно, что цель пунктуации – членить текст. К. Г. Паустовский по этому поводу писал, что знаки препинания «существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе лёгкость и правильное звучание. Знаки препинания – это как нотные знаки. Они твёрдо держат текст и не дают ему рассыпаться» [2, с. 238].

Принципы использования знаков препинания – структурный, семантический, интонационный – чаще всего «работают» одновременно. Интерпункция вносит в текст смысловые оттенки, помогает восприятию текста, придаёт ему стилистическую окраску или корректирует её. Пунктуация – одно из выразительных средств репрезентации тех сторон содержания, которые либо не могут передаваться при помощи одних только словоформ, либо передаются таким способом частично. Н. С. Валгина в связи с этим отметила: «Современная пунктуация контекстуально обусловлена. Контекстуальная вариантность сообщает пунктуации такое замечательное качество, как гибкость» [3, с. 241]. Ядро русской пунктуации образуют 10 пунктуационных знаков: точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, запятая, точка с запятой, скобки, кавычки, тире, двоеточие.

Заголовок – это и компонент текста, и самостоятельная единица, а поэтому он должен быть точным, кратким, а также, что особенно важно, экспрессивным. Одним из способов насыщения заголовка экспрессивными возможностями является пунктуация. «Знаки препинания, – пишет Н. С. Валгина, – читаются, т. е. несут в себе определённую, известную нам информацию, следовательно, они отягощены смыслом, причём смыслом исторически накопленным в практике печати» [3, с. 241].

Наблюдения показали, что с помощью интерпункции журналист намеренно выделяет те части заголовков, на которые читатель должен обратить внимание в первую очередь. Ярким примером этому служат многочисленные парцеллированные конструкции, в которых **точка**, разрывая грамматическую структуру, способствует акцентированию внимания читателя на отчленённой части – парцелляте. Например: *Конституцию не тронули. Пока.* (Крымская правда, 05.02.14). Корреспонденту важно обратить внимание читателя на тот факт, что время пересмотра конституции ещё не пришло, но это действие произведено будет. *Всё равно запретим. Но по закону.* (Крымская правда, 08.02.14). В статье говорится о запрете деятельности ВО «Свобода» на территории Крыма, и этот запрет будет закреплён законодательно. Такие конструкции позволяют сжато, но в то же время и ёмко, эмоционально передать основную мысль публикации. Парцелляция часто применяется в современной печати как стилистический приём, создающий эффект прерывистости в передаче информации, имитирует интонации разговорной речи. Встречаясь с заголовком- парцеллированной конструкцией, читатель как бы «спотыкается» на точке, стоящей на месте разрыва, и обращает внимание на отчленённую часть – парцеллят, выделенный по смыслу и интонационно. При помощи этого приёма парцеллированный заголовок приобретает особый смысл. Вот ещё примеры таких конструкций: *Перемирие на Донбассе соблюдается. В основном* (Крымская правда, 17.02.15). Понижение интонации к концу базовой структуры выделяет в качестве логического центра компонент «соблюдается». Однако

парцеллят «в основном» даёт нам, читателям, возможность расценить всё это высказывание как «а в частности инциденты с применением вооружения есть». Без парцелляции данный заголовок не имел бы экспрессивного оттенка. Этот же приём применён и в следующих заголовках: *Музеи стали бесплатными. Раз в месяц* (Крымская правда, 21.01.15); *Связь ожила. Но не совсем* (Крымская правда, 17.02.15); *Лгут и не краснеют. Потому что боятся* (Крымская правда, 03.10.15); *Оператор получил срок. Условный* (Крымская правда, 13.10.15); *На переправе проблем нет Кроме погоды* (Крымская газета, 27.10.15); *Налогов прибавится. Но в 2017 году* (Крымская правда, 07.11.15). При помощи парцелляции создаётся динамичность, а иногда парцелляция помогает журналисту передать новый смысл, нужный автору.

В качестве заголовка нами отмечено самостоятельное употребление отчленённых предикативных единиц. Вот пример придаточного, заключающего в себе основную информацию: *Если бы не Крым...* (Крымская правда, 23.12.14; 13.01.15; 10.02.15). Публикации под таким названием раскрывают роль Крыма в мировой истории и культуре. Информация о футбольной жизни в Крыму, несмотря на санкции, названа *...А караван идёт* (Крымская правда, 05.03.15). Расчленена сложносочинённая конструкция с противительными отношениями. Основная информация здесь также не в первой части, а в отчленённой.

В заголовках крымских газет регулярно употребляется также **двоеточие**, основная функция которого – пояснительная. Например: *Судак: мал городок, да дорог.* (Крымская правда, 20.11.13); *Два митинга: кто и как защищает Крым.* (Крымская правда, 29.01.14); *Итоги переговоров: оппозиция испугалась ответственности* (Крымская правда, 06.02.14); *Книга памяти: забыть и уничтожить?* (Крымская правда, 20.11.13); *Россия и Украина: родные не могут не понять друг друга* (Крымская газета, 08.10.13); *Великое чудо: за сутки и всем миром* (Крымская правда, 20.01.15); *Опрос: народ почувствовал кризис* (Крымская правда, 25.02.15). Такие построения разделяются с помощью двоеточия на две части: в первой даётся название проблемы, вторая служит её конкретизации. Таким способом двоеточие помогает кратко, выразительно обозначить основную мысль публикации. Обращает на себя внимание довольно частое употребление двоеточия в двучленных заголовочных конструкциях такого типа: *Лавров: планы Вашингтона рухнули* (Крымская правда, 28.02.15); *Путин: пора избавляться от позорных убийств* (Крымская правда, 05.03.15); *Миллер: соседи останутся без газа* (Крымская правда, 25.02.15). По правилам пунктуации, если это прямая речь, то после двоеточия должна быть часть предложения – слова автора – в кавычках. Однако эти и подобные заголовки оформляются как несобственно-прямая речь: первая часть называет того, кто высказал во второй части, после кавычек, мысль, но приводится она не как цитация, поскольку содержит только основное содержание. Постановка двоеточия в таких двучленных конструкциях в современных правилах не оговаривается, однако журналисты часто прибегают к такого рода конструкциям. Они броски и содержательно компактны.

Функции **тире** в заголовках довольно широки, но, как правило, указывают на смысловую зависимость частей фразы, расчленённой с помощью этого знака.

Например: *К вашему столу – от нашей редакции* (Крымская правда, 28.12.13); *Лучшие – синица в руках...* (Крымская правда, 30.11.13); *Полуостров – в ледяном панцире* (Крымская правда, 31.01.14). В таких конструкциях на месте тире происходит пропуск либо второстепенного члена, либо сказуемого, либо союзов, в результате чего создаётся эмоционально-смысловая напряжённость. Заголовочные конструкции с тире часто строятся по типу призыва, лозунга. Например: *Маршрутки – под спутниковый контроль* (Крымская газета, 16.10.13); *Очередям – бой!* (Крымская правда, 29.01.15). *Покупай крымское – не прогадаешь!* (Крымская газета, 30.10.13). В последнем примере тире несёт ещё и дополнительную смысловую нагрузку - передаёт значение условия: если будешь покупать крымское, то не прогадаешь. Такой тип заголовка привлекает внимание читателя к наиболее важным сторонам события, ставшего предметом внимания журналиста.

Употребление **многоточия** в заголовках также связано с содержательной и эмоциональной их стороной. Например: *А мы пили и гуляли...* (Крымская правда, 30.11.13). Так озаглавлена статья, в которой речь идёт о том, что штрафы не действуют на пьяных водителей, а многоточие указывает на запланированный подтекст: хоть нас и штрафуют, а мы будем садиться за руль в нетрезвом виде. Вот ещё примеры заголовков, построенных на недосказанности, что даёт возможность заинтриговать читателя, побудить его к прочтению материала: *Чтобы память зазвучала...* (Крымская правда, 18.02.14); *В чужом глазу соринку видят...* (Крымская правда, 06.02.14); *Пришла весна...* (Крымская правда, 03.03.15).

Внутри предложения-заголовка многоточие выполняет примерно такую же функцию, как точка при парцелляции, т.е. указывает на особую значимость части, следующей после многоточия. Например: *Визит вежливости и... знакомства* (Крымская правда, 07.03.15) – о приезде делегации УЕФА в Крым с целью ознакомления с особой футбольной зоной в Крыму. *Обещания и... масса вопросов* (Крымская правда, 07.02.15) – о судьбе крымского футбола. Следующие два заголовка к разным статьям как бы продолжают друг друга, что также выражается пунктуацией: *Киев просит у США оружия...* (Крымская правда, 18.02.15) – о том, что Америке передан список необходимой Украине военной техники. После этой публикации сразу же подана статья с заголовком *...хотя экономика страны в упадке* (Крымская правда, 18.02.15).

ВЫВОДЫ

Как видим, точка, двоеточие, тире, многоточие – знаки эмоционально и семантически наполненные, позволяющие невербально выразить оттенки смысла, показать подтекст.

Таким образом, журналист как субъект речевого акта из имеющихся в языке ресурсов избирает для заголовка те, которые наиболее эффективно выразят его журналистскую позицию к описываемым фактам, а также привлекут внимание адресата. Поэтому представитель СМИ, учитывая знания и опыт читателя, часто обращается к различным ПТ, а также использует авторскую пунктуацию.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
2. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 263 с.
3. Паустовский К. Г. Избранные произведения: Повести / К. Г. Паустовский. – К.: Веселка, 1984. – 360 с.

**NEWSPAPER HEADLINES AS A MEANS OF THE ACHIEVING
OF COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC GOALS**

Chernobrivets S. G.

Headline in the newspaper discourse aims to realize its main functions are: acting, appraisal, information.

Journalists as subjects of speech use different linguistic means, which are more fully able to implement the planned communication goals. Special attention is given to the header, which, being both a component of the text, and independent unit of speech, should attract the attention of the addressee to publish, encourage them to read published information. Headers are very indicative in this plan – precedential texts, as well as those in which punctuation marks help to nonverbal express shades of meaning.

Key words: header, communication, subject, addressee, precedent, text, punctuation.

УДК 378.147

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ- МАГИСТРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Чернышова Т. Г.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: margomarina2003@yahoo.com*

В статье обосновывается важность самостоятельной работы студентов-магистров факультета биологии и химии при изучении дисциплины «Иностранный язык профессиональной деятельности» как компонента лингвистической подготовки в магистратуре, определены требования к самостоятельной работе, а также те положения, которые должны найти отражение в специальных методических разработках, дается обоснование важнейших факторов эффективности самостоятельной работы студентов-магистров. Особое внимание уделяется роли преподавателя в процессе преподавания иностранного языка и использования аутентичных материалов.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студент-магистр, профессиональная деятельность, лингвистическая подготовка, организация, принцип.

ВВЕДЕНИЕ

Преобразования, происходящие в современном обществе, глобализация расширения экономического, культурного и гуманитарного сотрудничества требуют постоянного совершенствования подготовки специалистов.

Студенческая молодежь стремится получить достойное образование и готова к серьезной работе по совершенствованию своих знаний.

В стратегии модернизации российского образования заявлено о необходимости введения компетентностного подхода в образовании. Компетентностный подход в подготовке специалистов предполагает не простую трансляцию знаний, умений и навыков от преподавателя к студенту, а формирование у будущих специалистов профессиональной компетенции. Иными словами, основной целью профессионального образования является подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, свободно владеющего своей профессией и иностранным языком [1].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В современном образовании все больший акцент делается на работу с информацией. Учащимся очень важно самостоятельно получать дополнительный материал, критически осмысливать полученную информацию, уметь делать выводы. Работа с информацией на иностранном языке, особенно если учесть возможности, которые открывает глобальная сеть Интернет, становится весьма актуальной.

В современных условиях не вызывает сомнения важность лингвистической подготовки студентов-магистров неязыкового профиля. В наши дни знание иностранного языка необходимо современному человеку в принципе. Кроме того, владение иностранным языком повышает конкурентоспособность специалиста на рынке труда. Следует заметить, что сейчас особенно ценятся специалисты технического, юридического, экономического профиля, владеющие иностранным языком.

На современном уровне преподавания иностранных языков в вузе самостоятельная работа является неотъемлемой частью учебного процесса и имеет целью подготовить студентов к дальнейшему самообразованию как средству поиска и приобретения опыта, с помощью которого будущий специалист сможет продолжить свою профессиональную подготовку. Интенсивная самостоятельная работа студентов является неременным условием успешного функционирования всей системы обучения.

Эффективность самостоятельной работы студента-магистра обуславливается рядом факторов, среди которых важнейшими являются:

- 1) Готовность обучаемого к самостоятельной работе;
- 2) Оптимальная организация самостоятельной работы и коррекция ее преподавателем.

Готовность студентов-магистров к самостоятельной работе определяется наличием оптимальной мотивации к овладению иностранным языком, формированию навыков самостоятельной работы в области всех видов речевой деятельности, а также владением навыками работы со справочной литературой [2; 3; 4; 5].

Рассмотрим проведение и организацию самостоятельной работы на примере студентов-магистров факультета биологии и химии. Следует заметить, что объем фактического материала, который необходим грамотному специалисту, неуклонно возрастает, а количество контактных часов также неуклонно уменьшается.

Дисциплина «Иностранный язык профессиональной деятельности» на факультете биологии и химии изучается в магистратуре в первом и третьем семестрах, до этого иностранный язык изучался на первом и втором курсах бакалавриата. Как видим, перерыв в изучении иностранного языка довольно большой, а уровень владения видами речевой деятельности и языковым материалом низкий (что подтверждают результаты тестирования). Поэтому при организации обучения иностранному языку в нелингвистической магистратуре необходимо учитывать, что после двухлетнего перерыва изучения иностранного языка в бакалавриате, студентам-магистрам прежде всего необходимо восстановить приобретенные ранее навыки и умения.

На изучение дисциплины «Иностранный язык профессиональной деятельности» в Таврической академии на факультете биологии и химии предусмотрено 216 часов (на первом и на втором курсах), в том числе контактных только 58 часов. Такое количество часов недостаточно для формирования прочных языковых навыков и речевых умений. Ситуацию также усугубляют объективные

препятствующие факторы, такие как большая наполняемость групп и разный базовый уровень знаний, умений и навыков студентов-магистров внутри группы.

Очень большое количество отводится на самостоятельную работу (158 часов), при чем контактные часы, как упоминалось выше, предусмотрены в первом и третьем семестрах. Это означает, что во втором семестре студенты-магистры должны изучать иностранный язык самостоятельно. Как мы видим, большое количество часов отводится на самостоятельную работу, однако практика и собственный опыт показывают, что студенты имеют недостаточную подготовку по иностранному языку, слабые навыки самостоятельной работы, особенно в процессе работы вне аудитории.

На наш взгляд, целесообразно изучать дисциплину «Иностранный язык профессиональной деятельности» в магистратуре в первом и во втором семестрах, чтобы не было такого большого перерыва в изучении данной дисциплины, так как для изучения любого иностранного языка необходима систематическая работа.

Особое значение приобретает именно самостоятельная работа во внеурочное время. В результате выполнения самостоятельной работы студент должен совершенствовать знания, умения, навыки, все виды работ должны быть организованы так, чтобы удовлетворять этим требованиям. Эти положения должны найти отражение в специальных методических разработках, которые могут быть предложены студентам-магистрам для самостоятельной работы во внеурочное время.

В связи с этим нами разработаны методические пособия по той или иной специальности, а также словари-минимумы по каждой специальности. Чтобы научить студентов-магистров по имеющимся методическим пособиям и разработкам и подготовить их к самостоятельной работе представляется целесообразным:

- выработать у студентов-магистров понимание целей и задач, которые решает каждый тип того или иного задания в методической разработке/пособии;
- систематически практиковать задания на самостоятельную проработку студентами соответствующих материалов методической разработки/пособия;
- формировать навык поиска необходимой информации и ее обработки.

Проведение самостоятельной работы предусматривается по всем дисциплинам, но для иностранного языка она особенно важна. Дело в том, что специфика данного предмета заключается в том, что освоение его может быть успешным только в том случае, если занятия имеют систематический характер. Эффективность самостоятельности работы студента зависит от его умения ориентироваться в современном информационном пространстве с его информационными ресурсами, а также от того, какое количество времени затрачивается на поиск необходимой информации. В связи с этим самостоятельная работа является важным фактором формирования информационной компетентности студента.

ВЫВОДЫ

В настоящее время очень большую роль для изучения иностранного языка играют аутентичные материалы, поскольку они демонстрируют использование языка в реальных ситуациях, так как создаются носителями языка для носителей, а не в учебных целях. Поэтому необходимо организовать самостоятельную работу студентов-магистров таким образом, чтобы они получали как можно больше языковой практики на основе материалов подобного рода. Однако в современном информационном пространстве выбрать не только интересный, но и полезный с лингвистической, культурологической, а также профессиональной точки зрения материал самостоятельно для большинства студентов является очень сложной задачей [6, 7]. И здесь должен прийти на помощь преподаватель, который может составить списки рекомендуемых для самостоятельной работы материалов разных уровней сложности, в том числе и интернет-источников. В эти списки должны входить материалы, имеющие профессиональную направленность, поскольку в дальнейшем выпускникам придется реализовать языковые знания, а также речевые навыки и умения в процессе профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Бабинская П. К. Практический курс методики преподавания иностранных языков: учебное пособие/ П. К. Бабинская [и др.]; под ред. П. К. Бабинской. – 5-е изд. – Минск: Тетра Системс, 2009.
2. Козырева О. А. Культура самостоятельной работы педагога: от определения до продуктов самореализации / О. А. Козырева // Современная педагогика. 2014. № 12 (25). С. 97-102.
3. Миньяр-Белоручева А. П. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / А. П. Миньяр-Белоручева. – М.: Проспект, 2001.
4. Миньяр-Белоручева А. П. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций / А. П. Миньяр-Белоручева. – М.: Просвещение, 2005.
5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: пособие для студ. пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М.: Астрель, 2008.
6. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранному языку. Хрестоматия / Е. Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2006.
7. Ягенич Л.В. Modern Tendencies in English Teaching Future Scientists in Medicine / Л. В. Ягенич // Развитие образования, педагогики и психологии в современном мире. – Воронеж, 2014. – С. 67-69.

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF MA STUDENTS IN STUDYING THE SUBJECT «FOREIGN LANGUAGE IN PROFESSIONAL ACTIVITIES»

The article proves the importance of the independent work of MA students of the department of Biology and Chemistry in studying the subject “Foreign language in professional activities” as a component of linguistic training in MA courses, the demands for the independent work are defined, the ground of the main factors of the efficiency of students’ independent work is proved. Particular attention is paid to the role of the lecturer and using authentic materials.

Key words: independent work, MA student, professional activity, linguistic training, organization, principle.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИР

УДК 811

СРЕДСТВА УТОЧНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЛЕКЦИЯХ НА АНГЛИЙСКОМ ЛИНГВА ФРАНКА

Бородина Д. С.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: Dasha_tnu@mail.ru*

В статье обсуждаются языковые средства, используемые для уточнения и разработки информационного содержания, на материале лекций на академическом английском лингва франка (ААЛФ), читаемых украинскими преподавателями. В дополнение к четырем типам маркеров уточнения содержания в лекциях носителей английского языка установлены десять групп языковых средств ААЛФ, отражающих специфику социально-культурных норм украинских лекторов, обусловивших экспликацию авторской установки и отношения к излагаемому содержанию на ААЛФ.

Ключевые слова: академический английский лингва франка, украинские лекторы, языковые средства уточнения содержания.

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивная интернационализация высшего образования в Европе обусловлена ролью английского языка (АЯ) как контактного письменного и устного инструмента научной и образовательной коммуникации, оптимально отвечающего потребностям членов этого сообщества, – академического английского лингва франка (ААЛФ). Необходимость овладения АЯ как языком межнационального общения отвечает трем наиболее выраженным тенденциям интернационализации – международной мобильности студентов и преподавателей, перспективам трудоустройства за пределами национальных границ, повышению конкурентоспособности специалистов (*mobility, employability and competitiveness/attractiveness*) [4, p. 104].

Вопросы внедрения ААЛФ во все формы современного высшего образования, включая и те, что, на первый взгляд, могут представлять только локальный интерес [8, p. 7], актуальны и для украинских университетов, активно включающихся в деятельность Болонского процесса. Одной из таких форм является преподавание специальных неязыковых дисциплин на АЯ, в ходе которого студенты усваивают язык, изучая излагаемое на нем содержание, т.е. на основе интеграции содержания и языка (*Content and Language Integrated Learning – CLIL* [7]).

Интеграция специальных курсов и АЯ в учебном процессе сталкивается с серьезными проблемами, связанными, во-первых, с недостаточной общей языковой подготовкой преподавателей, во-вторых, с недостаточной специальной языковой

подготовкой студентов, и, в-третьих, с отсутствием координации учебных программ по АЯ с программами по специальным предметам [7, p. 10].

Языковой компонент интегрированного курса предполагается имплицитно, а не определяется целенаправленно; языковое оформление излагаемого содержания основывается на индивидуальном опыте преподавателя, а усвоение языка студентом зависит от личной инициативы и мотивации. Представление о роли языка в интегрированном курсе не формируется достаточно четко, и стандартный академический контроль направлен только на оценку овладения специальным предметом [7, p. 10, 11].

Основным видом учебных занятий, где, в первую очередь, внедряется интегрированное обучение как наиболее доступный инструмент интернационализации высшего образования, являются лекции по специальным дисциплинам на АЯ. Перед исследователем лекционного регистра интегрированных курсов стоит первостепенная задача изучения корреляции основных факторов содержания и языковых средств (ЯС) их выражения. Американский лингвист Д. Байбер выделяет пять основных факторов, характеризующих содержание лекции и связанных с определенными наборами ЯС: 1) концентрация информации в конкретных коммуникативных ситуациях (*Informational focus*), включая интеграцию информации и лексического выбора (1, p. 144); 2) включенное речепроизводство (*Involved production*), в котором содержание фрагментируется и обобщается таким образом, чтобы внимание фокусировалось на аффективном, межличностном аспекте и конкретных обстоятельствах коммуникативной ситуации (1, p.145); 3) эксплицитный дискурс (*Explicit discourse*), полностью раскрывающий референт содержания (1, p. 156); 4) неопределенно-личный стиль изложения (*Abstract style*), когда автор абстрагируется от содержания (1, p. 165); 5) уточнение информации в режиме он-лайн (*On-line informational elaboration*), эксплицитно представляющее позицию или отношение автора (1, p. 167).

Целью данной статьи является изучение языковых средств экспликации пятого фактора, используемых в ходе лекций на ААЛФ для уточнения и разработки информационного содержания. Исследование осуществлялось на материале аудиозаписей лекций по естественно-научным дисциплинам, читаемых украинскими преподавателями по-английски для иностранных студентов, приехавших из Юго-Восточной Азии и Африки. Суммарная длительность лекций составила 480 мин., а суммарная длительность отредактированного звучания текста, за вычетом пауз, объяснений на русском языке, замечаний и вопросов, не имеющих отношения к содержанию лекций, составила 181 мин. (3 ч. 01 мин.). Общее количество слов, за вычетом артиклей, предлогов и союзов, составило 10860. Скорость говорения лекторов варьировалась от 20 слов/мин до 80 слов/мин с учетом того, что многие определения, объяснения уравнений и формул повторялись неоднократно и диктовались, чтобы студенты могли их записать. Следует отметить, что лекция преподавателя – носителя АЯ содержит, в среднем, от пяти до десяти тыс. слов [Csomay], т.е. в 2-4 раза больше, чем лекции наших респондентов.

Полученный корпус был подвергнут процедуре индексации по частям речи (*Tagging for parts of speech*) в соответствии с методикой грамматической

индексации, разработанной американским лингвистом Д. Байбером (*The Biber grammatical tagger*) [Biber D. Dimensions, p. 7-10]. Индексация Д. Байбера – это компьютерная программа, которая автоматически приписывает (индексирует) к каждому слову текста символы, указывающие принадлежность к той или иной грамматической категории АЯ [3]. Индексатор Байбера идентифицирует показатели – от морфологических разрядов и синтаксических структур до семантических и лексико-грамматических классов слов и словосочетаний. [3]. Расчеты частотности отобранных языковых средств производились для корпуса в 1000 слов, т.е. их количество делилось на общее количество слов и умножалось на тысячу.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Уточнение информации в режиме он-лайн (On-line informational elaboration) имеет место в коммуникативных ситуациях, где внимание говорящего и слушателей фокусируется на обсуждаемой информации в режиме реального времени и пространства. Как указывает Д. Байбер, уточнение информации связано с авторской установкой говорящего (*the speaker's stance*) и требует использования определенных ЯС, которые реализуются в разговорных регистрах академической коммуникации и, прежде всего, в академических лекциях [1, p. 168]. К основным ЯС уточнения информации Д. Байбер и его последователи относят: придаточные предложения с *that* после глагола и прилагательного (*The definition states that...; It is important that...*), вводное *there* и указательные местоимения. В Таблице 1 приводится сравнение средней частотности этих ЯС, из расчета на 1000 слов, в американской научной прозе, академических лекциях и дискуссиях [5].

Таблица 1. Распределение языковых средств, обеспечивающих уточнение информации в режиме он-лайн

Языковые средства	Научная проза	Академическая лекция в режиме он-лайн	Беседа в академич. среде в режиме он-лайн
	Средняя частотность	Средняя частотность	Средняя частотность
Придаточн. <i>that</i> после глагола	3.2	13.0	4.0
Придаточн. <i>that</i> после прилагат.	0.4	30.0	0.1

Вводное <i>there</i>	1.8	3.9	2.3
Указательные местоимения	2.5	15.7	13.1

Из Таблицы 1 видно, что наиболее высокие средние величины частотности этих ЯС для академических лекций позволяют считать их маркерами именно лекционного регистра. Мы установили, что они точно также служат маркерами и в лекциях на ААЛФ.

Рассмотрим, например, следующий отрывок, в котором лектор разъясняет теорию множеств: *A set is a group of objects. Look at **this** set. **This**, the set $A = \{3, 5, 7, 9\}$ has the odd numbers. You can see **that** they go from 3 to 9 inclusive. We can also say **that** the set $\{\}$ is called the empty set. The empty set is the set which contains no elements; **this** set is simply "emptiness." Now sets can contain sets as elements. For example, take **this** set A above and now add the element $\{12\}$. Now you know **that this** is the set which contains the element 12. Form the set $B = \{3, 5, 7, 9, \{12\}\}$. It is clear **that** the set B contains five elements. **There** is one element, **this** one which is itself a set. When we tell **that there** is the union of two sets, we simply merge the elements of each set into one, we do not repeat **that** they have any common elements. Thus if $C = \{1, 2, 3\}$ and $D = \{3, 4, 5\}$ then C union D , or CUD , in which the symbol "U" means union, is the set $E = \{1, 2, 3, 4, 5\}$. Now **this** example will show **that** we create something from nothing, or form from emptiness. **There** are the following steps...*

Как видно из приведенного примера, указанные Д. Байбером четыре типа маркеров фактора уточнения информации наиболее часто используются при объяснении дефиниций, формул, уравнений: в данном отрывке указательное **this** встречается 7 раз; **that** после глаголов говорения, умственного и чувственного восприятия – 6 раз, и только один раз после прилагательного; вводное **there** – 3 раза. Однако, общие данные частотности в нашем материале значительно отличаются от величин частотности в лекциях носителей АЯ. См. Таблицу 2.

**СРЕДСТВА УТОЧНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЛЕКЦИЯХ
НА АНГЛИЙСКОМ ЛИНГВА ФРАНКА**

Таблица 2. Сопоставление языковых средств, обеспечивающих уточнение информации в лекциях носителей АЯ и в лекциях на ААЛФ

Языковые средства	Академические лекции носителей языка	Академические лекции на АЛФ
	Средняя частотность	Средняя частотность
Придаточн. <i>that</i> после глагола	13.0	11.6
Придаточн. <i>that</i> после прилагат.	30.0	1.1
Вводное <i>there</i>	3.9	4.1
Указательные местоимения	15.7	16.6
Всего	62.6	33.4

Наибольшее отличие наблюдается в употреблении структур типа: *It is clear that*, где *that* вводит придаточное подлежащее – отмечено только 12 случаев их употребления в четырех лекциях, за счет чего общая величина частотности ЯС уточнения информации в лекциях на ААЛФ почти на треть ниже. Можно ли на основании этого факта заключить, что украинские преподаватели, читающие лекции на ААЛФ, менее эксплицитно представляют свою авторскую установку (*stance*) и свое отношение к излагаемому содержанию, чем лекторы – носители АЯ?

Под авторской установкой понимается выражение личных чувств и отношений, уверенности, сомнения, оценочных суждений [1, р. 145]. По утверждению К. Прект [9, р. 239, 240], авторская установка управляется систематически отличающимися социальными нормами, присущими конкретной культуре, а выбор средств, выражающих авторскую установку, определяется прочно укоренившейся системой «культурно запрограммированных» норм.

Неверно утверждать, что система культурно запрограммированных норм украинских лекторов вынуждает их менее эксплицитно выражать свое отношение к содержанию лекции. Приведенные выше пять основных факторов Д. Байбера, характеризующих содержание лекции, связаны с определенными наборами ЯС носителей АЯ, а система социально-культурных норм украинских лекторов должна обеспечивать выбор каких-либо иных языковых средств ААЛФ, отвечающих этим нормам. Анализ и интерпретация нашего материала исходит из того, что эти ЯС следует идентифицировать по семантическому критерию как 1) эпистемологические (*epistemic*), т.е. подчеркивающие знание, осведомленность лектора; 2) установочные (*attitudinal*), т.е. передающие его позицию или установку по отношению к

содержанию; и 3) речестилевые (style of speaking), т.е. отражающие характерные особенности лекторского стиля изложения [2, р. 41-44; 5; 6]. Всего мы выделили 10 типов ЯС, которые, на наш взгляд, представляют эксплицитные приемы, используемые украинскими лекторами для выражения своего отношения к содержанию лекции. Все примеры приводятся без редактирования (в скобках указано количество каждого из ЯС).

1. Эпистемологические языковые средства, подчеркивающие индивидуально-личные знания и информированность лектора – *my idea, my research, I/we know, I am sure*, и т.д. (37), например :

My idea is to explain basic kinematics ... well ... how that ball travels when you throw it.

My research shows that business objectives in family enterprises are less influenced by monetary objectives, but more by human objectives.

We know one of the biggest advantages can be low personnel costs.

I am sure management is art and science. It is art because people cannot work without you. It is science – how you plan and organize.

2. К эпистемологическим языковым средствам мы также относим приводимые лекторами ссылки на личный опыт, установленные в их исследованиях факты и примеры, подчеркивающие их эрудицию и подтверждающие теоретические положения (74), например:

Well, let's give an example of what derivatives can be used for. Let's say an object is moving and its displacement is given by the equation.

So if you start running to university and you think that you reach a speed of 2 meters per second (m/s) in about 10 seconds, then your acceleration is 0.2 m/s² (2 m/s divided by 10 s). It is usually read as 0.2 meters per second per second.

In Austria about 75% of all enterprises are family enterprises, and about 70% of all workers work in family enterprises.

3. Установочные языковые средства определяют позицию лектора по отношению к предмету обсуждения и побуждают аудиторию к интеллектуальным усилиям (33), например:

You must understand that kinematics is a mathematical description of how something moves.

It is a necessity to understand the differences which form the temperatures which play important role in the process.

You have to go through the definitions of displacement, velocity, and acceleration.

It seems difficult, but it is not very hard to understand.

4. Эпистемологические и установочные языковые средства могут употребляться в одном и том же высказывании, подчеркивая знания лектора и его позицию направленного воздействия по отношению к студентам (21), например:

I know that you cannot understand very easily but who says science is easy. But at least you get the idea.

I understand it is hard for you, but you may tell that the area of the velocity graph ... is the same as the change in time.

I will show you that both pairs are similar but not the same. In order for you to tell the difference you need to learn what vector and scalar quantities are. It is really easy so don't worry.

Речестилевые языковые средства, отражающие характерные особенности индивидуального стиля изложения лектора, зафиксированы на уровне предложений, словосочетаний и отдельных слов.

5. Наиболее популярны риторические вопросы, которые призваны привлечь внимание студентов к определенным положениям лекции (112), например:

Well, aren't speed and velocity the same thing? What about distance and displacement, aren't they the same too?

What high-pressure cell can be responsible for? What weather phenomena we can see on the coast? How it can influence water temperature and other factors of coastal fog formation?

6. Риторические вопросы могут сопровождаться авторскими оценками, представляющими дополнительный стимул привлечения внимания студентов (*interesting, important*), и ответами на поставленный вопрос (70), например:

What does that mean? That's always interesting question. It means that if I throw a ball it will keep on going at the same velocity (speed and direction) unless a force of some kind changes it.

But what does that mean? It's important. That means when you add all the momentum from each object before and after the collision, they will equal each other as long as another force does not affect the system. That is what an isolated system means.

7. Наблюдается использование калькированного с русского типа расчлененного вопроса, вторая часть которого обычно означает, что задающий вопрос просит подтверждения уже известного всем факта (32), например:

Momentum – you probably heard that word before, but don't know much about it, yes?

The heavier something is and the faster it goes, the more momentum it has, correct?

Equations are like puzzles that need certain solutions in order to obey the rules of logic, right?

8. Вводится дополнительное подлежащее путем калькирования с русского синтаксической структуры эмфатического предложения с целью усиления значимости сообщаемой информации (44), например:

This salinity, it is intensively concentrated in the middle of the island rather than on its coasts.

They have a strong influence on the ground water recharge rate along the island's transverse axis, the island's morphology and internal structure.

But the differences have been less in recent years, mostly because of rising coastal temperatures, the differences in temperatures.

9. Чтобы подчеркнуть значимость отдельного словосочетания, лектор может повторять его в одном и том же высказывании (53), например:

So the fog continues to decline, and the fog declines every year, and soon you will see bad effects on the coastal forests.

*You know what is **Naive Physics**? **Naive Physics**, the name was given by Patrick Hayes in 1978 in his article, in his *Naive Physics Manifesto*. **Naive Physics**, it is the knowledge that people have about the surrounding physical world, changes in the physical world.*

10. Индивидуальной характеристикой лекторов может служить многократная повторяемость наречий *actually, certainly, probably, really* и др. (19), например:

***Actually**, we must use algebra and calculus to break these abstract spaces into pieces. We'll **certainly** see what the pieces are, then put them back together and get a **real** picture.*

*Economists may **probably** talk mainly to other economists but we, geographers, may **certainly** talk to everybody.*

*To answer that question is **really** difficult because it is unlikely that someone would find something like that.*

В Таблице 3 приведены величины частотности (на 1 тыс. слов) перечисленных выше ЯС, используемых лекторами для уточнения информации.

Таблица 3. Языковые средства, обеспечивающие уточнение информации в лекциях на ААЛФ

Языковые средства	Средняя частотн.	Языковые средства	Средняя частотн.
Индивидуально-личные знания лектора	3.4	Риторические вопросы с авторскими оценками	6.4
Подтверждение эрудиции лектора	6.8	Расчлененные вопросы	2.9
Авторская установка лектора	3.1	Дополнительные подлежащие	4.0
Знания лектора и его установка	2.0	Повторяемость словосочетаний	4.9
Риторические вопросы	10.3	Повторяемость наречий	1.7
Всего 45.5			

Если сложить величины частотности ЯС, обеспечивающих уточнение информации в лекциях на ААЛФ, в Таблицах 2 и 3, мы получим величину общей частотности – 78.9, значительно превышающую аналогичную величину в лекциях носителей АЯ – 62.6.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенный эксперимент дает основания утверждать, что, помимо указанных Д. Байбером четырех типов маркеров фактора уточнения информации, можно выделить еще десять групп ЯС, используемых для этой цели украинскими преподавателями в лекциях на ААЛФ.

Сопоставление суммарных величин частотности ЯС уточнения информации в лекциях носителей АЯ и в лекциях на ААЛФ показывает, что, во-первых, система культурно запрограммированных норм украинских лекторов побуждает их более эксплицитно выражать свое отношение к содержанию лекции. Во-вторых, для преподавателей, читающих лекции на ААЛФ, представление авторской установки и отношения к излагаемому содержанию, вероятно, имеет большее значение, чем для лекторов – носителей АЯ.

В последующих экспериментах эти выводы будут проверены и уточнены на более обширном фактическом материале.

Список литературы

1. Biber D. Dimensions of register variation: A cross-linguistic comparison / Douglas Biber // Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 428 p.
2. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English / Douglas Biber, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad, and Edward Finegan // Harlow, Essex: Pearson Education Ltd, 1999. – xxviii+1204 p.
3. Biber D. Tag descriptions / Doug Biber // American national corpus, 15 June, 1993. [Электронный ресурс] – режим доступа: americannationalcorpus.org/FirstRelease/Biber-tags.txt
4. Björkman B. English as the Lingua Franca of Engineering: The Morphosyntax of Academic Speech Events / Beyza Björkman // Nordic Journal of English Studies, vol. 7, No. 3, December 2008. – P. 103-122.
5. Csomay E. Academic lectures: An interface of an oral and literate continuum / Csomay Enikő // Novelty. – IATEFL-Hungary. – Volume 7, Issue 3, October 2000. [Электронный ресурс] – режим доступа: ludens.elte.hu/~deal/pages/novelty/htm2/vol73/csomay.htm
6. Friginal E. A corpus-based study of gender and age in blogs / E. Friginal // Language Forum. BNET Business Library, 2009. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://findarticles.com/p/articles/mi_7018/is_2_35/ai_n57675452/?tag=content;coll
7. Greere A., Räsänen A. Redefining 'CLIL' – towards multilingual competence. Lanqua subproject on content and language integrated learning. Year one report / Anca Greere, Anne Räsänen // Lanqua – language network for quality assurance, 2008. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.lanqua.eu/sites/default/files/year1report_CLIL
8. Mauranen A. Features of English as a lingua franca in academia / Anna Mauranen // Helsinki English Studies, 2010, vol. 6. – P. 6–28. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-6/>
9. Precht K. Stance moods in spoken English: Evidentiality and affect in British and American conversation / Kristen Precht // Text - Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse, Volume 23(2), 2003. – P. 239-257.

**MEANS OF INFORMATION ELABORATION IN ACADEMIC LECTURES
IN ENGLISH LINGUA FRANCA**

Borodina D. S.

The paper discusses linguistic means used to elaborate information content of lectures in academic English lingua franca (AELF), delivered by Ukrainian teachers. In addition to four types of markers of information elaboration used in academic lectures delivered by English speakers ten groups of linguistic means are found to be typical for Ukrainian lecturers' AELF reflecting their specific socio-cultural norms that determine their stance and attitude to the content.

Keywords: academic English lingua franca, Ukrainian lecturers, information elaboration.

УДК 811.166.1'42

**ФУНКЦИЯ ПОДВИЖНОГО ПЕРСОНАЖА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ШПАЛИКОВА
«ПО НЕСЧАСТЬЮ ИЛИ К СЧАСТЬЮ...»)**

Забашта Р. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
Симферополь
E-mail:zabrv@yandex.ru*

Статья посвящена характеристике способа построения подвижного персонажа в поэтическом тексте и иллюстрации его функциональной нагрузки в выражении идейно-образного содержания стихотворения Г. Шпаликова «По несчастью или к счастью...»

Ключевые слова: статичный и подвижный персонажи, стержневой элемент, интерпретация.

ВВЕДЕНИЕ

В зависимости от способа реализации противоречия между объективным явлением и его отражением в сознании художественного героя в лингвостилистике выделяют статичный и подвижный типы персонажей: «Статичный персонаж характеризуется тем, что его строй мысли и чувства не изменяется в пределах данного литературно-художественного произведения <...>. Специфика же подвижного персонажа заключается в том, его строй мысли и чувства изменяется в пределах данного произведения в каком-то определённом отношении...» [4, с. 186]. Наиболее важным этапом работы с художественным текстом представляется выявление семантики и системных качеств тех единиц, которые конституируют в тексте определенный персонаж.

Цель предлагаемой статьи – охарактеризовать способ построения подвижного персонажа в поэтическом тексте и проиллюстрировать его функциональную нагрузку в выражении идейно-образного содержания произведения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ю. М. Лотман отмечал: «Стихотворение состоит из слов. Кажется, нет ничего очевиднее этой истины. И тем не менее, взятая сама по себе, она способна породить известные недоразумения. Слово в стихе – это слово из естественного языка, единица лексики, которую можно найти в словаре. И тем не менее оно оказывается не равно самому себе. И именно сходство, совпадение его со «словарным словом» данного языка делает ощутимым различие между этими – то расходящимися, то сближающимися, но отделенными и сопоставленными – единицами: общеязыковым словом и словом в стихе» [3, с. 91].

Следует признать, что номинативные единицы в пределах произведения словесного искусства могут обладать совершенно не свойственными литературному

языку значениями. И в этом смысле наиболее важным оказываются как механизмы наведения сем, возможные при соотнесенности единиц в тексте, так и сопоставление элементов двух картин мира: обыденной (массовой) и оригинальной (индивидуально-авторской).

В статье Е. С. Кубряковой «О тексте и критериях его определения» обращает на себя внимание следующее замечание: «...в критерий текста следует включить его существование (потенциальное) в виде представителя особого парадигматического ряда, где самый сжатый текст находится в одном ряду с синонимичными ему развернутыми («нормальными») текстами и где в начальном тексте-примитиве уже содержится некая свернутая до предела программа его дальнейшего развития» [2, с. 20]. Можно применить данное понимание свойств текста и к тексту поэтическому: его восприятие всегда чем-либо опосредовано, а именно «программой его дальнейшего развития» в сознании реципиента. Таким образом, подвижный персонаж является ключевой единицей, анализ его мировоззренческих составляющих позволяет выявить смысл конфликта, послужившего причиной написания стихотворения.

В основе функционально-семантического подхода, используемого в данной работе, лежат следующие теоретические положения. Художественное произведение как система обладает рядом конститутивных моментов, которые определяют особенности функционирования текста в целом. К этим моментам относятся: 1) предметно-смысловое содержание; 2) субъективное, оценивающее отношение автора к предметно-смысловому содержанию; 3) конфликт (или противоречие) между представлениями автора о должном и желаемом и реальной действительностью; 4) набор соотнесенных между собой в пределах текста языковых средств (так называемых «ключевых слов», или «стержневого элемента»), которые отражают ход развития авторской мысли.

Выявление в художественном тексте ключевых слов стало необходимой практикой, однако о критериях выявления ключевых слов чаще всего говорить не принято. Данное замечание справедливо в отношении стратегии последующей интерпретации: выбирая определенные номинативные единицы в качестве основных в тексте, исследователь по сути выбирает определенный способ его истолкования. И здесь нам представляется важным говорить о поиске в стихотворении элементов двух картин мира: обыденной и индивидуально-авторской, поскольку сопоставление именно этих когнитивных моделей (массовой, утилитарной, с одной стороны, и новой, неожиданной, творческой, с другой) закладывает естественный выбор ключевых слов и словосочетаний, составляющих стержневой элемент текста.

Стихотворение Геннадия Фёдоровича Шпаликова «По несчастью или к счастью...» может послужить хорошим примером функции подвижного персонажа. Безусловно, в строе мыслей и чувств лирического героя «По несчастью или к счастью...» отражаются ценностные установки самого автора. Как известно, Геннадий Шпаликов потерял отца очень рано, и это стало одним из самых трагичных событий в его жизни. Вот что по этому поводу отмечает Владимир Бондаренко – один из авторов библиографического ресурса «Чтобы помнили»:

«...сам Геннадий Шпаликов острее других чувствовал <...> дыхание смерти, эту тоску по отцам не только потому, что его отец Федор Григорьевич Шпаликов, инженер-майор, погиб в Польше в 1945 году; конечно, эта утрата доминировала в его памяти, но еще и окружение его детское концентрировало в нем понимание сиротства, тотальной гибели отцов. В 1947 году, десятилетним пацаном он был отправлен в Киевское суворовское военное училище, куда принимали только детей погибших фронтовиков. И потому на его личные ощущения и страдания накладывались рассказы всех его друзей. Кто-то из них прошел оккупацию, видел виселицы, присутствовал при расстрелах. Вот это постоянное чувство военного детства стало главным в творчестве Шпаликова» [1].

В первых двух строфах стихотворения находит своё выражение следующая мысль: достижение человеком желаемого невозможно. Однако важно то, с помощью каких языковых единиц автор описывает «то, что ищем»: «прежние места», т.е. ‘бывшие прежде, относящиеся к прошлому’, «пепелище» – ‘место пожара, пожарище’ [5], т.е. то место, которое свидетельствует о существовании чего-либо ранее, но уничтоженном. Форма повелительного наклонения («не возвращайся», «не мути») и сравнительная конструкция «как брата» в третьем четверостишье формируют у читателя представление об обращённой к кому-то речи, как части разговора с тем, с кем персонаж, дающий совет, близок, с кем общается «на ты». В результате такого словоупотребления героем выражается мысль о не знающей исключений («ни тебе, ни мне...») недостижимости желаемого в действительности, в реальной жизни, более того, возвращение в места, связанные с какими-либо дорогими герою событиями или людьми из прошлого, вызывает большое внутреннее беспокойство и порождает мучительные сомнения («Душу не мути...»): мутить³ – ‘вызывать беспокойство, несогласие, недовольство; настраивать против кого-, чего-л.’. Именно эти сомнения и не дают герою возможности окончательно решить вопрос: как относиться к истине, которую он сам вывел, правильна ли она («По несчастью или к счастью...»). В третьей строфе героем высказано предложение о запрете для всех «путешествия в обратно»; этот запрет мыслится героем как возможное, но не категорически желательное средство преодоления своего внутреннего беспокойства, поскольку оно выражено в форме ирреальной модальности («...Я бы запретил»).

Примечательно словосочетание «путешествие в обратно»: путешествие – ‘поездка или передвижение пешком куда-л. далеко за пределы постоянного местожительства с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями’. Если в первых двух строфах для обозначения понятий ‘место, имеющее особое значение для героя’ и ‘действие, позволяющее обрести нечто значимое для героя’ употреблены такие единицы, как «прежние места», «пепелище» и «не возвращайся», «не найти» соответственно, то в третьей, четвёртой и пятой строфах данные понятия обозначены по-другому: «сорок пятый год», «там, где мама молодая и отец живой» и «путешествие в обратно», «рвану по следу»... Таким образом, в сознании героя возникает представление о фантастическом (и желаемом!) способе обретения чего-то очень важного, но оставшегося в прошлом. Вставная конструкция, выраженная в риторическом вопросе «Кто меня вернёт?»,

подчёркивает, усиливает истинное желание героя. Прошлое, в свою очередь, мыслится им как место: в сорок пятый год он хочет «рвануть по следу», т.е. ‘порывисто, резко тронуться с места, резким движением устремиться куда-л.’, и «на валенках» уехать, т.е. будучи обутом в русские сапоги – ещё один атрибут прошлого в сознании персонажа. Но путешествие, как известно, рано или поздно заканчивается...

Итак, предметом изображения в данном стихотворении выступает желание героя обрести что-то, относящееся к прошлому. Подавить его или найти правильный способ его удовлетворить – вот, в сущности, проблематика произведения. Исходную, экспозиционную часть текста составляют первая и вторая строфы; в них выражен обыденный взгляд на этот предмет с позиции здравого смысла: всякое стремление обрести прошлое недостижимо, обречено на провал. Следовательно, данное стремление должно восприниматься как нежелательное. Основную часть текста составляют третья, четвёртая и пятая строфы; в них происходит переосмысление желания персонажа: восприятие возвращения как обозримому «пепелищу» сменяется восприятием своего желания как возможности совершить «путешествие в обратном», в сорок пятый год, поскольку, только оказавшись там, можно «угадать» (т.е. ‘узнать по догадке, высказать правильное предположение относительно чего-л.’), «По несчастью или к счастью Истина проста»... Мыслимые как возможность будущего («...будет мама молодая И отец живой»), образы родителей вызывают у героя желательное удивление, восторг и упоение счастьем (вставная конструкция «боже мой!»).

Таким образом, стержневой элемент текста составляют три группы соотносительных единиц из исходной и основной частей стихотворения:

1) единицы, выражающие семантику места, имеющего особое значение для героя: «прежние места», «пепелище» / «сорок пятый год», «там, где... будет мама молодая и отец живой»;

2) единицы, выражающие семантику действия, позволяющего (не позволяющего) обрести нечто значимое для героя: «не возвращайся», «не найти того, что ищем», «не мути» и «путешествие в обратном», «рвану по следу», «на валенках уеду»;

3) единицы, выражающие семантику обстоятельств и причин, определяющих эмоциональное состояние героя: «по несчастью или к счастью» и «угадаю».

Функция подвижного персонажа в данном тексте заключается в способности героя изменять отношение к своему желанию. Благодаря этому новому отношению герой получает возможность принятия единственно верного решения для себя. Если в исходной части текста речь идёт об объективном положении дел, то в основной части нарисована картина субъективного переживания – путешествия в мир сокровенного. Именно в третьей строфе изображена озабоченность героя, связанная с поиском того, что на самом деле способно сделать его счастливым.

Таким образом, это стихотворение о том, что узнать, какое на самом деле воздействие (положительное или отрицательное) оказывает на человека дорогое ему прошлое, можно только тогда, когда человек не пытается предать это прошлое

забвению. Это стихотворение о преодолении страха перед беспомощностью настоящего перед лицом прошлого. Это стихотворение о честности перед самим собой.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1) выявление ключевых слов не может быть произвольной, беспредпосылочной лингвостилистической операцией: выбор составных частей стержневого элемента текста подчинен результатам сопоставления двух когнитивных моделей, отражающих обыденный и индивидуально-авторский взгляд на предмет изображения;

2) противоречие, лежащее в основе произведения, выражается в том числе в развитии отношения героев к чему-либо: статичный персонаж характеризуется тем, что его строй мысли и чувства не изменяется в пределах данного текста, подвижный персонаж отличается тем, что его строй мысли и чувства изменяется в пределах данного произведения в каком-то определённом отношении; при этом изменение строя оценивается как таковое в результате сопоставления с системой «нормальных», привычных для людей взглядов;

3) выявление групп соотносительных единиц из исходной и основной частей стихотворения позволяет перейти от анализа содержательной стороны текста к его синтезу, т.е. к учету всех системных особенностей и описанию динамики отношения персонажа к определенному предмету;

4) функция образности поэтического текста заключается не в выражении идейного содержания, а в её формировании, осмыслении, в том числе с помощью структур подвижного персонажа.

Список литературы

1. Бондаренко В. Шпаликов Геннадий Фёдорович / В. Бондаренко // Библиографический ресурс «Чтобы помнили». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chtoby-romnili.com/page.php?id=771> (дата обращения: 20.02.2015).
2. Кубрякова Е. С. Текст и его понимание / Е. С. Кубрякова // Российско-американский журнал по русской филологии. – Лоуренс, Дерем США, СПб. : Россия, 1994. – № 2. – С. 18–25.
3. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб., 1996. – С. 91–94.
4. Рудяков Н. А. Основы анализа художественного текста // Рудяков А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – М. : Флинта : Наука, 2013. – С. 175.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

**FUNCTION OF MOBILE CHARACTER IN A POETIC TEXT: INTERPRETATIVE
ASPECT (ON THE EXAMPLE OF POEM
G. SHPALIKOV “ПО НЕСЧАСТЬЮ ИЛИ К СЧАСТЬЮ...”)**

Zabashta R.V.

The article is devoted to the method of constructing the mobile character in a poetic text and the illustrations its functional load in terms of ideological and imaginative content of G. Shpalikov's poem “По несчастью или к счастью...”

Keywords: static and mobile characters, core element, interpretation.

УДК 81'373.49

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯВЛЕНИЯ ЭВФЕМИИ

Логвина С. А., Сахно Е. М.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: yekaterina-s@yandex.ru*

В статье проанализированы основные подходы к изучению эвфемизмов, а именно: лингвистический, социолингвистический, психолингвистический и прагматический. Представлена классификация эвфемизмов с точки зрения их социальной природы, сфер функционирования и использования в языке. Определены семантические характеристики и прагматическая направленность изучаемого явления.

Ключевые слова: эвфемизм, функциональный аспект, прагматика, вторичная номинация, эмоционально-оценочные единицы.

ВВЕДЕНИЕ

Эвфемия является многоаспектным языковым явлением, которое обусловлено экстралингвистическими факторами и имеет, кроме собственно лингвистической, социальную, психологическую, культурную природу. В рамках современных научных подходов эвфемизмы изучают также в аспекте речевой прагматики как явление, которое играет важную роль в обеспечении эффективной коммуникации.

Сферой активного употребления мелиоративной и пейоративной лексики является публицистика, язык которой регулируется ценностно-нормативными установками общества и национально-культурными особенностями.

Актуальность исследования эвфемизмов обусловлена обращением к антропоцентризму в языке, к проблемам речевого воздействия, функционального аспекта единиц языка. В эвфемизмах как единицах вторичной номинации ярко проявляется человеческий фактор, ведь они мотивированы психологически и социально, отражают оценку адресантом определенного явления.

Исследование эвфемизмов проводится по многим аспектам на материале различных языков.

В российском языкознании вопросы функционирования эвфемизмов поднимались в работах А. А. Реформатского, Л. П. Крысина, В. П. Москвина, А. М. Кацева, Н. И. Формановской, Т. Л. Павленко, В. С. Санникова, О. П. Сеничкина, Л. Н. Саакяна, Н. В. Прядильниковой. В германистике проблеме эвфемии посвятили свои труды Э. Партридж, Дж. Лоуренс, К. Барридж, К. Аллен, Дж. Неман, К. Сильвер, С. Люштенберг, Е. Даннингер, Н. Зульнер.

Цель статьи предусматривает анализ основных подходов к изучению эвфемизмов, выяснения основных аспектов их анализа, классификацию эвфемизмов с точки зрения социальной природы, сфер функционирования и использования эвфемизмов в языке, а также изучение семантических характеристик и прагматической направленности этого явления, что позволит глубже понять

сущность процессов эвфемии и необходимо для дальнейших исследований указанных языковых единиц.

Изучение эвфемизмов происходит в пределах социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики и речевой прагматики. Это позволяет выделить следующие основные направления их исследования, а именно: социокультурное (Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Б. А. Ларин), психологическое (А. С. Куркиев, В. П. Москвин, М. С. Ретунская, В. Ю. Харитоновна), прагматическое (Т. М. Абакова, Т. С. Бушуева, Н. А. Ванюшина, К. Аллан, К. Барридж) и собственно лингвистическое (Н. М. Бердов, А. М. Прудивус, Н.В. Прядильникова, Н. М. Потапова и др.).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Социокультурное направление предусматривает связь эвфемизмов с табу, употребление их различными социальными слоями населения, представителями разных возрастных групп в зависимости от специфики коммуникативных ситуаций, а также гендерные особенности использования эвфемизмов в речи.

В социокультурном направлении можно выделить исторический аспект исследования эвфемии, который сосредоточен преимущественно на решении вопроса о связи эвфемизмов с древними табу. С существованием табу, верой в магию слова возникновение эвфемизмов связывает Б. А. Ларин. Табуированию подлежали имена богов, нечистой силы, названия животных. Но в то же время ученый подчеркивает, что нужно четко разграничивать слова-эвфемизмы древних религий и современные эвфемизмы, мотивы создания которых не касаются религиозных предрассудков [6].

По мнению В. П. Москвина, основные носители эвфемизмов – средняя прослойка населения. Б. А. Ларин, исследуя социальную природу эвфемизмов, выделяет следующие типы этих языковых единиц: общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка, классовые и профессиональные эвфемизмы, семейно-бытовые эвфемизмы. Употребление эвфемизмов в социолектах он связывает с желанием говорящих «засекретить» свою деятельность [6].

Функционирование эвфемизмов обусловлено социальной ситуацией общения. Чем официальнее ситуация общения, тем больше внимания обращает говорящий на выбор языковых единиц и, соответственно, тем больше вероятность использования эвфемизмов. Во время свободного общения, которое не предусматривает официальности и высокого уровня контроля над речью, возможно применение дисфемизмов [1, с. 19]. Именно этим обусловлена особенность употребления эвфемистической замены учитывая стилевую дифференциацию речи. Самым продуктивным является использование эвфемизмов в разговорно-бытовом, художественном и публицистическом стилях речи, ограничено их употребление – в научном и официально-деловом.

Гендерный фактор также играет значительную роль в употреблении эвфемизмов. Его влияние обусловлено, в первую очередь, желанием избежать дискриминации человека по его половой принадлежности, уважительным

отношением к личности. Эвфемистическая лексика свойственна преимущественно речи женщин. Такая лексика касается тем, связанных с физиологией, внешностью и профессиональной деятельностью.

Психологическое направление исследования эвфемизмов объединяет психолингвистический и когнитивный аспекты. В психологическом направлении рассматриваются мотивы эвфемии, их эмоционально-оценочный фактор, ассоциативность, роль эвфемизмов в когнитивной деятельности человека.

Мотивы, побуждающие говорящего к употреблению эвфемизмов разнообразны. Это чувство суеверия и страха, сострадания, стыда, вежливости. Мотивы, непосредственно связанные с эмоциональной сферой человека. Так, А. М. Кацев классифицировал мотивы, которые вызывают возникновения эвфемизмов, беря за основу три эмоциональные сферы: страшного, одиозного и стыда [4]. Употребление эвфемизмов направлено на предупреждения негативных эмоций, дисфемизмов – на их провокацию. По своему воздействию, а именно, по впечатлению от сказанного, дисфемизмы эмоционально более насыщены, поскольку негативные эмоции воспринимаются человеком острее, а положительные считаются нормой общения.

Неотъемлемым условием функционирования эвфемизмов есть их понимание, адекватное трактование обоими участниками коммуникации.

Толкование единиц вторичной номинации зависит от контекста общения и обеспечивается способностью человека ассоциативно мыслить. Чтобы понять эвфемистический заменитель, у говорящего должны возникнуть правильные ассоциации, которые дадут ему возможность соотнести субститут с денотатом [9, с. 49].

Также привлекает внимание ученых эвфемистическая лексика как репрезентация концептов. Роль эвфемизмов в концептуальном отражении действительности проанализирована в трудах Л. В. Порохницкой, Н. В. Терещенко, В. Ю. Харитоновой, Ю. В. Алексиковой, А. С. Цидендамбаевой.

С социальным и психологическим направлением исследования тесно связано и прагматическое направление. Прагмалингвистические особенности эвфемизмов заключаются в воздействии этих языковых единиц на адресатов речи. Основной прагматической целью принятия эвфемизмов Т. М. Абакова считает стремление избежать коммуникативных конфликтов, связанных с наименованием умственных, физических недостатков и отношений между полами [1, с. 22]. Эвфемизмы используются для замены нежелательного высказывания. Важным является установление субъекта, для которого высказывание нежелательно: для адресата, для адресанта или для обоих участников коммуникации. Например, таким субъектом-инициатором употребления эвфемизмов в освещении политических и экономических вопросов в публицистике является адресант, который осуществляет манипулятивное воздействие на адресата.

Эвфемизмы – прагматично маркированные единицы [8]. Из-за влияния на адресата речи эвфемизмы являются прагматичными оппозициями. Использование этих языковых единиц является средством реализации прагматики речи. Образование эвфемизмов обусловлено прагматичным принципом вежливости.

Среди функций речевого воздействия эвфемизмов выделяют функцию манипулирования, вуалирования, самозащиты; а у дисфемизмов – дискредитации, акцентирования.

Прежде всего следует отметить, что прагматический аспект значения – составная часть языковой единицы, содержит указание как данное наименование и относится к определенной коммуникативной ситуации (формальной – нейтральной – неформальной). В семантике языковой единицы закреплено указание на тот регистр, в котором она преимущественно функционирует.

В каждом коммуникативном регистре, в каждой социальной группе и в каждом отдельном территориальном варианте языка существуют свои эвфемизмы, созданные на основе общей потребности в вуалировании различных явлений действительности.

Русский лингвист Л. П. Крысин отмечает, что, в общем, употребление эвфемизмов зависит от социального контроля языковой ситуации и контроля собственной речи самим говорящим, чем жестче этот контроль, тем более вероятно появление эвфемизмов; и наоборот, в слабо контролируемых речевых ситуациях, при высоком автоматизме языка (например, при общении в семье или с друзьями) вместо эвфемизмов могут использоваться «прямые» определения или дисфемизмы, то есть более грубые, пренебрежительные определения.

Эвфемические слова или выражения способны вуалировать факты и события, имеющие для общественного сознания заведомо неблагоприятную систему оценок и вызывающие антипатию. Лингвистическая природа эвфемизмов выражается в том, что они отвлекают внимание реципиента от запретного понятия и, таким образом, являются эмоционально-нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений.

Рассмотрим основные функциональные типы эвфемизмов:

- Давно отмечено, что эвфемизмы могут быть использованы для замены «конкретных названий предметов и явлений, которые ругают» [5, с.51].

Например, объектом эвфемической замены могут также стать названия некоторых болезней, приводящих к смерти: «neoplasm», «new-growth» (новообразования) вместо «cancroid» (раковая опухоль), но в данном примере целесообразно отметить, что слово «cancroid» является прямым названием разновидности болезни – рака кожи, то есть в дальнейшем требует эвфемической замены.

- Эвфемизмы используются при нежелании прямо называть что-то неприятное или отвратительное. Например, вместо слов, непосредственно называют насекомых-паразитов: «louse» (вошь), «bedbug» (клоп), «flea» (блоха), принято использовать описательные и косвенные наименования: «vermin» (паразит), «insect»(насекомое).

- Эвфемично может быть обозначено то, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным. Б. А. Ларин считает, что такого рода эвфемизмы именуется бытовыми, по той причине, что для этого разряда эвфемизмов характерно ограничение круга представлений из сфер физиологии и анатомии человека, а также их функционирование в основном в разговорной речи [3, с.113].

- Эвфемизмы, связанные с этикетом. Эвфемизмы этого типа используются, когда говорящий избегает прямого наименования из боязни обидеть собеседника. В этом случае замене подлежат слова вполне приличные, однако, с точки зрения говорящего, оскорбительные для того, кого они касаются.

- Достаточно значимым является пласт эвфемизмов, которые используются для искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого [1, с.590]. Разновидностью «маскирующих» эвфемизмов являются политические эвфемизмы, целью которых является обман общественного мнения и выражения чего-то неприятного более деликатным способом.

- Случаи, когда с помощью эвфемизмов обозначают непрестижные, с точки зрения данного социума, профессии и организации. В современном английском языке довольно значимым является класс эвфемизмов, выполняющий функцию «повышения статуса профессий, связанных с неквалифицированной и черной работой» [7, с.357]. Например: «sanitationengineer» (санитарный инженер) и «waste-reductionmanager» (менеджер по сокращению отходов) вместо «garbageman» (мусорщик) «Buildingmaintenanceengineer» (инженер по уходу за домом) вместо «janitor» (дворник).

Надо помнить, что между семантикой и прагматикой существует сложная диалектическая связь - своеобразная диффузия. Так, в понимании Дж. Лича, семантика подразумевает смысл, а прагматика силу воздействия на реципиента [10, с.17].

ВЫВОДЫ

Итак, подытожив вышесказанное, мы приходим к выводу, что эвфемизмы - единицы вторичной номинации, возникновение которых обусловлено социально-психологическими факторами. В языке эвфемизмы появляются по ряду прагматических причин:

- Из принципа вежливости (при создании эвфемизмов, смягчающие различные виды физических и умственных недостатков)
- В силу принципа табуирования (при создании эвфемических замен прямым номинациям явлений болезней или смерти)
- По причине регулятивного принципа воздействия на массового реципиента (при создании эвфемизмов в политической сфере);
- С прагматической установкой засекретить свою деятельность (о создании эвфемизмов в социальных диалектах различных нелегальных групп, а также в сфере военного вооружения и определенных военных действий государства).

В результате прагматической вариативности (миграции эвфемизмов за пределы социальных диалектов), слово теряет свой эвфемический эффект и переходит из разряда слов с мелиоративным характером к разряду прямых наименований объектов или явлений. Исходя из этого, меняется и прагматический эффект высказывания: вместо успокоительного, улучшенного оно превращается в

отрицательное, и слова, которые до этого были эвфемизмами, в дальнейшем могут потребовать новой эвфемической замены.

Эвфемизмы имеют мощный прагматический потенциал, свою специфику функционирования в различных стилях языка и речи, что требует дальнейшего исследования в лингвистике.

Список литературы

1. Абакова Т. Н. Парадигматические отношения и семантико- прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка (на материале текстов британской прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. Н. Абакова. – Саратов, 2007. – 144 с.
2. Арапова Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Большой энциклопедический словарь / Яреца -е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 590. □ гл ред В И
3. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. :Высш. шк., 1989. – 56 с.
4. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л. :Изд- во ЛГПИ, 1988. – 80 с. ISBN 966-7773-70-1. Гуманітарнаосвіта в технічнихвищихнавчальних закладах. Київ, 2012 235
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. –Берлин, 1994. – № 1 – 2. – С. 28–49.
6. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные труды) / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. – М. : Просвещение, 1977. – С.101–114.
7. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–70.
8. Прядильникова Н. В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика :дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Прядильникова. – Самара, 2007 – 179 с.
9. Ягенич Л.В. Личность современного врача в поликультурном языковом пространстве / Л.В. Ягенич // Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития науки в области педагогики и психологии». – Челябинск: ИЦРОН, 2014. – С. 48-50.
10. Allan K. Forbidden words : Taboo and the Censoring of Language / K. Allan, Burridge K. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 300 с.

THE FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECT OF EUPHEMISM PHENOMENON

Logvina S. A., Sakhno Y. M.

The article analyzes the main approaches to studying of euphemisms, properly linguistic, sociolinguistic, psycholinguistic, pragmalinguistic. Classification of euphemisms in terms of their social nature, areas of functioning and their practical usage is presented. Semantic features and pragmatic orientation of the phenomenon are defined.

Key words: euphemism, functional aspect, pragmatics, secondary nomination, emotional and evaluation units.

УДК 8011: 8017

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Петренко А. Д., Поповская А. Я.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aldpetrenko@mail.ru
E-mail: anna.popovskaya@gmail.com*

Современный период развития социолингвистики ставит перед языковедами задачу всестороннего и углубленного изучения проблем языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками говорящих. Важным направлением современных исследований является также поиск источников языковых (звуковых) изменений как в плане синхронии, так и в плане диахронии. Определение связей на реальном материале с социальными структурами открывает возможность для решения этих проблем и выводит подобные исследования в ряд наиболее важных и актуальных для лингвистики.

Ключевые слова: языковая вариативность, социальный признак, языковое изменение, многоязычие, принцип экономии в языке

ВВЕДЕНИЕ

Одной из проблем, к решению которой позволяет, на наш взгляд, приблизиться лингвистическая наука в настоящее время, является проблема развивающихся языковых изменений на всех уровнях языковой системы. Если в области лексики или семантики подобные явления могут быть подвергнуты практически «визуальному» наблюдению, то на уровне грамматики это требует более сложных методов регистрации и контроля, не говоря уже о фонетике и фонологии. Изменения в языке охватывают в той или иной степени все уровни его структуры. Вряд ли можно было бы утверждать, что некоторые из них «отстают» в своем развитии или остаются неизменными, незатронутыми.

В лингвистике нередко звучат довольно категоричные утверждения в оценке языковых изменений. Так, по словам Е. Хаугена, некоторые внешние причины для бессознательных языковых изменений можно принять лишь с большими предосторожностями. Ни климат, ни оккупация, ни физиология, ни характер, ни история не могут быть причинами, вызывающими такие глубокие языковые изменения, как передвижение германских согласных или сдвиг гласных в английском языке, умлаут и потерю окончаний в большинстве романских и германских языков [19, с. 229-237].

С подобным утверждением можно согласиться лишь в том смысле, что ни одно из приведенных выше внешних факторов и условий не вызывало непосредственно те или иные изменения в языке. Однако то, что эти языковые изменения связаны с изменениями в общественной жизни – бесспорно. Необходимость поиска источников языковых изменений, а также возможность их объяснения с помощью постоянных элементов или переменных признаков социальной системы привели лингвистов к исследованию более тесных и тонких взаимоотношений языка и общества.

Нельзя отрицать того очевидного факта, что возникшие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие – взаимодействие контактирующих языков, приводят к серьезным изменениям в структуре языка и, в частности, к довольно существенной перестройке фонологических систем. Е. Хауген абсолютно прав, утверждая, что нет языков, которые изменяются сами по себе, но есть люди, которые изменяют языки.

Немецкий лингвист Г. Вольф полагает, например, что древневерхненемецкое передвижение согласных началось в среднефранкском сначала только у одной социальной группы, а именно, у аристократии, которая искала из политических соображений языкового союза с верхненемецкими племенами [26]. Автор обнаруживает возникновение и развитие языкового изменения в пределах отдельной социальной группы и относит подобное явление к понятию т.н. «*престижаэлиты*». Очевидно, что языковые изменения не одноразовый акт, а довольно длительный процесс. Вначале он происходит на идиолектном уровне. После принятия его более широким коллективом говорящих индивидуальное изменение получает шанс быть признанным языковым сообществом. Еще в 30-е годы прошлого столетия мнения лингвистов о влиянии социальных факторов на языковое развитие и причины языковых изменений были часто абсолютно полярными. Достаточно привести лишь два из наиболее авторитетных. Так, например, А. Мейе считает, что «социальное изменение служит единственным варьирующим элементом, к которому можно обратиться для объяснения языковых изменений, так как языковые изменения представляют собой последствия социального варьирования, иногда непосредственные и прямые, но гораздо чаще опосредованные и косвенные» [22, с. 240].

Довольно категорично в этой связи звучит точка зрения Л.Блумфильда: «Хотя многие звуковые изменения сокращают лингвистические формы, упрощают фонетическую систему, или любым другим образом уменьшают трудность высказывания, до сих пор ни одному исследователю не удалось установить корреляцию между звуковыми изменениями и предыдущим явлением – причины звукового изменения неизвестны» [18, с. 386].

Тем не менее, лингвисты продолжали выдвигать теории, в которых объясняли звуковые изменения только формальными признаками, такими, например, как упрощение правил, экономия речевых усилий и т.п. Позднее ряд языковедов отвергли более раннее утверждение об упрощении и признали точку зрения, высказанную А. Мейе (1921) и Ф. де Соссюром (1922) о том, что спорадическая природа звукового изменения дает возможность объяснения через любой постоянный фактор в фонетической системе. Таким образом, впервые была высказана мысль о том, что объяснения меняющегося хода звукового изменения должны принимать во внимание параллельные изменения в структуре общества. Это подтвердило и одно из первых полевых исследований в данной области, проведенное в начале XX-го века Л. Гоша. Автор обнаружил, что в небольшом поселке французской Швейцарии Шармее, представители пяти поколений по-разному произносили пять гласных и один согласный и рассматривал данный факт как указание на развивающееся языковое изменение [20]. При объяснении таких

явлений не всегда срабатывал принцип «упрощения правил» или «наименьших усилий», выдвинутый позднее А. Мартине [13, с. 214], особенно, когда речь шла не о сокращении, а о расширении звуков. Позднее подобные цепи видоизменений были обнаружены лингвистами разных стран, в том числе У. Лабовым в Нью-Йорке [23; 25]. Одно часто используемое объяснение языковых изменений относит подобные сдвиги на счет заимствований из диалектных разновидностей, пользующихся более высоким престижем. Но если действие этого фактора, как отмечает У. Лабов, можно наблюдать во многих сельских районах, то в больших городах изменения возникают в центре пролетарских районов, причем пользующийся низким социальным престижем городской диалект становится все более и более отличным от диалекта среднего класса. Во всех до сих пор исследованных случаях фронт языкового сдвига проходит в пределах центральных групп общества, а неравномерное распределение по классам закономерно сочетается с протеканием языковых изменений [24].

Подбирая соответствующие объяснения подобным явлениям, функционалистическая теория следует общему положению, что принцип звуковой системы заключается в различении слов и, таким образом, в передаче референционного значения. А. Мартине выдвинул предположение о том, что многие звуковые сдвиги можно объяснить, исходя из функциональной роли звуковой системы: цепи сдвигов выявили тенденцию системы сохранять различия, стиранию которых угрожает принцип наименьших усилий [21]. Однако так же часто, как мы встречаем цепи изменений, противостоящих смещению значений, наблюдаются и изменения, приводящие к постепенному стиранию и потере различий. Ряд разговорных и диалектных произносительных форм языка возможно идентифицировать, лишь принимая во внимание языковой контекст или соответствующие формы стандартного произношения, где подобные реализации выступают нередко в другом значении. В свою очередь, взаимодействие таких вариантов неизбежно сказывается как на норме стандартного произношения, так и на функционировании разговорного языка и местных диалектов.

Лингвистами не раз подчеркивалось, насколько малую роль могут играть функциональные ограничения в свете мощных и трудно предсказуемых процессов, сущность которых является объектом современных исследований [11; 12; 6; 14; 2]. Данные процессы связаны, вне всякого сомнения, и с дифференциацией населения, так что представителям одного поколения становится все труднее понимать лиц, принадлежащих к другому поколению. Это же касается различий внутри языковых сообществ, то есть речи представителей разных социальных групп, особенностей мужских и женских вариантов произношения, своеобразия языка детей и т.д. По справедливому замечанию В.М. Бухарова, языковая деятельность группы говорящих любого уровня имеет одинаковую регулятивную основу: принципы социального контроля и престижности, что находит свое отражение в языковой норме [3, с. 10]. А поскольку исследователи ограничиваются чаще всего рамками функционального подхода к языку как к средству передачи информации, то многие изменения становятся часто трудно объяснимыми и парадоксальными с позиций традиционного подхода.

Важная роль отводится и межъязыковой интерференции, которая представляет собой неизбежный результат любого двуязычия, в том числе и близкородственного, что объясняется рядом факторов. Так, в условиях взаимодействия близкородственных языков интерференция не всегда оказывает существенное влияние на результат коммуникации. В таком случае говорящий часто не задумывается над тем, единицы какого языка он использует в своей речи [10, с. 226]. Следует отметить, что чаще всего один из функционирующих в социуме языков подвергается большей интерференции, чем другой. Данное обстоятельство связано с различными внеязыковыми факторами, которые предполагают доминирование одного языка над другим. При лингвистическом изучении языковых контактов допускают две точки зрения: в основу первой кладется допущение о дивергенции контактирующих языков, в основу второй – допущение об их конвергенции. [8, с. 3-25]. Сравнительно-исторические исследования ставили главной своей целью реконструкцию общих источников, к которому восходят исследуемые языки, и «чужое» в родственных языках привлекало внимание в основном постольку, поскольку не укладывалось в схемы генетической реконструкции.

В 1900 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал новую концепцию языкознания. Наряду со сравнительно-историческим сопоставлением генетически родственных языков и типологическим сопоставлением языков независимо от их родства, автор предложил также «сравнительное обозрение двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» [1, с. 392]. Подход к явлениям языкового контакта с точки зрения конвергенции языков легко прослеживается в дальнейшем в работах ученых, воспринявших идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ о единстве сравнительно-исторического, типологического и ареального описания языков. Основоположники теории языковых контактов (Г. Шухардт, И.Г. Асколи, И.А. Бодуэн де Куртенэ, М.Г. Бартоли и др.) отмечали связь с теорией стратов – субстратов (чертами языковой системы, восходящей к языку народа-побежденного при обязательном этническом смешении), суперстрата (чертами языковой системы, восходящей к языку народа-победителя при обязательном этническом смешении) и адстрата (смешанного билингвизма, имеющего место при интенсивном языковом контакте). Последний термин, введенный М.Г. Бартоли, широкого распространения в лингвистике не получил, и в настоящее время для обозначения этого феномена обычно используется термин «смешанный билингвизм» [15, с. 292; 1, с. 392].

На рубеже 19–20 вв. в лингвистике активно рассматривалась проблема возможности или невозможности так называемого «смешения языков» в свете теории языковой конвергенции. Этот период считается началом изучения языковых контактов. По мнению Г. Шухардта, речевое общение между двумя языковыми коллективами ввиду затрудненности акта коммуникации ведет к конвергентному переустройству контактирующих языков. Г. Шухардт впервые рассмотрел конвергенцию языков как естественное и необходимое проявление коммуникативной функции языка, как удовлетворение «потребности в

установлении взаимопонимания» [15, с. 292]. С позицией Г. Шухардта о смешении языков не были согласны представители младограмматического направления [7, с. 311]. Из лингвистической практики младограмматиков можно заключить, что язык есть законченное целое, подверженное внешним воздействиям, но при этом фонетическая и морфологическая основы языка оставались чуждыми по отношению к внешним влияниям. С позицией младограмматиков по этому вопросу совпала в дальнейшем и позиция структуралистов, рассматривавших фонетический и морфологический уровни языка как закрытые системы.

Итог дискуссии о смешении языков подвел Л.В. Щерба в статье «О понятии смешения языков», предложив заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков», так как «смешение» подразумевает, что оба языка, находящиеся в непосредственном контакте, могут в равной степени участвовать в образовании нового языка [16, с.40]. Л.В. Щерба разграничил во взаимном влиянии языков два различных процесса, зависящих от типа сосуществования двух языков в индивидууме: заимствование и смешение. Заимствование характерно для двуязычия (под которым Щерба понимал существование в сознании индивида двух отдельных систем ассоциаций, не имеющих между собой контакта). Смешение характерно для ситуации, когда два языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций, т.е. когда два сосуществующих языка образуют только один язык, который автор называет «смешанным языком с двумя терминами» [16]. Необходимо подчеркнуть, что смешанный язык с двумя терминами – не гибридный новый язык, образовавшийся путем слияния контактирующих языков, а промежуточная система между двумя языками с одним рядом означаемых, которому соответствуют два ряда означающих. Хотя некоторые лингвисты (Гавранек, Росетти) продолжали употреблять термин «смешение языков», признавая возможность смешения морфологических систем контактирующих языков, большинство ученых придерживается точки зрения, что смешение однородных систем невозможно [5, с. 94-111]. В.Н. Ярцева отмечает, что «прогрессирующее в 20 веке понимание языка как «системы систем» дало повод утверждать, что в языке каждая часть должна гармонично сочетаться с соседними, поэтому нельзя заменить одну часть какой-либо системы куском другой, не подвергая ее риску полного разрушения. Смешение сравнительно легко может происходить в тех языках, системы которых не имеют достаточного внутреннего сцепления, но язык тем более сопротивляется смешению, чем более развитые и более соразмерные системы он в себе включает. Поэтому языки типа «пиджин» или креольские языки как бы «выводились за рамки «настоящих» языков... наблюдать смешение можно лишь между различными уровнями языков, например, грамматической системой одного языка и лексической системой другого и т.д. Однородные системы могут только исключать друг друга» [17, с. 12-23]. Как отмечает А.Е. Карлинский в работе «Основы теории взаимодействия языков», билингвизм и языковые контакты – две стороны взаимодействия языков. Билингвизм – отражение экстралингвистического аспекта, языковые контакты – отражение внутрilingвистического аспекта взаимодействия языков. В центре внимания исследований по проблемам билингвизма – двуязычный индивид (психоллингвистический аспект явления) или двуязычное общество

(социолингвистический аспект явления). В фокусе исследований по теории языковых контактов – собственно языковые особенности взаимодействия языков [9, с.48].

Классиком исследования билингвизма и языковых контактов в зарубежной структурной лингвистике является У. Вайнрайх. В работах автора четко очерчен круг вопросов, связанных с изучением билингвизма и языковых контактов в лингвистике, суммируется весь опыт изучения языковых контактов, подробно и комплексно рассмотрены лингвистические особенности. По мнению У.Вайнрайха, проблема двуязычия заключается в том, «чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом, выявить те различия между системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать, таким образом, наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием» [4, с.20-68]. У.Вайнрайх подробно рассматривает языковые контакты на всех уровнях системы языка и анализирует природу и особенности фонетической, грамматической и лексической интерференции. Автор отмечает, что часть спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения, но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков. Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами) для заимствования достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров. При определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций [4].

Основным условием для лексического заимствования У. Вайнрайх считает «ощущение лексического дефицита» (“lexicalgap”). Этот тезис особенно актуален для лексических единиц, обозначающих элементы культуры контактирующих языковых общностей. У. Вайнрайх рассматривает основные механизмы лексической интерференции (перенесение иностранного слова и заимствование путем подстановки).

ВЫВОД

Выбор механизма лексической интерференции при языковом контакте обусловлен, таким образом, сложным комплексом социокультурных и грамматических факторов –языковой политики и идеологии общества на данном этапе языкового контакта, структурными характеристиками контактирующих языков и т.д.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэне И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртэне. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 392 с.
2. Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике / У. Брайт. – М.: Наука, 1975. – Вып. 7. – С. 34-41.
3. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка / В. М. Бухаров. – Нижний Новгород, 1995. – 138 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика / У. Вайнрайх. – М.: Прогресс, 1999. – Вып. III. – С. 20-68; Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике / Б. Гавранек. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 94-111.
5. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. / Дж. Гамперц. – М.: Наука, 1975. – Вып. 7. – с. 182-199.
6. Герд А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 457 с.
7. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М., 1957. – 400с.
8. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции / А.Е. Карлинский: Дис. ... докт. филол. наук. – К., 1980. – 48 с.
9. Курохтина Т.Н. Межязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия / Т.Н. Курохтина: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.03. – М., 2010. – 226 с.
10. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. – Вып. 7. – М.: Наука, 1975.
11. Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования / У. Лабов // – М.: Наука, 1976. – С. 5 -31.
12. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. / А. Мартине. – М.: Наука, 1960. – 261 с.
13. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике / Д.Х. Хаймс. – М.: Наука, 1975. – Вып. 7. – С. 43-94.
14. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Г. Шухардт. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 292 с.
15. Щерба Л. В. О понятии «смешение языков» // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1958. – С. 40.
16. Ярцева В.Н. Языки мира – проблемы описания и классификация / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1971. – С. 12-23.
17. Bloomfield L. Language. / L. Bloomfield. – New York: Henry Holt, 1933. – 386 p.
18. Haugen E. Social factors of sound change. // Proceedings of the IX - th International Congress of Phonetic Sciences. / E. Haugen // – Copenhagen, 1980. – Vol. III. – pp. 222-237.
19. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. // Ausromanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich 20. Morf. / L. Gauchat. – Halle, 1905.
20. Martinet A. Economie de changements phonétiques / A. Martinet. – Berne, 1955.
21. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. / A. Meillet. – V. 1., Paris, 1926. – 240 p.
22. Labov W., Yeager M., Steiner R. A quantitative study of sound change in progress. Report on National Science Foundation Grant GS – 3287. / W. Labov, M. Yeager, R. Steiner. – Philadelphia, 1972.
23. Labov W. The social stratification of English in New York city. / W. Labov // – Washington: D.C., 1966.
24. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. / P. Trudgill. – Cambridge, 1974.
25. Wolf H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht. // Germanistische Linguistik. / H. Wolf. – Olms. – Varia 1, 1970. – Nr. 6. – 700 S.

LANGUAGE CONTACT AND THE PROBLEM OF LINGUISTIC CHANGES

Petrenko A. D, Popovskaya A. Y.

The modern period of the sociolinguistics development places linguists before the challenge of the comprehensive and in-depth study of the problem of the language variation, connected with the speakers' various social markers. The important direction of the modern researches is also the search of the sources of linguistic (acoustic) changes in terms of both synchrony and diachrony. Defining the connections with the social structures on the real material opens up a possibility to solve these problems and makes similar researches the most important and urgent for the linguistics.

Key words: language variation, social marker, linguistic change, multilingualism, economy principle in the language.

УДК 81' 253

**ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСАМИ -ОВАТ-²/ -ЕВАТ-² И -ISH
В АНГЛО-РУССКИХ И РУССКО-АНГЛИЙСКИХ
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ:
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Субботина О. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: subbotiny08@mail.ru*

В статье исследуются синергетические закономерности, влияющие на содержание переводческих трансформаций в русском и английском языках, которые формируются в результате интерпретации адъективов с суффиксами *-оват-²/-еват-²* и *-ish*. Синергетическими триггерами, образующими ядро переводческого пространства и влияющими на процесс конкретизации значения, являются словообразовательная валентность и особенности семантико-словообразовательной структуры эквивалентов ПЯ. Синергетический эффект, результатом которого выступает генерализация семантики, обусловлен актуализацией переносных значений языковых единиц ПЯ в ядре переводческого пространства.

Ключевые слова: адъектив, генерализация, трансформации, синергетика, переводческие конкретизация, ядро переводческого пространства.

ВВЕДЕНИЕ

Системный подход к изучению языковых фактов имеет убедительное философско-лингвистическое обоснование (И.А. Бодуэн де Куртенэ, В. Гумбольдт, А. А. Потенция, Ф. де Соссюр) и получает перспективное развитие в языковедении в рамках социальной и системно-структурной парадигмы (Ш. Балли, А.А. Реформатский, Э. Сепир, Б. Уорф, Р.О. Якобсон). Системно-структурный подход в исследовании языка [3; 4; 8; 15; 18; 19; 22; 27; 28; 32] сформировался в том числе и под влиянием результатов, приобретенных в области кибернетики (общей теории систем) (Л. фон Берталанфи, У. Росс Эшби) и физики (синергетики) (Г. Хакен). Это способствовало определению лингвистической системы как «сложного единства, в котором могут быть выделены составные части-элементы, а также и схема связей или отношений между элементами» [18, с. 184].

Сложно-системный, или синергетический, подход прочно укоренился не только в точных, но и в гуманитарных науках [5; 6; 11; 12; 13] и определил оформление лингвосинергетики как самостоятельного научного течения. В рамках сформировавшегося лингвистического направления исследуются теоретические аспекты лингвосинергетики [10, 11], структура текста [20], дискурсивная синергетика слова [1], проблемы синергетического анализа [7], эволюция литературной нормы [30], лингвосинергетика поэтического текста [21], системно-синергетические принципы организации русскоязычного женского журнала [31]. В частности, системный подход к переводу текста [16; 17; 9] является одним из

аспектов лингвосинергетики, нуждающихся в более детальном изучении, и предопределяет *актуальность* данной работы.

Цель статьи – исследовать синергетические закономерности переводческих трансформаций, формирующихся в результате интерпретации адъективов с суффиксом *-оват⁻²/-еват⁻²* [29] и с суффиксом *-ish* в русском и английском языках.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Определяя основные принципы синергетики перевода, Л. В. Кушнина исходит из положения о полевой природе языка, что позволяет нам представить сам процесс перевода как полевую структуру, имеющую ядро и периферию. Формой проявления этой нелинейной синергетической структуры является переводческое пространство. Если ядро переводческого пространства – содержание текста выражает эксплицитный смысл, то периферия заключает в себе разнообразные имплицитные смыслы, формируемые как в текстовых полях, так и в полях субъектов переводческой коммуникации. Каждое из текстовых полей является носителем множества имплицитных смыслов [16, с.173]. Признание нелинейности как синергетической закономерности переводческого процесса перекликается с системологической моделью науки о переводе Н. К. Гарбовского: "Синтез разных предметных граней, имеющий целью построение единой теории перевода, требует системного подхода. Тогда, прежде всего, сама противоречивая переводческая реальность будет представлена как системное явление, то есть как некая совокупность элементов, между которыми устанавливаются определённые типы связей и отношений, благодаря чему эта совокупность приобретает определённую целостность и единство со всеми присущими системе свойствами и отношениями" [9, с. 14].

Семантические, грамматические и словообразовательные характеристики русских имен прилагательных с суффиксом *-оват⁻²/-еват⁻²* релевантны характеристикам английских адъективов с суффиксом *-ish* [2], где производные с суффиксом *-оват⁻²/-еват⁻²* обозначают "имеющий свойства того, что названо мотивирующим существительным" [23], а дериваты с суффиксом *-ish* – выражение раздражения или презрения: *childish* – *ведешь себя, как ребенок*, *bearish* – *как медведь*, *camelish* – *упрямый, как верблюд* [33]. Однако контекстуальный анализ переводческих трансформаций [14, с. 172] исследуемых адъективов позволил выявить многоуровневость компонентов, влияющих на процесс их перевода: отношение к норме (узуальность/ окказиональность), принадлежность к той или иной части речи, словообразовательная типология производных адъективов, словообразовательная валентность суффиксов *-оват⁻²/-еват⁻²* и *-ish* в ИЯ и ПЯ, а также актуализация тех или иных ЛСВ слов в процессе функционирования.

Наше внимание привлекают переводческие (русско-английские и англо-русские) трансформации, включающие три тематические подгруппы дериватов, которые мотивированы именами существительными со значением "названия лиц": 1) по роду занятий; 2) по качествам характера; 3) в переносном значении (названия животных).

Данная статья посвящена описанию имен прилагательных, производных от субстантивов с семантикой "названия лиц по роду занятий". *Тематическая*

подгруппа представлена узуальными отсубстантивными производными адъективами синонимического содержания, относящимися к мутационному словообразовательному типу: жуликоватый, плутоватый, вороватый, в сопоставлении с английскими эквивалентами *roguish, shifty, sly, thievish/ thievishly/ furtively*. Например:

жуликоватый – "склонный к жульничеству, мошенничеству// свойственный жулику, подозрительный" ← жулик – "вор, мелкий мошенник" [25] является эквивалентом *roguish* – "*characteristic of a dishonest or unprincipled person*" ← *rogue* – "*adishonest or unprincipled man*" [24; 34].

В контексте перевода встречаем следующую трансформацию:

ИЯ	ПЯ
They moved quickly, following my smallest gesture, and they gave him <i>the look of a very thorough rogue</i> . But at the moment he was all heartiness and good-fellowship (S. Maugham. The Moon and Sixpence).	Они бегали быстро-быстро, следя за каждым моим движением, и придавали капитану <i>изрядно жуликоватый вид</i> , хотя в настоящую минуту он был, можно сказать, сама доброжелательность (С. Моэм. Луна и грош. Переведено: Н. Ман).

Лексико-семантическая замена словосочетания ИЯ "*the look of a very thorough rogue*" словосочетанием ПЯ "*изрядно жуликоватый вид*" влияет на семантику переводного контекста, в котором актуализируется ЛСВ "*свойственный жулику, подозрительный*" благодаря наречию степени *изрядно*. Следовательно, в контексте перевода происходит конкретизация значения, обусловленная: 1) высокой словообразовательной валентностью суффикса *-оват-²/-еват-²* по отношению к производящему узуальному существительному *жулик*; 2) семантико-словообразовательной структурой адъективов мутационного типа, потенциально предрасположенных к развитию модификационных значений (большее или меньшее проявление признака) в процессе функционирования.

Рассмотрим другой пример:

ИЯ	ПЯ
The small <i>shifty</i> man was being carried out of his depth; all through his life he had swum safely about among his prickly little adulteries, his compromising letters, but the tide was washing him out to where the bigger fishes hunted (Greene H. The Ministry of Fear).	Маленький <i>жуликоватый</i> человек откусил кусок не по зубам; всю свою жизнь он проплавал как рыба в воде среди своих сомнительных делишек: адюльтеров, компрометирующих писем, а теперь течение вынесло его туда, где охотились акулы (Грин Г. Ведомство страха. Переведено: Голышева Е.М).

Согласно данным словаря *shifty* – "ловкий, изворотливый; хитрый; нечестный" [24]. Такой словообразовательный тип формирования производных адъективов в английском языке является довольно продуктивным: имя существительное + *-y* = имя прилагательное. Например: *wind*(ветер) + *-y* = *windy* (ветренный), *storm* (буря) + *-y* = *stormy* (бурный), *soap* (мыло) + *-y* = *soapy* (мыльный). Однако в процессе деривационного анализа производного прилагательного *shifty* мы не выявили релевантного по семантике имени существительного, которое могло бы участвовать в качестве производящего слова [34]. Это дает основания предполагать, что адъектив **shifty** образован от ЛСВ глагола **to shift** – "be evasive or indirect": "He le ads by following opinion, he trims, he shifts, he glides on the silvery sounds of his ... voice ..." [34]. Ср.: **to shift** – "изворачиваться; ухищряться" [24]. Такое предположение можно считать вполне обоснованным, так как транспозиция является одним из основных типов словообразования в английском языке: *a look* – "взгляд" – *to look* – "смотреть", *a present* – "подарок" – *to present* – "дарить", *a walk* – "прогулка" – *to walk* – "идти пешком, гулять", *water* – "вода" – *to water* – "поливать цветы" и др.

Таким образом, синергетическим триггером для конкретизации языковой единицы ИЯ в данном случае служит семантико-словообразовательная структура ПЯ, отражающая мутационный характер переводимой лексемы *shifty* в языке оригинала.

Следующее производное прилагательное исследуемой тематической группы – *плутоватый*:

плутоватый – "склонный к плутовству, обману// выражающий плутовство, лукавство" ← **плут** – "хитрый и ловкий обманщик, мошенник// человек, который любит хитрить, лукавить (разг.)" соответствует **roguish** и **cunning** в английском языке [24]. При этом **roguish** точнее соответствует семантико-словообразовательной структуре адъектива **плутоватый** = **плут** + **-оват**-²ср. **Roguish** = **rogue** + **-ish**.

Однако, несмотря на данные семантического и словообразовательного анализа, а также информацию, представленную словарями, в контексте перевода встречаем следующие лексико-семантические трансформации:

ИЯ	ПЯ
–А знаешь что? – вдруг обратился он к Разумихину с <i>плутоватою</i> улыбкой, – я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном волнении состоишь? (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).	"I say, brother," he said suddenly, addressing Razumihin, with a <i>sly</i> smile, "I have been noticing all day that you seem to be curiously excited (F. Dostoevsky. Crime and Punishment. Translated / Переведено: C. Garnett).
Сравним:	
<i>Плутовская</i> улыбка показалась на лице Свидригайлова и все более расширялась (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).	A <i>sly</i> smile came into Svidrigailov's face and grew broader and broader (F. Dostoevsky. Crime and Punishment. Translated / Переведено: C. Garnett).

В контексте ПЯ непроизводное прилагательное *sly* – "коварный, хитрый; лукавый, озорной" [24] используется в качестве эквивалента для перевода отсубстантивного производного *плутоватый* и *плутовской*. В тексте перевода нивелируется разница в словообразовательной структуре производных адъективов ИЯ:

плутоватая улыбка *плутовская* улыбка

sly smile

На генерализацию семантики слова в тексте ПЯ оказывает воздействие актуализация в контексте переносных синонимических значений адъективов *плутоватый* и *плутовской*, образованных в рамках разных мутационных словообразовательных типов. Следовательно, синергетическим импульсом, повлиявшим на выбор переводчицей эквивалента *sly*, можно считать развитие метафорического переносного значения, тождественного и прилагательному *плутоватый*, и прилагательному *плутовской*.

Производное прилагательное **вороватый** – "склонный к нечестным поступкам // плутоватый" ← **вор** – "человек, который ворует, преступник, занимающийся кражами" интерпретируется в английском языке как **thievish; furtive, stealthy** [24]. По семантике и словообразовательной структуре **thievish** – "relating to or given to stealing" ← **thief** – "a person who steals a not her person's property" [34] является наиболее точным эквивалентом русского имени прилагательного. Это наиболее четко проявляется в лексикографической интерпретации наречия **воровато** – "*thievishly*" [24]. Несмотря на это, в ПЯ предлагается следующая трансформация:

ИЯ	ПЯ
Варенуха <i>воровато</i> оглянулся, следуя безумному взору Римского, за спинку кресла и понял, что он открыт (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).	Following Rimsky's horrified stare Varenukha glanced <i>furtively</i> round behind the chairback and realised that he had been found out (M. Bulgakov. Переведено: M. Glenny).

Генерализация значения *воровато* → *furtively* – "украдкой, тайно" [24] в ПЯ реализуется благодаря семантическому потенциалу лексемы в ИЯ выражать переносные смыслы, которые оказываются тождественными языковой единице в языке оригинала: *воровато* – "перен. украдкой, потихоньку" [26].

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование адъективов с суффиксом *-оват-²/-еват-²* и с суффиксом *-ish*, мотивированных именами существительными со значением "названия лиц по роду занятий", в переводческих трансформациях русского и

английского языков позволило выявить следующие синергетические закономерности:

1) в процессе перевода с ИЯ (английского) на ПЯ (русский) происходит конкретизация значения языковых единиц, обусловленная тем, что ядро переводческого пространства [16, с. 173] формируется за счет высокой словообразовательной валентности суффикса *-оват⁻²/-еват⁻²* и особенностей семантико-словообразовательной структуры эквивалентов ПЯ. Периферия (имплицитные смыслы) в языке перевода [там же] содержит потенциал для образования модификационных значений;

2) при переводе с ИЯ (русский) на ПЯ (английский) имеет место генерализация семантики в языке перевода, вызванная тем, что ядро переводческого пространства создается с помощью переносных значений языковых единиц ПЯ, а на периферию переносится семантико-словообразовательная структура слов (включающая частеречную принадлежность производящих единиц) и суффиксальная валентность.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: [научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко]. – Вып. 6. – Краснодар, 2008. – С. 20–27.
2. Английская грамматика [Электронный ресурс] / Английская грамматика. – Режим доступа к ресурсу: <http://lessons-english.ru> (дата обращения 12.10. 2015).
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – Т. II. / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [2-е изд., испр.] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
5. Бронник Л. В. В поисках единицы речевого общения (когнитивно-синергетический фильтр идей) / Л. В. Бронник // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 106. – С. 83–89.
6. Буданов В. Г. Принципы синергетики и язык / В. Г. Буданов // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 340–353.
7. Бутов В. Н. О некоторых проблемах синергетического анализа / В. Н. Бутов // Вісник Запорізького національного університету. – 2008. – № 2. – С. 19–23.
8. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов: учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. – [3-е изд., искр]. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
9. *Гарбовский Н. К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода.* – 2015. – № 1. – С. 3–20.
10. Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 170 с.
11. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика / С. К. Гураль // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филологические науки». – 2007. – № 302. – С. 7–9.
12. Данилов Ю. А. Прекрасный мир науки: [сборник] / сост. А. Г. Шадтина; под общ. ред. В. И. Санюка, Д. И. Трубецкого / Ю. А. Данилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 384 с.
13. Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего. – [изд. 3-е] / С. П. Капица, С. П. Курдюков, Г. Г. Малинецкий. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с. – (Сер. «Синергетика: от прошлого к будущему»).
14. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 254 с.

15. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Рос.академия наук, Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
16. Кушнина Л. В. Основные принципы синергетики перевода / Л. В. Кушнина // Вестник УдмГУ. – 2011. – № 5 – 4. – С. 173-177.
17. Кушнина Л. В., Иванова О. А. Синергетическое моделирование переводческого пространства: от межязыковой эквивалентности к межкультурной гармоничности / Л. В. Кушнина, О. А. Иванова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №5. – С.312.
18. Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии / Г. П. Мельников // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 183–204.
19. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма / А. С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 19–32.
20. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс: [монография] / Г. Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
21. Муратова Е. Ю. Лингвосинергетика поэтического текста / Е. Ю. Муратова. – Минск: ООО «Издательство Простобук», 2011. – 220 с.
22. Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды / Н. С. Поспелов: сост. и вступ. ст. Е. А. Иванчикова / отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 182 с.
23. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
24. Словарь АБВУД Lingvo-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.lingvo.ua/ru> (дата обращения 15.10 2015).
25. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. [под ред. В. И. Чернышёва]. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
26. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения 15.10. 2015).
27. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1977. – 344 с.
28. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю. С. Степанов / [отв. ред. В. П. Нерознак]. – М. : Наука, 1985. – 336 с.
29. Субботіна О. А. Семантика похідних ад'єктивів із кваліфікативно-квантитативним компонентом (на матеріалі сучасної російської мови): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 „Російська мова” / О. А. Субботіна. – Київ, 2006. – 20, [1] с.
30. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект): [монография] / Н. В. Хруцкая. – К. :Освита України, 2008. – 372 с.
31. Шилина А. Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте теории текста (синергетический анализ) : [монография] / А. Г. Шилина. – Симферополь : Антика, 2012. – 280 с.
32. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – [изд. 2-е, стереотип.]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
33. <http://englsecrets.ru/grammatika/slovoobrazovanie-v-anglijskom-yazyke.html> (дата обращения: 13.10.2015).
34. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: www.oxforddictionaries.com (дата обращения 15.10 2015).

**ADJECTIVES WITH SUFFIXES *-OBAT*⁻²/*-EBAT*⁻² AND *-ISH* IN ENGLISH-
RUSSIAN AND RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION TRANSFORMATIONS:
SYNERGETIC APPROACH**

Subbotina O. A.

The article explores synergetic regularities influencing the content of translation transformations in Russian and in English that are being formed as the out come of the interpretation of adjectives with suffixes *-оват*⁻²/*-еват*⁻² and *-ish*. Synergetic triggers, designing the core of the translation area and effecting the process of meaning detailing, are word-formative valence and peculiarities of the semantic and word-formative structure of the equivalent in TL. Synergetic effect, giving the result of the semantic generalization, is predetermined by the figurative meanings actualization of the language units in the core of the translation area of TL.

Keywords: adjective, generalization, translation transformations, synergetics, meaning detailing, core of translation area.

УДК 81'373.2

ФУНКЦІОНУВАННЯ ОСОБОВИХ ІМЕН-КОМПОЗИТІВ У РОМАНІ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО «СМЕРТЬ У КИЄВІ»

Супрун О. В.

*Таврійська академія Федерального державного автономного освітнього закладу вищої освіти
«Кримський федеральний університет ім. В. І. Вернадського», Сімферополь
E-mail: aljona-suprun@mail.ru*

У статті досліджуються семантичні та структурно-граматичні особливості особових імен-комполітів, зафіксованих в історичному романі П. Загребельного "Смерть у Києві", які служать ілюстрацією специфіки антропонімів часів Київської Русі.

Ключові слова: літературна ономастика, антропонім, імена-комполіти, двоіменність, слов'янські мови.

ВСТУП

Усі напрямки сучасного вивчення власних назв, тобто ономастика теоретична, описова, історична, прикладна, літературна, знаходяться на піднесенні, активно розвиваються й одержують нові здобутки. Про що свідчать численні праці О. Ю. Карпенка, В. М. Калининна, Л. О. Белея, Е. Б. Магазаника, О. В. Суперанської та інших вчених.

Поетична ономастика простежує процес створення поетонімів, що дозволяє проникнути в психологію творчого процесу, передбачаючи текстологічний аналіз чорнових та інших підготовчих матеріалів, які використовуються при створенні художнього тексту [5]. Однак жанр історичного роману має особливі умови формування ономастикону твору: змальовуючи реальні історичні події, автор не утворює нові, а використовує реально існуючі імена людей, географічні назви тощо.

Тривалий час дослідники не приділяли належної уваги історичним поетонімам. У їх використанні не вбачали творчої ролі письменника. За твердженням С. І. Зініна, аналіз ономастичного простору реалістичної прози дозволив визнати, що поетонімами слід вважати не тільки створені автором власні імена, але й імена реальних історичних осіб, які є образами художнього твору [5].

Історичні особові імена можуть зберігати в художніх текстах всю повноту характерних ознак, які закріпилися за ними у їх вживанні в національній ономастиці. Роль письменника у створенні таких поетонімів мінімальна. Тому вони є цікавим матеріалом для лінгвістичних досліджень.

Мета роботи – дослідити особові імена-комполіти (ОК) у романі П. Загребельного "Смерть у Києві" в семантичному і структурно-граматичному аспектах.

Матеріалом дослідження стали 15 ОК, зафіксованих у романі П. Загребельного "Смерть у Києві".

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Події історичного роману відбуваються у XII столітті за часів жорстоких і кривавих міжусобних воєн. У художньому тексті зображено боротьбу Юрія Долгорукого за об'єднання всіх руських земель в єдину державу. Доба Київської Русі яскраво ілюструє автохтонні слов'янські імена, зокрема ОІК. У романі носіями цих імен є переважно князі династії Рюриковичів.

Разом із християнством на землі Київської Русі приходять церковні імена іншомовного походження. Починаючи з князя Володимира Святославовича, кожен представник династії Рюриковичів мав хрестильне ім'я. Однак найчастіше у писемних пам'ятках зустрічаються язичницькі за походженням імена князів X-XII століття. Причиною цьому є стійка традиція наречення на честь предків – один з найважливіших складників культу роду. Династична традиція вибору імені була досить консервативна. Зіштовхнувшись із масовим поширенням християнського іменослова, вона виробила двоіменність. “Мало минути не одне століття, перш ніж християнські імена, спочатку не пов'язані зі світом князівських предків, отримали можливість стати родовими” [8, с. 11].

Ономастичний простір історичного роману «Смерть у Києві» має широкий матеріал для дослідження слов'янських особових імен і нараховує 15 ОІК, носіями яких є 40 осіб.

Більшість імен у тексті виступають на позначення кількох осіб, що свідчить про їхню популярність і авторитетність, оскільки у складній системі наслідування престолу ім'я нерідко визначало ті династичні перспективи, на які новонароджений міг розраховувати за задумом його найближчих родичів. За допомогою імен часто намагалися закріпити здобуті права на більш високий статус у родовій ієрархії або заявити про свої претензії на нього [8, с. 13].

Особові імена *Володимир*, *Святослав*, *Ярослав*, вживаються у тексті на позначення 5 осіб кожне; *Всеволод* – 4; *Ізяслав*, *Ростислав*, *Святополк* – 3. Наприклад, ім'я *Ярослав* у романі мають такі персонажі: *Ярослав Володимирович Мудрий: Ніхто не знав, звідки прийшли половці, а було те ще при синах Ярослава Мудрого* [3, с. 351]; *Ярослав Святославич: Одна з них, Євпраксія, стала жоною ромейського царевича Олексія Комніна, а друга була видана за чернігівського князя Всеволода Ольговича, що довів свою силу, спершу вигнавши з Чернігова дядька свого Ярослава...* [3, с. 12]; *Ярослав Святополкович: Сталося це після того, як роззухвалений Ярослав Святополкович вже вкотре повернувся від свого кривого Болеслава Кривоустого з великою військовою силою і пішов на Луцьк...* [3, с. 59]; *Ярослав Юрійович: У Києві живе Ярослав, прозваний Мудрим. І я теж Ярослав* [3, с. 124]; *Ярослав Ізяславич: Він прийшов у Новгород, де князував син його молодший Ярослав, скликав віче, плакав перед новгородцями своїми золотушними очима...* [3, с. 272].

Унікальне в роду Рюриковичів ім'я мав молодший син Володимира Великого псковський князь Судислав. На думку деяких вчених, матір'ю Судислава була п'ята дружина Володимира – Адель, донька перемишльського князя одного з хорватських князівств. Як слушно зазначає Л. В. Войтович, це дає підстави говорити про південнослов'янське походження імені [2, с. 274].

Князя Судислава спіткала тяжка доля: у результаті міжусобиць він був заточений Ярославом Мудрим у темницю, де пробув більше двадцяти років. Після смерті Ярослава Судислав був звільнений племінниками, які змусили його відмовитися від права на київський престол. Згодом став ченцем у Київському Георгіївському монастирі, де невдовзі помер [2, с. 274]. На думку Ф. Б. Успенського, саме з причин такого страшного життя князя Судислава Володимировича це ім'я більше не зустрічається в династичному обігу [7].

Ім'я *Болеслав* у тексті представлене двома польськими князями – Болеславом Кривоустим і його сином Болеславом Кучерявим. Серед руських князів воно не здобуло поширення, але це не означає, що воно є стороннім для східнослов'янської антропонімії. Ім'я *Болеслав* неодноразово фіксується в українських і російських антропонімічних словниках (у Суперанської з позначкою “польск.” [11, с. 52], у Петровського з позначкою “слав. редк.” [9, с. 72]).

Ім'я *Владислав* (*Володислав*) також не увійшло в обіг серед Рюриковичів, але було дуже поширеним серед польських князів і королів. У досліджуваному тексті воно також представлене польським князем Владиславом II: *Коли після смерті Кривоустого його син Владислав став на чолі Польської землі, настали для всіх лихі часи* [3, с. 69]. У словнику Н. М. Тупікова під іменем *Владислав/Володислав* записані 7 осіб [12, с. 92], через що можемо говорити про його функціонування у східних слов'ян поза межами князівської династії.

Основи досліджуваних ОІК у препозиції походять від різних частин мови, зокрема це **субстантивні** основи: **Мир-** (*мир* “спокій, згода” [3, с. 47]; “мирний, мир” [10, с. 78]), **Волод-** (*voldъ “влада” [10, с. 48]); **вербальні**: **Бор-** (*бороти* “бороти” [3, с. 47]), **Влад-/Волод-** (*владати* “володіти” [3, с. 46]), **Із-** (*узяти* “взяти, брати” [9, с. 147]), **Мсти-** (*мстити* “мстити” [3, с. 46]; “помста” [10, с. 80]), **Рост-** (“рости” [10, с. 95]), **Суд-** (*судити*); **ад'єктивні**: **Свят-** (*святъ* “святий, благочестивий” [3, с. 47]), **Яр-** (*яръ* “лютий, енергійний, сильний” [3, с. 47]), **Боле-** (*боліє* “більше, краще” [3, с. 48]; *боліє* “більше” [10, с. 43]), **Вяче-** (*вяче* “більше” [3, с. 48; 10, с. 50]); **пронімінальні**: **Все-** (*весь* [3, с. 48; 10, с. 49]).

Кількість основ у постпозиції значно менша, це такі компоненти: **-волод** (*владати* “володіти” [10, с. 49]), **-мир** (*тѣрь “великий” [10, с. 43]), **-полк** (*плькъ* “військо, загін” [3, с. 47]; **-слав** (*слава* “честь, похвала, слава” [3, с. 47]).

За словами І. І. Ковалика, інформація концентрується передусім на початку імені, а кінцеві частини є менш навантаженими інформативною функцією [6, с. 218]. Більшість досліджуваних імен-комполітів у препозиції має вербальні компоненти (*Борислав, Владислав, Володимир, Ізяслав, Мстислав, Ростислав, Судислав*). Таким способом в імені відображається прагнення до дії, адже рішучість і дієвість є важливими рисами для державного правителя.

Семантично ОІК тяжіють до понять мужності, влади і слави, які чітко відображають систему цінностей правлячої верхівки в середньовічні часи Київської Русі.

ВИСНОВКИ

Отже, ономастичний простір історичного роману дає вичерпний матеріал для вивчення особових імен-комполітів доби Київської Русі, зокрема антропонімікону династії Рюриків. У ході дослідження було з'ясовано, що деякі імена мали особливу популярність у князівських колах. Ця популярність зумовлена родовими традиціями називання і, певною мірою, семантикою імен. Власне семантика цих імен пов'язана з поняттями влада, мужність, слава, які відображають основні тогочасні життєві цінності. Значенням дієвості за допомогою дієслівних компонентів наділена більшість досліджуваних одиниць.

Проведене дослідження в майбутньому доречно розширити і доповнити матеріалами з інших романів П. Загребельного, присвячених добі Київської Русі, а саме: “Диво”, “Первоміст”, “Євпраксія”, які містять ілюстрації до інших слов'янських ОІК, у тому числі й жіночих імен.

Список літератури

1. Баженова А. И. Славян родные имена / А. И. Баженова – М.: Ладога-100, 2006. – 592 с.
2. Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти / Л.В. Войтович. – Біла Церква: Вид. О. В Пшонківський, 2006. – 784 с.
3. Демчук М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV-XVII ст. / М.О. Демчук. – К.: Наукова думка, 1988. – 172 с.
4. Загребельний П. А. Твори : в 6-ти томах. – Т. 3 / П.А. Загребельний. – К.: Дніпро, 1980. – 680 с.
5. Зинин С. И. Введение в поэтическую ономастику [Электронный ресурс] / С.И. Зинин. – Режим доступа: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/klasspoetonim.html> (дата обращения: 29.10.2015).
6. Ковалик І. І. Словотвір особових імен в українській мові (здрібно-пестливі утворення). – В кн.: Територіальні діалекти і власні назви / І. І. Ковалик. – К.: Наукова думка, 1965. – С. 216–225.
7. Козыревская А. С момента крещения Руси каждый князь Рюрикович обладал как минимум двумя именами [Интервью с Ф. М. Успенским], 21.10.2014 / [Электронный ресурс] / А. Козыревская. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/talks/34977> (дата обращения: 29.10.2015).
8. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
9. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 477 с.
10. Скрипник Л. Г. Власні імена людей / Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. – К.: Наукова думка, 1996. – 335 с.
11. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
12. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – Санкт-Петербург, 1903. – 862 с.

**СУПРУН А. В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН-КОМПОЗИТОВ
В РОМАНЕ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО «СМЕРТЬ В КИЕВЕ»**

Супрун А. В.

В статье исследуются семантические и структурно-грамматические особенности личных имен-композигов, зафиксированных в историческом романе П. Загребельного "Смерть в Киеве", которые служат иллюстрацией специфики антропонимов времён Киевской Руси.

Ключевые слова: литературная ономастика, антропоним, имена-композигов, двуименность, славянские языки.

**THE FUNCTIONING OF PERSONAL NAMES-COMPOSITES IN THE NOVEL
BY P. ZAGREBELNIY «DEATH IN KYIV»**

Suprun A. V.

The article examines the semantic, structural and grammatical features of the personal names-composites, which are found in the historical novel P. Zagrebelskiy "Death in Kiev." These illustrate the specifics anthroponyms of times of Kievan Rus.

Key words: literary onomastics, anthroponym, names-composites, double-naming, Slavic languages.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Алиева
Асие Дамировна студентка второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
2. Ачилова
Вера Павловна кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
3. Блинова
Анастасия Викторовна аспирант 2-го года обучения кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
4. Бломквист
Юлия Сергеевна ассистент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
5. Богданович
Галина Юрьевна доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики, директор Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

6. Бридко Татьяна Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
7. Валеева Любовь Каримовна старший преподаватель кафедры иностранных языков Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
8. Величко Мария Игоревна магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
9. Гладких Ольга Игоревна кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
10. Гуменюк Виктор Иванович доктор филологических наук, профессор, завкафедрой украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
11. Демидец Ольга Николаевна магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

12.	Дехтярева Елена Витальевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
13.	Доминенко Наталья Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2 Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
14.	Дьяконова Карина Юрьевна	учитель английского языка МБОУ СОШ №13, г. Симферополь
15.	Жуков Анатолий Евгеньевич	студент филологического факультета, специальность «Украинский язык и литература» ДонНУ, г. Донецк
16.	Зябрева Галина Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
17.	Коновалова Елена Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-методического центра полилингвального образования Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
18.	Кривенко Оксана Вячеславовна	соискатель кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

19. Лучинкина Ирина Сергеевна магистрант Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
20. Макаренко Светлана Игоревна аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
21. Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
22. Мащенко Александр Петрович кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
23. Митина Елена Андреевна магистрант кафедры теории языка литературы и социолингвистики Институт иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
24. Орехов Владимир Викторович доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

25. Орехова Людмила Александровна доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
26. Охременко Александра Александровна аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
27. Первых Диана Константиновна кандидат культурологии, ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
28. Первых Вадим Владимирович аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
29. Петренко Александр Демьянович доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

30. Петренко
Даниил
Александрович кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой немецкой филологии Института
иностранной филологии Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
31. Посохова
Екатерина Васильевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков №2 Института
филологии Таврической ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
32. Рейзова
Эльвина Мурадовна магистрант кафедры теории языка, литературы
и социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
33. Рыжикова
Марина Дмитриевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
34. Северина
Анастасия Николаевна магистрант Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
35. Супрун
Алёна Викторовна магистрант кафедры украинской филологии
факультета славянской филологии и
журналистики Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

36.	Сурган Марина Александровна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
37.	Чабаненко Татьяна Сергеевна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
38.	Чепурина Инна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
39.	Чернышова Марина Викторовна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
40.	Шевчук- Черногородова Мария Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

41. Шилина
Анжела Григорьевна доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Научно-
методического центра полилингвального
образования Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
42. Шиманович
Анна Николаевна кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики Института иностранной
филологии Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
43. Щербачук
Лидия Федоровна кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского, славянского и общего
языкознания Таврической академии ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
44. Яблоновская
Наталья Всеволодовна доктор филологических наук, профессор
кафедры межъязыковых коммуникаций и
журналистики факультета славянской
филологии и журналистики Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
45. Ященко
Татьяна Антоновна доктор филологических наук, профессор
кафедры межъязыковых коммуникаций и
журналистики факультета славянской
филологии и журналистики Таврической
академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аникеева Е. А.	
Интертекстуальные игры Патрика Зюскинда: «Парфюмер» как «Роман о художнике»	3
Бондаренко Л. В.	
Смыслообразующая роль постапокалиптического хронотопа в романе Кормака Маккарти «Дорога»	8
Норец Т. М.	
«Искусство памяти» в творчестве П. Модiano	14
Терлецкий А. Д.	
О духовной брани в жизни и творчестве русских писателей (общие принципы и проблемы изучения)	18

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Андрейченко О. І.	
Метафора як спосіб реалізації концепту <i>артефакти</i> в сучасному політичному дискурсі	26
Меметов А. М.	
Фонетико-морфологические и лексические особенности диалектов крымскотатарского языка	35
Пелипась М. І.	
Епітет в поезії Максима Рильського	43
Петренко А. Д., Петренко Д. А.	
О некоторых признаках немецкого консонантизма в социофонетическом и фоностилистическом аспекте	53
Сирица Е. А.	
К проблеме изучения языковой ситуации в Индии	61
Сотникова В. І.	
Гуцульській говір у повісті Гната Хоткевича «Довбуш»	67
Яценко Т. А., Елизарова О. О.	
Фразеологические единицы как средство формирования экономического дискурса (А. Н. Островский «Доходное место»)	72

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Кочергина Л. В.	Методика отбора и систематизации иноязычной лексики медицинской сферы при обучении студентов-медиков	79
Кушнарева Т. И.	Самостоятельная работа студентов при формировании умений чтения на иностранных языках во время научной работы.....	85
Малярчук-Прошина У. О.	Синтаксические средства выражения оценки в медиатекстах	89
Норец Т. М., Дидковский И. А.	Национальные особенности сказок Западной Европы (на материале английских, немецких и французских сказок).....	95
Регушевская И. А.	Тенденции развития языка крымских печатных сми на современном этапе	100
Чернобривец С. Г.	Газетные заголовки как средство достижения коммуникативно-прагматических целей	110
Чернышова Т. Г.	Об организации самостоятельной работы студентов-магистров при изучении дисциплины «иностранный язык профессиональной деятельности»	117
Бородина Д. С.	Средства уточнения информации в лекциях на английском лингва франка	121
Забашта Р. В.	Функция подвижного персонажа в поэтическом тексте: интерпретационный аспект (на примере стихотворения Г. Шпаликова «По несчастью или к счастью...»)	131
Логвина С. А., Сахно Е. М.	Функционально-прагматический аспект явления эвфемии	137
Петренко А. Д., Поповская А. Я.	Языковой контакт и проблема языковых изменений.....	143
Субботина О. А.	Имена прилагательные с суффиксами <i>-оват⁻²/ -еват⁻²</i> и <i>-ish</i> в англо-русских и русско-английских переводческих трансформациях: синергетический подход	151

Супрун О. В.

Функціонування особових імен-комполітів у романі
П. Загребельного «Смерть у Києві» 159

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 164